

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2021 г., том 28, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

Гурьянова Н.С. Патриарх Никон и эсхатология	5
Панич Т.В. «Тетради» Петра Артемьева: штрихи к биографии писателя.	11
Ромодановская В.А. Геннадиевская Библия 1499 г.: Опыт и перспективы издания	17
Журова Л.И. Послания старца Артемия: к вопросу о противолотеранской полемике в публицистике XVI в.	23
Титова Л.В. О компилятивных сочинениях в старообрядческой литературе.	29
Есипова В.А. Старообрядческая библиотека в составе собрания Томской духовной семинарии	36
Анисимов А.О. Книгоиздатель И.П. Ладыхников (1874–1945): неизвестные эпизоды биографии	43
Родигина Н.Н. Какой быть детской литературе о Сибири: дискуссии 1950-х гг.	50

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Ширер Д.Р. Сказ о кулацкой корове: трансформация идентичностей, обвинения и скрытая чистка 1930-х гг.	59
Лапердин В.Б. Беднота и середняки в колхозном социуме Западно-Сибирского края в первой половине 1930-х гг.	68
Фельдман М.А. Осмысление партийно-хозяйственной элитой СССР итогов первой пятилетки: путь к прозрению не бывает легким	76
Кондратенко Б.Б. Угрозы безопасности дальневосточных рубежей СССР в 1932–1941 гг.	85
Дённыйхаус В., Савин А.И. «Секрет, завернутый в тайну»: здоровье Леонида Брежнева как элемент государственного механизма	92
Метель Е.В. «Не трудящийся, да не ест!»: привлечение женщин Алтая к производительному труду в 1920-е гг.	101

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. СООБЩЕНИЯ

80 лет профессору Н.А. Томилову	108
75 лет профессору Н.П. Матхановой	109
Старухин Н.А. Староверы Екатеринбурга в истории и общественной жизни города (Рец. на кн.: Боровик Ю.В. «Старообрядцы уральского города во второй половине XIX – начале XX веков: конфессиональное сообщество и семья Екатеринбурга». Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 448 с.)	110
Стрекалов И.Н. К вопросу о политической культуре эпохи сталинизма на примере истории Конституции СССР (Рец. на кн.: Ольга Великанова. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. М., 2021. 360 с.)	113

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), академик РАН, *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), канд. ист. наук *В.В. Данилович* (Минск), доктор, профессор *Дашидэндэв* (Улан-Батор, Монголия), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук *А.С. Зуев* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор, профессор *Л. Виола* (Торонто, Канада), доктор *К. Мацузато* (Токио, Япония), академик РАН, профессор *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор, профессор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), д-р ист. наук *И.В. Побережников* (Екатеринбург), *Я. Садовски* (Краков, Польша), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Нур-Султан, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреевков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Ж.А. Ермекбай*, д-р ист. наук *Г.М. Запорожченко*, д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *Л.Н.Мазур*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, канд. ист. наук *Т.И.Морозова*, д-р ист. наук *С.А. Некрылов*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *В.Н. Разгон*, д-р ист. наук *Н.Н. Родигина*, д-р ист. наук *Т.А. Сабурова*, канд. ист. наук *А.И. Савин* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Л.Н.Славина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 311, тел. (7–383) 330–24–31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 23.03.2021 г. ПИ № ФС 77-80-483

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *Н.М. Райзвих*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 30.09.21. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 43.

Сибирское отделение РАН
630090 Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2
Тел. 330-84-60, e-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2021, vol. 28, N 3

CONTENTS

BOOK CULTURE

Gurianova N.S. Patriarch Nikon and eschatology	5
Panich T.V. «Notebooks» by Peter Artyemyev: Touches to the biography of the writer	11
Romodanovskaya V.A. The Genadiev Bible of 1499: Experience and prospects of publication	17
Zhurova L.I. Epistles of Starets Artemius: on the epistles contending Lutherans in the Russian publicist writings of the 16 th century.	23
Titova L.V. On compilations in Old Believer literature	29
Esipova V.A. Old Believer libraries in the collection of Tomsk Theological Seminary: Ignatij Andreev Mozzherin.	36
Anisimov A.O. Book publisher I.P. Ladyzhnikov (1874-1945): of the biography unknown episodes.	43
Rodigina N.N. What children's literature about Siberia should be: conversations of the 1950s.	50

NATIONAL HISTORY

Shearer David R. The tale of the kulak cow: shifting identities, blame and the hidden purge of the 1930s	59
Laperdin V.B. Poorest and middle-class peasants in collective farm society of West Siberian region in the first half of 1930s	68
Feldman M.A. Understanding the results of the First Five-Year Plan: the path to insight is not easy.	76
Kondratenko B.B. Threats to the security of Far-Eastern borders of the USSR 1932–1941	85
Dönninghaus V., Andrey I.S. «A riddle wrapped in a mystery»: health of Leonid Brezhnev as element of state apparatus	92
Metel E.V. «Don't work, don't eat!»: attracting Altai women to productive labor in the 1920s	101

SCIENTIFIC LIFE

80 years of Professor N.A. Tomilov	108
75 years of Professor N.P. Matkhanova	109
Starukhin A.N. «... The delegates said that the government of the whole people is» according to God «»: the Old Believers of Yekaterinburg in the history and social life of the city. (Review on the book: Borovik Yu.V. «Old Believers of the Ural city in the second half of the XIX – early XX centuries: the confessional community and the family of Yekaterinburg.» Yekaterinburg: Publishing house of the Ural. University, 2019. 448 p.)	110
Strekalov I.N. On the question of the political culture of the stalinist era in the history of the Constitution of the USSR (Book review: Velikanova O. “The Constitution of 1936 and the mass political culture of Stalinism”. Moscow, 2021. 360 p.)	113

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Academician of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Candidate of historical Sciences *V.V. Danilovich* (Minsk, Belarus), Doctor of Philosophy *N.B. Dashdende* (Ulaanbaatar, Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor *M. Junge* (Germany), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of Philosophy, Professor *L. Viola* (Toronto, Canada), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Doctor of historical Sciences *I.V. Poberezhnikov* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences *Jakub Sadowski* (Krakow, Poland), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.B. Sydykov* (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *A.S. Zuev* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *J.A. Yermekbay*, Doctor of historical Sciences *G.M. Zaporozhchenko*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Mazur*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Matkhanova*, Candidate of historical Sciences *T.I. Morozova*, Doctor of historical Sciences, Professor *S.A. Nekrylov*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.N. Razgon*, Doctor of historical Sciences *N.N. Rodigina*, Doctor of historical Sciences *T.A. Saburova*, Candidate of historical Sciences *A.I. Savin* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Slavina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

E d i t o r i a l a d d r e s s: Institute of History, SB RAS, office 311, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of the Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807
The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

DOI: 10.15372/HSS20210301
УДК 94:281.93(47)"16"

Н.С. ГУРЬЯНОВА

ПАТРИАРХ НИКОН И ЭСХАТОЛОГИЯ

Институт истории СО РАН
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.

Статья посвящена изучению проблемы обращения патриарха Никона к христианскому эсхатологическому учению в посланиях царю Алексею Михайловичу и в сочинении «Возражение, или Разорение...». Анализ текстов позволил показать, что Никон, покинув патриарший престол, стал интерпретировать изменение своего статуса как гонения на Церковь. Это предоставило ему возможность объяснить создавшуюся для него сложную ситуацию результатом воцарения в мире антихриста. В статье показано, что подобным образом воспринимали свое положение и противники церковной реформы. Они тоже апеллировали к христианскому эсхатологическому учению. При этом обе стороны применяли практически один и тот же набор фрагментов текстов из Священного Писания и святоотеческого предания, предлагали схожее их истолкование, но использовали эсхатологические построения для объяснения разных событий реальной действительности. В результате сделан вывод, что речь идет о характерной для мировоззрения населения России во второй половине XVII в. религиозности средневекового типа.

Ключевые слова: Русская церковь, XVII в., религиозность, патриарх Никон, реформа, раскол, эсхатология, старообрядчество.

N.S. GURIANOVA

PATRIARCH NIKON AND ESCHATOLOGY.

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article is devoted to studying the problem of Patriarch Nikon's appeal to the Christian eschatological doctrine in the letters to Tsar Alexey Mikhailovich and the essay «Vozrazhenie, ili Razorenje...». The text analysis allowed showing that Nikon began to interpret his status change as persecution of the Church after leaving the patriarchal throne. He presented himself as protector of the Church. Opponents of church reform chose the same line of behavior. During the exile Nikon was forced to justify his behavior and defend his views, i.e. found himself in a situation very similar to that of his opponents. In this case, Nikon clearly manifested the religiosity of the medieval type, and explaining his position, he turned to the eschatological doctrine. This doctrine provided an opportunity to interpret the current situation of persecution as a result of the Antichrist's reign coming. The church reform opponents perceived their position in a similar way. They also appealed to the Christian eschatological doctrine. Appealing to Patriarch Nikon's epistles written after the patriarch had left his position, as well as to the text of the essay «Vozrazhenie, ili Razorenje...» made it possible to conclude that such eschatological expectations were possible in the worldview of any person who lived in the second half of the XVII century. It could be explained both by the spiritual crisis and changes in the situation of a particular person, which is especially noticeable in Patriarch Nikon's life. His theological, historical-canonical, philosophical views should be defined as typical of a Modern history person. Having lost the status of patriarch, Nikon, like his opponents, began to interpret the persecution in the spirit of the Christian teaching about the ultimate destinies of the world and man. Eschatological constructions in the Old Believers and Patriarch Nikon's writings indicate that religiosity of the medieval type remained a characteristic feature in views of Russia's population in the XVII century.

Key words: Russian Church, XVII century, religiosity, Nikon, patriarch, reform, schism, eschatology, Old Believers.

Наталья Сергеевна Гурьянова – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: gurian@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-8957-2018>.

Natalya S. Guryanova – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Патриарх Никон – одна из ярких, трагических личностей, оставивших заметный след в истории России. Его творческое наследие многогранно, значительно и все больше привлекает внимание исследователей – богословов, историков, филологов, философов. Современные научные издания трудов [1], эпистолярного наследия [2, с. 325–638] патриарха Никона дают возможность получить более полное представление о его мировоззрении и уточнить его роль в истории Церкви и государства¹. Разумеется, в статье можно только обозначить какой-то аспект важной научной проблемы углубленного изучения творческого наследия патриарха Никона.

XVII в. в истории России занимает особое место. В этот период завершился переход от Средневековья к Новому времени. Вполне устоявшимся мнением следует считать, что вторая половина столетия должна быть охарактеризована как раннее Новое время (об этом см.: [4, с. 14–33]). В этой ситуации особый интерес для исследователей представляет фигура патриарха Никона, который во многом содействовал процессам, связанным с появлением элементов культуры Нового времени. Обращение к творческому наследию патриарха позволит уточнить особенности мировоззрения человека того времени. В его сочинениях и посланиях в полной мере нашли отражение не только индивидуальные взгляды на решение актуальных вопросов современности, но и специфика религиозного сознания человека, жившего во второй половине XVII в.

Ключевым событием патриаршества Никона была начатая им церковная реформа. Она привела к появлению внутрицерковной оппозиции, которая достаточно быстро превратилась в широкое религиозно-общественное движение, получившее у исследователей наименование «старообрядчество». Новшества, введенные патриархом в обряд и богослужебную практику Русской церкви и нашедшие отражение в печатных изданиях, не были приняты частью общества [5]. Защитники старого обряда справедливо считаются традиционалистами, поскольку они объявили принцип следования старине в качестве основополагающего.

ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА И РАСКОЛ

С первых шагов реформатора его противники написали большое количество челобитных на имя царя Алексея Михайловича, пытаясь убедить того в незаконности и неправомерности действий патриар-

ха. При этом поступки Никона интерпретировались в духе исполнений пророчеств Священного Писания и святоотеческого предания о возможном пришествии в мир антихриста и конце света. Изменения, внесенные в обряд и богослужебную практику, для защитников старого обряда означали отказ от веры предков и появление «новой веры». Постепенно эсхатологические построения стали основополагающими для противников церковной реформы при оформлении идеологии движения. Это обстоятельство часто служит для исследователей дополнительным аргументом, свидетельствующим о традиционализме старообрядцев в самой архаичной для Нового времени форме.

Эсхатологические ожидания всегда были сильны в русском обществе, обостряясь в периоды кризисов [6]. Это особенно хорошо проступает в обращении населения к учению о конечных судьбах мира и человека. Раскол в Русской церкви середины XVII в. был результатом затянувшегося духовного кризиса. Естественно, противники церковной реформы использовали христианское эсхатологическое учение, чтобы отстоять свое право оставаться в оппозиции к новшествам. Обращение к творческому наследию патриарха Никона позволяет констатировать, что религиозность средневекового типа по-прежнему являлась характерной чертой сознания человека (об этом подробно см.: [7]).

ПОСЛАНИЯ ПАТРИАРХА НИКОНА ЦАРЮ

Патриарх Никон в своих сочинениях, посланиях, частных письмах до определенного времени не уделял особого внимания вопросам христианского эсхатологического учения. После оставления патриаршеского престола его послания Алексею Михайловичу меняют направленность, центральными становятся просьбы и уговоры вернуть расположение царя². Лейтмотивом проходят обращения к государю такого плана: «Еще же молю не прогневатися на богомольца вашего о нужнейших ми к тебе, великому государю, уповая на прежде бывшей твой благий нрав о Бозе» [2, с. 389]. Подобные призывы к адресату направлялись и противниками церковной реформы в многочисленных челобитных. Ярким примером может служить первая челобитная протопопа Аввакума: «Помилуй, государь, царь православной, не оскорби бедную мою душу... Твое бо, света, миловати и спасти всегда, и ныне, и присно, и до кончины» [8, с. 190]. Еще более кратко он сформулировал свою просьбу в третьей челобитной, закончив ее так: «Царь-государь, смилуйся» [8, с. 195].

¹ Краткий обзор исследовательской литературы и сформулированных мнений о роли патриарха Никона в истории России см.: [3, с. 26–38].

² Характеристику содержания, авторских приемов повествования и использования цитат в письмах 1658 – 1666 гг. см.: [2, с. 27–56].

Схожесть этих обращений вполне объясняется положением авторов челобитных. Защитники старого обряда находились в оппозиции к реформе, которую поддерживала светская власть. В челобитных они пытались убедить Алексея Михайловича принять их точку зрения на новшества. После оставления кафедры патриарх тоже оказался в сложном положении, которое он характеризует следующим образом: «Аз же ныне паче всех человек оболган тебе, великому, поношен и укорен неправедно» [2, с. 390]. Патриарх Никон явно указывает на несправедливое отношение к нему. Противники церковной реформы подобным образом воспринимали свое положение и тоже возлагали надежды на адресата.

Протопоп Аввакум в пятой челобитной, потеряв надежду добиться поддержки от Алексея Михайловича, перешел от просьб о милости к очевидным угрозам. С этой целью он апеллировал к христианскому эсхатологическому учению, призвав адресата обратиться к Священному Писанию: «Испытай, царю христианский, писание и виждь, яко в последняя времена исправления веры и обретения истинны нигде же несть и не будет, но везде писано есть, что в последняя времена отступят веры, а не исправят ю, и исказят писания, и превратят, и внесут ереси погибельныя, и многих прельстят... И в скончание века тако будет: мало Христово стадо, много ж сатанино и антихристово воинство будет» [8, с. 199–200].

Обращение к христианскому учению о конечных судьбах мира предоставило возможность Аввакуму охарактеризовать реформаторов в качестве антихристового воинства, а инициатора реформы назвать «богоотметником и еретиком». Патриарх Никон в 1661 г. в очередном послании царю заявил, что святители, разумеется, в первую очередь – он, «отвсюду изобижи, отвсюду гоними, отвсюду утесняеми» [Там же, с. 399]. Такое положение патриарх интерпретировал как гонение на Церковь. Хотя речь идет о конкретном эпизоде ссоры с Романом Боборькиным, но выводы автор сделал глобальные. Противники церковной реформы тоже оперировали масштабными категориями христианского вероучения.

Патриарх Никон аналогичным образом пытался воздействовать на Алексея Михайловича, убедив его в том, что создавшаяся ситуация с осуждением его поведения свидетельствует о наступлении времени антихриста: «Воистинну збытсья ныне Иоанна Богослова пророчество, в последняя дни хотящо быти, еже писано...» [2, с. 399]. Апелляция к Апокалипсису с пересказом фрагмента текста и его интерпретацией позволила автору послания придать значимость частному эпизоду ссоры, представить своего оппонента в качестве «сосуда сатаны»: «Обаче злоначальный змий нигде нас оставляет, еже не наветовати сосудом

своим избранным, Романом Бабарькиным, смущая твоем благородие» [Там же, с. 399].

Патриарх Никон, после того как покинул патриарший престол, явно пытался представить себя защитником Церкви, как и его оппоненты – противники церковной реформы. В период ссылки он очень схожим образом воспринимал свое положение, которое интерпретировал как страдание за истину. Их описание в посланиях Никона царю чем-то напоминает повествование Аввакума о житейских невзгодах: «И есмь ныне болен и наг, и бос, обжогся и обносился до нага, и креста на мне нет третий год; стыдно и во другую келью выйти, идеже хлебы пеку и варю, понеже многие части зазорные непокровены. И со всякия нужды келейныя и недостатков оцынжел, руки больны, левая не подымается, очи чадом и дымом выело, и есть на них белма, из зубов кровь идет смердящая, и есть не терпят ни горячева, ни студенова, ни кислова, ноги пухнут» [Там же, с. 463].

В свое время Е.К. Ромодановская по поводу художественной системы патриарха Никона совершенно справедливо заметила: «...истоки его художественной системы надо искать в среде писателей “московской” школы, с которой он был связан всеми своими корнями – воспитанием, образованием, пониманием системы ценностей» [9, с. 58]. Далее исследователь подчеркнула, что речь идет о близости авторских приемов, подходов к решению актуальных вопросов современности, принципов построения текста патриарха и писателей-старообрядцев. После этого привела несколько примеров и сделала следующее заключение: «Итак, точек соприкосновения в творчестве Никона и старообрядческих писателей намного больше, чем представляется с первого взгляда... Истоки сходства, несомненно, надо искать в определенном стиле эпохи, в общих источниках и правилах творчества» [Там же, с. 63].

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСТРОЕНИЯ В СОЧИНЕНИИ «ВОЗРАЖЕНИЕ, ИЛИ РАЗОРЕНИЕ...»

Не менее значима для объяснения особенностей творческой манеры патриарха Никона религиозность человека того времени. Попав в схожую со своими оппонентами ситуацию, воспринимаемую как гонение на Церковь, он обратился к христианскому эсхатологическому учению. В посланиях Алексею Михайловичу, написанных в период после оставления кафедры, эта тенденция уже заметна. Но особенно ярко она проявилась в сочинении «Возражение, или Разорение смиреннаго Никона, Божиею милостию патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисее Ликаридиусу, и на ответы Паисеовы» [1, с. 197–463].

Первое поколение противников церковной реформы при отстаивании своей точки зрения на новшества пользовалось приемами, характерными для древнерусского книжника. Патриарх Никон, оказавшись в схожей ситуации, требующей защитить свою точку зрения на решение вопросов, связанных с осуждением его взглядов и поступков, отреагировал подобным образом. В данном случае он особенно активно использовал цитирование Священного Писания и святоотеческого предания для изложения собственной мысли³. Показательно в этом отношении «Разорение 24-му вопросу и ответу», в котором особенно ясно проступает обращение автора к христианскому эсхатологическому учению при аргументации взгляда на решение поднятых в обвинении вопросов.

Объем статьи не позволяет рассмотреть проблему в целом: на какие упреки отвечал патриарх Никон и каким образом он аргументировал свою позицию. Не акцентируя внимания на сути обсуждаемого вопроса, попытаемся показать, каким образом автор опровергал обвинения, выдвинутые против него. Именно в логике доказательства несправедливости отношения к себе, которое автор воспринимал в качестве гонений на Церковь, особенно четко проявилась острота эсхатологических ожиданий. Обозначив обсуждаемый вопрос, Никон вполне в духе книжника Древней Руси и своих оппонентов привел цитаты из Священного Писания с указанием на поле на первоисточник. Они все посвящены теме «нынешнего времени» и призывам «блюститесь, чтобы никто не прельстил».

Набор цитат и их истолкования практически те же, что и у противников церковной реформы. Примерно так же, как и они, патриарх Никон прерывает их вопросом: «Видел ли, совопросниче, что деется. Не вся ли в нас суть? Но послушай последования, что глаголет Христос, не ложный пророк с клятвою глаголет быти с ним... И мнози лжепророцы встанут» [1, с. 285, 286]. Следом он поясняет, о каких лжепророках идет речь: «Кто же лжепророцы? Газской митрополит. Ничто же от Божественных писаний глаголет, но от себя, и правила таковое писание ложное наричют. А иже ложное писание пишет, яве яко лжепророк он есть» [1, с. 286]. Подобные инвективы направляли против патриарха Никона и других реформаторов противники церковной реформы, оформляя их аналогичным образом. Они тоже постоянно подчеркивали, что вещают исключительно «от Божественных Писаний».

Опора на цитаты из Священного Писания и святоотеческого предания при обсуждении богословского вопроса или актуальной темы современности была

характерной чертой творческой манеры книжника Древней Руси и вполне объясняется религиозностью средневекового типа. В мировоззрении человека, жившего во второй половине XVII в., эта особенность сохранялась. В сочинениях противников церковной реформы, поскольку они продолжили традиции древнерусских книжников, она проступает особенно ясно. Обращение к тексту «Возражение, или Разорение...», которое написано патриархом Никоном с целью оправдаться и защитить свою точку зрения на решение обсуждаемых проблем, позволяет сделать вывод, что не только защитники старого обряда в подобной ситуации обращались к христианскому эсхатологическому учению.

Продолжая «Разорение 24-му вопросу и ответу», Никон акцентирует внимание на теме священства и царства: «И за умножение беззакония и изсякнет любви многих, котораго беззакония яве есть, яко кто чрез волю Божию восхитит кто не сущее свое, якоже государь царь восхити Церковь и достояние Ея все в свою область беззаконно» [1, с. 286]. Констатируя незаконность решения государем церковных вопросов, автор продолжил, пояснив этим обстоятельством отрицательное к себе отношение: «И того ради и нас ненавидит, якоже прелюбодей никогда может любить законнаго мужа, но присно помышляет о нем злое» [Там же, с. 286]. В данном случае обращает на себя внимание образность аналогии, приведенной в качестве образца поведения государя. Подобные яркие сравнения характерны для стиля идейного противника патриарха – протопопа Аввакума.

После рассуждений на тему взаимоотношений светской и духовной властей, пригрозив, что за все действия против Церкви «имать ответ дати государь царь пред Господем Богом» [Там же, с. 286], Никон перешел к воспроизведению цитат и их истолкованию. Делает он это очень доходчиво, разъясняя суть воспроизведенного фрагмента. Вот пример подобного рассуждения по поводу цитаты: «Подобает же zde со опасством истязати слово, чесого Христос заповедает блюстися, понеже провидец есть Бог, провидец яко мнози прелстятся. Чим и от кого?» [Там же, с. 286].

Сформулировав вопрос, автор дает четкий ответ, подкрепив его цитатой из Священного Писания (1 Иоан. 2: 18–19): «Не от самага антихриста прелщени будут, но якоже божественный апостол Иоанн Богослов глаголет: «Дети, последняя година есть, якоже слашасте, яко антихрист грядет. И ныне антихристи мнози быша и от сего разумеваем, яко последний час есть... » [1, с. 286]⁴. Обозначив переживаемое время «последним», автор далее конкретизирует, о каких

³ О методах работы с библейскими источниками и принципами цитирования в трудах патриарха Никона см.: [10 ; 2, с. 261–303].

⁴ Эта цитата была очень популярна у противников церковной реформы. Возможно, большую роль в этом сыграл тот факт, что она использована в 30-й главе «Книги о вере». См.: [11, л. 270].

антихристах речь идет в Священном Писании: «И видел еси, кто есть антихристи и кто есть чада Божия и неприязнена, кто Дух истинный и дух лстеч. Ныне мнози антихристи есть, Крутицкой митрополит и прочии подобнии ему. Чада неприязнена ты и подобнии тебе. Дух лстеч Газской митрополит и инии подобнии ему» [Там же, с. 286].

Для большей убедительности своего заключения об антихристах Никон, подобно своим оппонентам, дополнительно цитирует фрагменты из Послания апостола Павла (2 Солун. 2: 3) и Евангелия от Матфея (Мф. 24: 9–10, 12). После этого автор поместил замечание, направляющее мысль читателя в нужное русло: «Яве есть ныне всякому, мочно ум имущему, разумети, яко время то есть по деянию нынешнему» [1, с. 286]. Именно так обращались к читателям противники церковной реформы в своих челобитных и публицистических сочинениях после воспроизведения цитат из Священного Писания и святоотеческого предания с целью призвать осмыслить прочитанное и соотнести с реальной действительностью.

Обсуждая тему взаимоотношения светской и духовной властей, патриарх Никон, как и его оппоненты, создавшуюся ситуацию соотносит с отступлением от Бога. Далее он воспроизвел ставший ключевым и для защитников старого обряда фрагмент толкования из бесед Иоанна Златоуста [12, стб. 2333] на текст из послания апостола Павла (2 Фес. 2:3–4). В толковании объяснялось, о каком отступлении шла речь у автора: «О антихристе глаголет zde и велия открывает тайны. Что есть отступление? Того антихриста нарицает отступление, яко многих имущего погубити и отставити» [1, с. 286]. Помещенные далее рассуждения автор заключает следующим утверждением: «Свидетельствует Иоанн Богослов глаголя, яко антихрист уже в мире есть, но никто же слышал или видел чувственно, то есть чрез Божественныя заповеди владети начнут мирские власти Церковию Божиею» [Там же, с. 287].

Патриарх Никон, опираясь на эсхатологические построения, выдвигает обвинение против светской власти, подчеркивая ее антихристову сущность. Аналогичным образом поступали и противники церковной реформы, отстаивая свое право оставаться в оппозиции к новшествам, доказывали антихристову сущность реформаторов. Следует помнить, что патриарх обратился к христианскому эсхатологическому учению только после оставления патриаршего престола, оказавшись в ситуации, которую он воспринимал как гонение на Церковь. Не углубляясь в сложности взаимоотношений патриарха и Алексея Михайловича, можно констатировать, что он действительно оказался в трудном положении ссыльного. В этом случае со всей очевидностью проявилась у Никона религиозность мировоззрения средневеково-

го типа, хотя ранее он показал себя в качестве богослова, государственного и церковного деятеля Нового времени.

В «Разорении 24-му вопросу и ответу» особенно заметна схожесть аргументации и выстраивания логики доказательств у противников церковной реформы и Никона при обращении к эсхатологическому учению. Аналогичны даже выводы, отличаются только темы и имена. Хотя иногда и это совпадало. Например, данная инвектива, направленная Никоном против Алексея Михайловича, вполне могла быть сформулирована противником церковной реформы: «Ныне же государь царь за едино слово, аще кто о правде молвит, языки режет и руки и ноги отсекает, в заточение невозвратное ссылает, забыв смертный час: аки безсмертен, и не чая будущаго суда Божия...» [1, с. 289]. Патриарх, действительно, писал о жестокостях по отношению к защитникам старого обряда, считая себя невиновным в этом.

Действительно, оппоненты Никона тоже считали его не основной фигурой, организовавшей гонения, но они подчеркивали, что речь идет о продолжателях его дела. В Челобитной инок Авраамия царю Алексею Михайловичу подобное обвинение направлено в адрес реформаторов, а бывший патриарх назван «еретиком и богоотступником»: «И воистинну, государь, ныне оне, власти, паче того богоотступнаго Никона, правоверных христиан люто озлобляют, а православную веру до конца истребляют, или рещи яко, и всю искоренили. И таковым злым своим советом и правлением лукавым и тебя, государя, на гнев привели, еже оскорбляти страдальцов, языки резати, дабы не глаголали о истине, и руки отсекати, дабы не писали на прелесть их обличительных словес от Божественных писаний; а иных многих и в срубях сожигали...» [13, с. 262].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важно, что и Никон, и его оппоненты считали создавшуюся ситуацию гонений результатом воцарения в мире антихриста. Они апеллировали к христианскому эсхатологическому учению, в котором перечислялись признаки наступления последних времен, но соотносили их с разными событиями реальной действительности. Противники церковной реформы, естественно, считали, что о воцарении в мире антихриста свидетельствует деятельность в Русской церкви реформаторов, которые изменили православие и утверждают «новую веру». Инициатор реформы, оказавшись в положении гонимого, тоже стал воспринимать и объяснять ситуацию, опираясь на христианское эсхатологическое учение. При этом обе стороны использовали практически один и тот же набор цитат из Священного Писания и святоотеческого предания,

предлагали схожую интерпретацию, но использовали их для объяснения разных событий реальной действительности.

Обращение к посланиям патриарха Никона, написанным после оставления им патриаршей кафедры, а также к тексту сочинения «Возражение, или Разорение...» позволяет сделать вывод, что в мировоззрении любого человека, жившего во второй половине XVII в., возможно подобное обострение эсхатологических ожиданий. Это может быть связано не только с духовным кризисом, поразившим общество, но и с изменениями в социальном положении конкретного человека, что особенно заметно на примере жизненного пути патриарха Никона. Его богословские, историко-канонические взгляды могут быть определены в качестве характерных для человека Нового времени. Лишившись статуса патриарха, Никон, как и его оппоненты, стал интерпретировать преследования себя в духе христианского учения о конечных судьбах мира и человека. Эсхатологические построения в писаниях старообрядцев и сочинениях патриарха Никона свидетельствуют о том, что для мировоззрения населения России в XVII в. характерной чертой оставалась религиозность средневекового типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Никон, патриарх*. Труды / сост. и ред. В. В. Шмидт. М.: Изво МГУ, 2004. 1264 с.
2. *Севастьянова С. К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследования и тексты. М.: Индрик, 2007. 776 с.
3. *Румянцев В. С.* Патриарх Никон и духовная культура в России XVII века. Из рукописного наследия патриарха Никона: «Правила христианской жизни («нужнейшиа Заповеди»)». Исследование и публикация. М.: Изд. центр Ин-та российской истории РАН, 2010. 255 с.
4. *Сазонова Л. И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 896 с.
5. *Michels G. B.* At War with the Church. Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. Stanford: Stanford University Press, 1999. 354 p.
6. *Алексеев А. И.* Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб.: Алетейя, 2002. 352 с.
7. *Гурьянова Н. С.* Об эсхатологии и религиозности населения России в XVII веке. Вестник НГУ (в печати).
8. *Житие* протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. СПб.: Азбука, 2010. 383 с.

9. *Ромодановская Е. К.* Литературное творчество патриарха Никона и старообрядческие писатели // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1992. С. 58–64.

10. *Воробьева Н. В.* Историко-канонические и богословские воззрения патриарха Никона. Омск, 2008. 243 с.

11. Книга о вере. М.: Печатный двор, 1648.

12. *Иоанн Златоуст*. Беседы на 14 посланий ап. Павла. Киев: тип. Печерской лавры, 1623.

13. *Авраамий, инок*. Книга глаголемая челобитная // Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые братством св. Петра митрополита / под ред. Н. Субботина. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа. 1885. Т. VII: Историко-догматико-полемические сочинения первых расколуучителей. С. 201–385.

REFERENCES

1. *Shmidt V. V. (ed.)*. Nikon, patriarch. Writings. Moscow, MSU Publ. House, 2004, 1264 p. (In Russ.)

2. *Sevast'yanova S. K.* Patriarch Nikon's epistolary legacy. Correspondence with contemporaries: research and texts. Moscow, Indrik, 2007, 776 p. (In Russ.)

3. *Rumyantseva V. S.* Patriarch Nikon and spiritual culture in Russia in the XVII century. From the manuscript heritage of Patriarch Nikon: "the Rules of Christian Life ("Necessary Commandments)". Research and publication. Moscow, Institute of Russian History of RAS Publ., 2010, 255 p. (In Russ.)

4. *Sazonova L. I.* Literary culture of Russia. Early Modern period. Moscow, Languages of Slavic Cultures, 2006, 896 p. (In Russ.)

5. *Michels G. B.* At war with the church. Religious dissent in seventeenth-century Russia. Stanford, Stanford Univ. Press, 1999, 354 p.

6. *Alekseev A. I.* Under the sign of the end of time. Essays on Russian religiosity in the late XIV – early XVI centuries. Saint Petersburg, Aleteiya, 2002, 352 p. (In Russ.)

7. *Gurianova N. S.* Eschatology and religiosity of the population in Russia in the 17th century. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*, 2021, in print. (In Russ.)

8. The life of Archpriest Habakkuk he wrote himself, and his other works. Saint Petersburg, Azbuka, 2010, 383 p. (In Russ.)

9. *Romodanovskaya E. K.* Literary work of Patriarch Nikon and Old Believer writers. *Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki*. Novosibirsk, 1992, pp. 58–64. (In Russ.)

10. *Vorob'eva N. V.* Historical, canonical and theological views of Patriarch Nikon. Omsk, 2008, 243 p. (In Russ.)

11. *Nathanael, abbot of the Kiev Mikhailovsky Monastery*. The book about faith. Moscow, Print. Yard, 1648, 578 p. (In Church Slavic)

12. *Iohn Chrysostom*. Conversations on 14 epistles to Apostle Paul. Kiev, Pechersk Laurel Publ. 1623. (In Church Slavic)

13. *Avraamiy, enoch*. Book called petition. *Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya, izdavaemye bratstvom Sv. Petra mitropolita*. Moscow, 1885, pp. 201–385. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.04.2021

Дата рецензирования 11.05.2021

Статья принята к публикации 03.06.2021

DOI: 10.15372/HSS20210302
УДК 821.161'01–311.8"14"

Т.В. ПАНИЧ

«ТЕТРАДИ» ПЕТРА АРТЕМЬЕВА: ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.

В статье анализируется текст так называемых «Тетрадей», написанных одним из представителей русской литературной культуры второй половины XVII в. – Петром Артемьевым. На сегодняшний день произведение известно по выпискам, сохранившимся в структуре полемического сочинения Евфимия Чудовского – «Выпись тетрадей...». В качестве материала исследования привлечен список данного сочинения, содержащийся в рукописи БАН, П.1.В.11 (34.3.13). В статье представлена история текста «Тетрадей». На основе анализа уцелевших фрагментов сочинения выявлены сведения, касающиеся описанного Петром Артемьевым отрезка его жизни (путешествие и пребывание за рубежом). Полученные в результате исследования данные дополняют наши знания о биографии Петра Артемьева, обстоятельствах его перехода в католичество, ценностных установках писателя, которые питали его литературное творчество.

Ключевые слова: Петр Артемьев, сочинение «Тетради», биографические сведения, Евфимий Чудовский, «Выпись тетрадей...».

T.V. PANICH

«NOTEBOOKS» BY PETER ARTEMYEV: TOUCHES TO THE BIOGRAPHY OF THE WRITER

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Studying the issues related to Peter Artemyev's biography, a writer and poet, representative of the Russian literary culture of the second half of the XVII century, is important for a deeper understanding of his work. A valuable source containing information about the writer's life and literary activity is his essay «Notebooks». It was written by Artemyev during his stay in Novospassky monastery, where he was placed after promoting the Catholic Church teachings. The «Notebooks» are known today from extracts preserved in the structure of the polemical work by Euthymius Chudovsky «Writings out of Notebooks...». The article uses the list of this work contained in a manuscript of the Library of the Academy of Sciences, P.I.V.11 (34.3.13), as research materials. The task to study «Notebooks» surviving fragments was to search for additional facts and information concerning the personality of Peter Artemyev, his views and biography, which determined the features of his work. The article presents in brief the history of «Notebooks» text, as well as an attempt to determine its genre features: the essay is a complex text in terms of its composition. Obviously, it included travel and diary notes, elements of the biographical and memoir genres. «Notebooks» reflect the theme of the author's spiritual search and confessional choice. Having changed his religion during his studies with the Jesuits, Artemyev openly expressed his new views and beliefs in his «Notebooks», despite the threat of church court proceedings. The writer's fragmentary confessions testify to his attitude to the Old Believers, their punishment practice, which was characterized by cruelty, and he condemned it. A new reading of the surviving quotations from «Notebooks» allowed clarifying and expanding the range of information concerning a small, but important period of his life described by Peter Artemyev (an educational trip to Europe and return to Moscow). The obtained data supplement our knowledge about the biography of Peter Artemyev, circumstances of his conversion to Catholicism, and the writer's value attitudes.

Key words: Pyotr Artemyev, «Notebooks», biographical information, Euthymius Chudovsky, «Writings out of Notebooks».

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к творчеству писателей, оставивших сколько-нибудь заметный след в литературе, неизменно пробуждает интерес исследователя к их био-

графии, персональной истории авторов, их культурным и религиозно-идеологическим представлениям, диктует необходимость их изучения. Исследование вопросов, касающихся жизни того или иного писате-

Тамара Васильевна Панич – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, e-mail: tvpanich@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6223-7615>.

Tamara V. Panich – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of the Institute of History SB RAS.

ля, чрезвычайно важно для понимания всех аспектов его творчества, его места и роли в культурно-историческом контексте своего времени. Л.П. Репина, размышляя о значении персонализированного подхода в научных исследованиях, пишет: «Персонализированный, или биографический, подход является традиционно приоритетным в истории мысли и науки, не говоря уже об истории художественного творчества, поскольку не подлежит сомнению выдающаяся роль личностного начала в этих областях человеческой активности» [1, с. 349–350].

В полной мере такой подход может быть использован и в отношении персональной истории одного из представителей русской духовной культуры второй половины XVII в. – писателя и поэта Петра Артемьева. Он был родом из г. Суздаля из семьи священника, служил диаконом Петропавловской церкви в Новомещанской слободе Москвы и входил в московскую «литературную общину», где, по наблюдению А.М. Панченко, «выработался особый писательский тип» [2, с. 116], вобравший в себя характерные черты литературной школы, созданной одним из ярких поэтов и проводников западноевропейской учености и литературной культуры (в частности, культуры барокко) – Симеоном Полоцким (см. напр.: [3, с. 42–48]).

По меркам своего времени биография Петра Артемьева отличается неординарностью. Некоторые сведения о его жизни и литературном творчестве содержит комплекс материалов, подготовленных для церковного суда над ним, подоплекой чего явилось его уклонение в «латинство». В разном объеме своей полноты они сохранились в рукописях конца XVII – начала XIX в.¹ Среди материалов (подавляющая их часть является критическими и обвинительными текстами в адрес Артемьева) представлены и его собственные сочинения, в основном фрагментарно. Согласно данным, рассеянным в текстах (документальных и нарративных) указанного комплекса, Петр Артемьев прошел обучение в Славяно-греко-латинской академии, в 1688 г. отправился с Иоанникием Лихудом в Европу с целью получить «совершенные знания» в западных учебных заведениях. Право обучения в Европе требовало отречения от православия и перехода в унию, поэтому Артемьев принял это условие, а со временем, общаясь с иезуитами, стал убежденным католиком. После возвращения в Москву (в 1691 г.) он первое время скрывал свои новые религиозные взгляды, но постепенно начал открыто говорить о преимуществах учения и церковных обрядов католиков не только в устных беседах с близкими, но

и в проповедях в храме (в этот период он служил диаконом в Петропавловской церкви в Новомещанской слободе). В мае 1698 г. Артемьев в качестве наказания за пропаганду католицизма был отправлен в Новоспасский монастырь. 13 июня того же года состоялся собор, осудивший Артемьева. Петр был расстрижен и отправлен в Холмогоры под надзор архиепископа Афанасия, который после тщетных попыток добиться раскаяния и возвращения Петра в лоно православной Церкви, 11 сентября 1698 г. отправил его в Соловецкий монастырь с наказом держать непокорного «еретика» «в твердом юзилище». В заточении Артемьев оставался до своей кончины. Как ранее нам удалось установить на основе «отписки» холмогорского владыки, адресованной патриарху Адриану, он умер 21 января 1700 г. [5, с. 40–43]².

«ТЕТРАДИ» ПЕТРА АРТЕМЬЕВА: ИСТОРИЯ ТЕКСТА

Среди источников, содержащих сведения о жизненном пути и литературном творчестве Петра Артемьева, большой научный интерес представляют его «Тетради». Сочинение было написано Петром во время пребывания в Новоспасском монастыре и адресовано патриарху Адриану. «Тетради» стали ответом на требование духовных властей подготовить покаянное исповедание («написать своеручно исповедание с покаянием»). К сожалению, до сих пор неизвестно, сохранился ли подлинный текст сочинения или полный его список, по крайней мере пока ни тот, ни другой не обнаружены. По предположению М. Никольского, «Тетради» «были сожжены на соборе», осудившем Артемьева [9, с. 262]. Однако этой гипотезе ученого противоречит текст указанной выше «отписки» холмогорского архиепископа, который дважды упоминал в ней некое сочинение, присланное к нему в Холмогоры вместе с «роздиаконом» Петром Артемьевым, которое он называет то «тетрадиями», то «писанием» [5, с. 42]. Судя по всему, речь шла о «Тетрадах» вольнодумца, отправленных холмогорскому архиерею для ознакомления с его взглядами и затем возвращенных патриарху. Таким образом, можно надеяться на то, что сочинение не было уничтожено на соборе, как полагал М. Никольский, и могло отложиться в каком-то архиве.

В настоящее время текст «Тетрадей» доступен лишь в извлечениях, сохранившихся в составе полемического сочинения, написанного одним из непримиримых идейных противников Петра Артемьева – иноком Чудова монастыря Евфимием. Текст Евфимия дошел в двух списках: в черновом сборнике конца XVII в.: ГИМ, Синод. собр., № 393 (л. 39–66) и руко-

¹ Текстологический анализ выявленных списков подборки см.: [4, с. 30–53]. Помимо сочинений, связанных с Петром Артемьевым, в этой подборке содержатся также тексты, направленные против другого «вероотступника» – Григория Скибинского.

² Библиографию изучения жизни и творчества Петра Артемьева см.: [6, с. 32–34; 7, с. 467–468; 8, с. 766–767].

писи начала XVIII в.: БАН, П.І.В.11 (34.3.13) (л. 55–71 об.). Последняя из названных рукописей представляет собой новую редакцию материалов, связанных с делами Петра Артемьева и Григория Скибинского. Она была подготовлена в самом начале XVIII в., возможно, самим Евфимием Чудовским с помощью его единомышленников [4, с. 44]. На эту рукопись мы и будем опираться в настоящей статье при анализе «Тетрадей» Петра Артемьева, используя весь комплекс уцелевших фрагментов сочинения. Задачей их изучения является поиск дополнительных сведений, касающихся личности Петра Артемьева, его биографии и воззрений, определивших особенности его литературной деятельности.

Текст, в котором зафиксированы фрагменты сочинения Петра Артемьева, имеет следующее название: «Выписи тетрадей, которые предложил великому господину, святейшему кир Адриану, архиепископу Московскому и всеа России и всех северных стран патриарху, диакон Петр Артемиев, своею рукою писаныя, а в них 89 страниц, из них же кратко выписаны гордости его на восточную Церковь и клеветы на защитников тоя, и отпадение от восточныя Церкви и соединение твердое с западною»³ (далее – «Выписи тетрадей...»).

Приведенное название показывает, что сочинение Петра Артемьева было довольно большого размера (составляло 89 с.) и что автор «Выписи тетрадей...» использовал оригинальный текст «Тетрадей», автограф писателя. Евфимий цитировал страницы, как он сам отмечал, написанные рукою Артемьева («своею рукою писаныя»). «Выписи тетрадей...» была подготовлена для церковного собора, осудившего «клеветы» «диакона» на православную Церковь. Очевидно, такая выборка текста из сочинения Петра Артемьева была сделана для удобства его чтения на соборе.

Из 89 страниц «Тетрадей» автор «Выписи тетрадей...» выбрал для цитирования только 42 страницы, начиная с первой и заканчивая последней, в каждом случае обозначая ее номер. Как показывает анализ сочинения, Евфимий проявлял интерес лишь к тем страницам, где содержались такие высказывания и суждения диакона, которые противоречили догматам и каноническим установкам православной Церкви. Таким образом, мы располагаем лишь фрагментами сочинения Артемьева и только предположительно, на основе контекста, критических реплик и комментариев Евфимия Чудовского можем судить о содержании утраченного текста. При рассмотрении уцелевших его частей следует учитывать возможное их искажение, возникшее в результате удаления из контек-

ста, неточного цитирования, сокращения и невольных ошибок интерпретатора и критика «Тетрадей».

«ТЕТРАДИ»: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА

По своей структуре «Выписи тетрадей...» отчасти напоминает форму своеобразного диалога, где один из оппонентов (Петр Артемьев) представлен краткими высказываниями, отдельными фразами из его сочинения. Последовательно приводимые цитаты из «Тетрадей» сопровождаются критическим мнением автора «Выписи тетрадей...» о их содержании, иногда в лапидарной форме, чаще – в пространной. Содержание каждой выписки из сочинения Петра Артемьева подвергается резкому осуждению. Так, уже обращение Артемьева к патриарху Адриану вызвало отповедь Евфимия Чудовского, поскольку Петр сократил патриарший титул. В этом Евфимий усмотрел намеренно выраженное пренебрежение диакона к главе православной Церкви и в противоположность этому – почтительное отношение к римскому папе: «На 1 странице пишет: “По указу твоему, великаго моего государя, святейшаго кир Адриана, архиепископа Московскаго, всеа и проч.” Зде будто ради поспешения оставил титул патриаршеское и рек “и прочая”, а ниже не обленился папу нареши “наместника Петрова и отца отцем всея вселенныя”» (л. 55). Евфимий Чудовский возвращается к теме титулатуры, анализируя записанное на с. 32 «Тетрадей» воспоминание Артемьева о его разговорах с неким униатом. Петр писал: «Содружился со мною униат, разглаголаше со мною о порядках папина величества и о всяком благочестии его». Евфимий с укором комментирует эту фразу: «Зде не обленился папе величество дати и всякое благочестие приложити, а на 1 странице и единожды обленися святейшему патриарху совершенное титул отдати» (л. 56–56 об.).

Иногда вместо цитат отдельные фрагменты текста Артемьева представлены в пересказе, их содержание тоже подвергается критическому разбору. Примером может служить текст, в котором Евфимий обвиняет Артемьева в «злонравном» нарушении чина литургии, предрекая ему судьбу павшего ангела Денницы (Люцифера): «На 83 странице изъясняет о поучении своем, яко тое взяв слова силу из святаго Евангелия в тот час после Евангелия... глаголет. И в сие время никогда нигде не слышано есть, чтобы кто читал, разделив божественную литургию, поучение. И сие он не поучение учинил, но безчиние велие и знак злонравия своего и непостоянства показал, понеже и отпадшая Денница глаголаше равна быти Создавшему, но опровержеся с высоты до пропастей адских» (л. 67 об. – 68).

В «Выписи тетрадей...» сохранились отрывки из сочинения Артемьева, в которых он предстает как

³ Библиотека Академии наук (БАН, П.І.В.11 (34.3.13). Л. 55. Далее ссылки на листы рукописи приводятся после цитат в круглых скобках.

смелый обличитель представителей патриаршей Церкви. Он обвиняет их в жестоком обращении с инакомыслящими: «В Константиновке бо при дыбе предстоит тамо учителя немые, вместо Евангелия огнем и вместо Апостола кнутом просвещающе. О, коль бесполезно их учителство!» (л. 59). Один из фрагментов «Тетрадей» Артемьева позволяет узнать о его отношении к старообрядцам («капитонам»). Очевидно, что, с его точки зрения, приверженцы «староверия» представляют невежественную часть общества, он называет их «простачками». Петр осуждает старообрядцев и даже проклинает («Таковии, колики обрящутся, да будут прокляти вси»), однако выступает против суровой расправы над ними.

Автор «Тетрадей» призывает гражданские власти и духовенство исправлять этих «простачков» «духом кротости», т.е. использовать по отношению к ним гуманные, просветительские методы воздействия. Об этом Артемьев писал на с. 50 «Тетрадей»: «О Боже, даждь кротчайший образ и нашим государем, архиереем о просточках нашего рода, капитонех, да духовни суще исправляют таковыя духом кротости или страхом спасающе, но от огня восхищающе» (л. 58 об.). Обращаясь непосредственно к патриарху Адриану, Артемьев молил его проявить милость к «капитонам», не допускать жестоких казней: «Сего ради причиняюся и за сицеподобных капитонов моля и мил ся дея Вашему архипастырству, да потщисиши сих от огня восхищати цареконстантиновски» (л. 59). Прося патриарха уподобиться римскому императору Константину Великому, который изменил положение ранее гонимых христиан, Артемьев выступает против жестокого преследования старообрядцев.

Приведенные высказывания Петра Артемьева свидетельствуют о том, что его конфликтные отношения с церковными властями не ограничивались собственными конфессиональными разногласиями. Он отзывался жесткой критикой на преследование и наказание ими и других «вероотступников». Здесь можно наблюдать реализацию ситуации «поэт и власть», о которой пишет Л.И. Сазонова применительно к судьбе Сильвестра Медведева [3, с. 59]. В случае с Петром Артемьевым – это было столкновение писателя и поэта с духовной властью, в адрес представителей которой он допускал резко негативные оценочные суждения. Такое поведение диакона указывает на его упорное стремление защитить свои религиозные взгляды, иметь возможность открытого их выражения⁴. При этом он, оправдываясь, подчеркивал, что обличал не Церковь, но отдельных ее пред-

ставителей: «Аще и хулник есмь, не на Церковь, но на Евфимия и на учителей моих и их соединомысленников» (л. 63).

По содержанию выписанных Евфимием Чудовским цитат можно судить о том, что «Тетради» Артемьева представляли собой сложное по своему жанровому составу сочинение, включавшее путевые записки, дневниковые заметки, элементы автобиографии. Так как «Тетради» были написаны Артемьевым через несколько лет после возвращения из Европы, фактически по сохранившимся в памяти воспоминаниям, можно наблюдать в них признаки мемуаров. Интересно, что противники диакона углядели сходство «Тетрадей» Петра Артемьева со «статейными списками». Вполне вероятно, что в сочинении большое место занимало описание его путешествия с Иоанником Лихудом, возможно содержавшее рассказы о тех впечатлениях, которые произвели на путников новые места, незнакомая природа, причудливые обычаи и традиции, западноевропейская архитектура, искусство. О том, что «Тетради» могли включать такого рода тексты, свидетельствует другое сочинение, входящее в комплекс материалов по его делу, где также был частично использован текст Петра Артемьева. Имеется в виду еще одно сочинение сборника – «Выписка сия вкратце выписана из тетрадей, чтеных пред святейшим Адрианом патриархом и всем священным собором, бывшем в дому его архиерейском на Петра Артемиева, бывша диакона Новомещанскаго и отпадша от восточныя греческия православныя веры в латинскую западную отринненную унию»⁵. В сочинении находим критическое высказывание его автора о сходстве «Тетрадей» Петра Артемьева со «статейным списком». Как здесь утверждается, Артемьев вопреки повелению церковных иерархов написать свое вероисповедание с покаянием сочинил текст, похожий на «статейный список»: «Повелесе ему, Петру, написати своеручно исповедание с покаянием, а он, лукавнуя и прескакуя лисицоподобно, написа не исповедь и покаяние по чину, но аки статейный список...»⁶. Заключение автора приведенного текста о сходстве «Тетрадей» со «статейными списками», очевидно, не лишено было оснований. Как известно, жанр «статейного списка» отличало сочетание делового документа и нарратива. По всей вероятности, такого рода записки содержались в «Тетрадах» Петра Артемьева, что и послужило причиной обвинения его в нарушении канона «покаянного исповедания».

Через приводимых в «Выписи тетрадей...» отрывков из авторского текста Петра Артемьева частично воспроизводит картину его заграничного путе-

⁴ Артемьев сохранял верность католицизму, и будучи в ссылке, в холмогорской тюрьме, и во время заточения на Соловках. Лишь незадолго до смерти, по словам монастырского иеромонаха Боголепа, проклял свое «латинское заблуждение» и обратился к православной Церкви [5, с. 43].

⁵ БАН, П.1.В.11 (34.3.13). Л. 36–45 об.

⁶ Там же. Л. 43 об. – 44.

шествия с учителем Иоанникием Лихудом. Иногда Петр называет города и страны, через которые пролегал их маршрут: Оломунц (Ольмюц), Бреславль (Бреслау), «пограничный город цесарский» (город в Австрийской империи). Одна из цитат дает возможность узнать о том, что Артемьев стремился совершить путешествие в Рим, желал поклониться мощам апостолов Петра и Павла и увидеть римского папу: «Желал был аз и в Рим дойти и мощем верховника апостолска, Петра святого и Павла апостолов поклониться, а потом видети и наследника Петрова, отца отцем, вселенскаго папу» (л. 56 об.). По уцелевшим отрывкам текста нельзя понять, осуществил ли Артемьев свое намерение, хотя вполне мог это сделать: он провел около трех лет в Италии (учился в Венеции у иезуитов, побывал в Вене [5, с. 42]).

На фоне описываемых событий и странствий за пределами Московского государства и затем возвращения в Москву в «Тетрадах» последовательно разворачивается история постепенного перехода Петра Артемьева из православия в католичество. Судя по сохранившимся отрывкам его воспоминаний, этот путь был долгим и сложным. Поначалу при посещении католических храмов Артемьев испытывал сомнения: «Хождах к латином в церковь и моляхся аз еще под сомнением тогда...» (л. 55 об.). О своих опасениях он писал и в другом месте: «Аз, шед в римскую церковь, причастихся. И взят мя велие сомнение...». Однако на этот раз Петр объяснил причину своих колебаний происками дьявола: «но познах чрез тамошня снискания, яко от диавола ми сие» (л. 57–57 об.). Последняя фраза Артемьева дает понять, что к такому заключению он пришел не без подсказки своих наставников-иезуитов. Очевидно, это давление было постоянным.

Сохранился описанный в «Тетрадах» эпизод, который объясняет, каким образом удалось убедить Артемьева в правильности его конфессионального выбора. Решающую роль в этом сыграла беседа Петра с одним из учителей. На заданный им наставнику вопрос «Повеждь ми, лучши ли чим римская церковь ваша над греческою?» тот ответил: «Римская и греческая церковь едина есть, и никакая над кую лучшествоует, токмо разве у нас люди ученнейшии». Сам Артемьев подвел итог беседы такими словами: «Чесому и аз рекох: “Аминь”» (л. 57–57 об.). Так учителю удалось разрешить сомнения Артемьева. Для Петра Артемьева с его интересом к наукам, «совершенным» знаниям (о чем свидетельствует предпринятая им поездка в Европу) аргумент о более высокой образованности католического священства по сравнению с духовенством православной Церкви имел определяющее значение.

Следует обратить внимание на один из важных по своему содержанию фрагментов «Тетрадей», где

Артемьев, вспоминая эпизод встречи с неким монастырским казначеем (который предлагал ему деньги), сообщает о том, что его переход в Римскую церковь был бескорыстным и искренним, он не был обусловлен какими-то меркантильными соображениями. Он писал: «Идох к причастию. По причащении же вопроши мя (духовник): “В киих-де ты потребах недостаточествуеш? Аз-де казначей монастырский и могу тебе что даровати”. Отрекохся, да не ради дара будет мое с ними соединение» (л. 57 об.).

Во многих высказываниях Петра Артемьева присутствует исповедальное начало, можно проследить элементы психологического самоанализа, увидеть индивидуальные черты его характера. Например, когда он вспоминает в «Тетрадах» о своем послании («грамотках») отцу⁷, в котором эмоционально и предельно открыто рассказывал о собственных злоключениях и тяжелом настроении в преддверии обещанного патриархом церковного собора по его делу, а также говорит о том, как был разгневан его письмом отец, приехавший из Суздаля в Москву: «Мой родный, приехав к Москве, про ту писулку чуть не дал мне заушины». После этих признаний Артемьев с горечью задает риторический вопрос: «Что мне делать, коли таков я?» (л. 66 об.).

В конце «Тетрадей» Петр Артемьев, как будто покоряясь воле патриарха Адриана, обратился к нему с такими словами: «Прочее со всеми сими моими деянии повергаюся Вашему архипастырству во врачевание сынопокорне, вся пишуц своею рукою» (л. 70 об. – 71).

Завершая критический анализ «Тетрадей» Петра Артемьева, бескомпромиссный борец с влиянием западных конфессий – Евфимий Чудовский, не увидевший искреннего покаяния и стремления отступившего от восточного благочестия диакона возвратиться в лоно православной Церкви, сделал следующее заключение. Привожу с сокращениями: «Во всем своем сем отступническом писании от начала даже до конца толика содевая беззаконна дела, и толика отрыгая униатоотступническа мудрования и показания, нигде рек или согрешити или о согрешеных им покаяние принести, но токмо вся в поругании и в гордости, и в лаянии, пришед, на восточную Церковь, в ней же родися, воспитася... Горе тебе, горе, сыне иудоподражателный и рабе похищеноразвратителный, лицемерному твоему отступническому сыновству, и верному твоему мерзкому рабству конец, погибель грядет, от чего да избавит тя Господь, аще не ариоподражателно покаешися» (л. 71–71 об.).

⁷ Речь идет о послании Петра отцу в Суздаль, которое было написано им в апреле 1698 г., во время Великого поста, незадолго до того, как он был помещен в Новоспасский монастырь. Исследование и публикацию текста см.: [10, с. 166–186].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Содержание последовательно цитируемых в «Выписи тетрадей...» Евфимия Чудовского фрагментов «Тетрадей» Петра Артемьева дает возможность составить некоторое представление о сочинении, которое даже в виде небольшого набора уцелевших отрывков являет собой интересное по форме и смысловому наполнению литературное произведение конца XVII в. Для цели настоящей статьи – это важный источник биографических сведений о писателе. В сочинении описан небольшой, но значимый по своему содержанию отрезок жизни Артемьева, когда произошли события, в корне изменившие его дальнейшую судьбу. Артемьеву явно было недостаточно тех знаний, которые он получил в Московской Славяно-греко-латинской академии. Его стремление к «совершенному» знанию, наукам (философии и богословию) явилось мотивом путешествия в Европу, где в ходе обучения у иезуитов и общения с ними он сменил вероисповедание. Петр Артемьев открыто рассказал об этом в «Тетрадах», несмотря на грозивший ему церковный суд. Тем самым он отстаивал личное право на возможность иметь собственные религиозные взгляды и убеждения. Из отрывочных воспоминаний и откровенных признаний писателя можно сделать выводы о его отношении к практике наказаний тех, кто не согласен с позицией официальной Церкви (в частности, старообрядцев), которая отличалась жестокостью и которую он резко осуждал. В целом изучение сохранившихся цитат (в полном их объеме) из «Тетрадей» Петра Артемьева позволило открыть дополнительные штрихи к его биографии, собрать воедино круг сведений, уточняющих известные ранее знания о писателе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. 559 с.
2. Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. 277 с.
3. Сазонова Л. И. Литературная культура России: Раннее Новое время. М., 2006. 894 с.

4. Панич Т. В. Комплекс рукописных материалов, связанных с делами Петра Артемьева и Григория Скибинского (текстологические наблюдения) // Общественное сознание и литература России: источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 30–53.

5. Панич Т. В. «Написание к советникам» Афанасия Холмогорского: Материалы к биографии Петра Артемьева // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1999. № 2. С. 40–43.

6. Каган М. Д. Петр Артемьев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3. С. 32–34.

7. Панич Т. В. Артемьев Петр // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 467–468.

8. Буланин Д. М. Петр Артемьев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3: XVII в. Ч. 4: Дополнения. С. 766–767.

9. Никольский М. Русские выходцы из заграничных школ в XVII столетии // Православное обозрение. М., 1863. Т. X. С. 246–270.

10. Панич Т. В. Послание Петра Артемьева отцу в Суздаль // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 166–186.

REFERENCES

1. Repina L.P. History at the turn of the XX–XXI centuries: social theories and historiographical practices. Moscow, 2011, 559 p. (In Russ.)

2. Panchenko A.M. Russian poetic culture of the XVII century. Leningrad, 1973, 278 p. (In Russ.)

3. Sazonova L.I. Literary culture in Russia: early modern times. Moscow, 2006, 894 p. (In Russ.)

4. Panich T.V. A complex of manuscripts connected to the cases of Peter Artem'yev and Grigoriy Skibinskiy (textological observations). *Obshchestvennoye soznaniye i literatura Rossii: istochniki i issledovaniya*. Novosibirsk, 2008, pp. 30–53. (In Russ.)

5. Panich T.V. «A letter to the advisers» by Afanasius Kholmogorsky: materials for Pyotr Artemyev's biography. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 1999, no. 2, pp. 40–43. (In Russ.)

6. Kagan M.D. Pyotr Artemyev. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Saint Petersburg. 1998, iss. 3, pt. 3, pp. 32–34. (In Russ.)

7. Panich T.V. Artemyev Pyotr. *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow, 2001, vol. 3, pp. 467–468. (In Russ.)

8. Bulanin D.M. Pyotr Artemyev. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Saint Petersburg. 2004, iss. 3, pt. 4, pp. 766–767. (In Russ.)

9. Nikolskiy M. Russians coming from foreign schools in the XVII century. Pyotr Artemyev. *Pravoslavnoye obozreniye*. Moscow, 1863, vol. 10, pp. 246–270. (In Russ.)

10. Panich T.V. A letter by Pyotr Artem'yev to his father in Suzdal. *Pamyatniki otechestvennoy knizhnosti: novyye teksty, novyye interpretatsii*. Novosibirsk, 2007, pp. 166–186. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.04.2021

Дата рецензирования 08.05.2021

Статья принята к публикации 03.06.2021

DOI: 10.15372/HSS20210303

УДК 801.82/22.05

В.А. РОМОДАНОВСКАЯ

ГЕННАДИЕВСКАЯ БИБЛИЯ 1499 г.: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗДАНИЯИнститут русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
РФ, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

Статья посвящена попыткам печатного издания Геннадиевской Библии – первого в Древней Руси полного библейского свода, включившего все книги Ветхого и Нового Заветов. Созданная в конце XV в. в Новгороде Геннадиевская Библия, возможно, должна была стать первой русской печатной книгой, однако этому помешали политические обстоятельства, и лишь в отредактированном виде она стала основой Острожской Библии Ивана Федорова. В Новое время попытки издания русской рукописной Библии предпринимались неоднократно, но встречали либо политические, либо экономические препятствия. В настоящее время фототипическое издание памятника стало одним из проектов издательской программы Сретенского монастыря (Москва), что, впрочем, не является преградой для научной публикации.

Ключевые слова: Геннадиевская Библия, рукописные тексты Священного Писания, книгопечатание в Средние века, фототипическое и дипломатическое издания, научная публикация.

V.A. ROMODANOVSKAYA

THE GENNADY'S BIBLE OF 1499: PUBLICATION EXPERIENCE AND PROSPECTS Institute of Russian literature (Pushkin House) RAS,
4, Makarova Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

The first complete Bible in Ancient Russia, known as the Gennady's Bible, was compiled in Novgorod in the late XV century; its model was the Latin Vulgate, which had been repeatedly published by this time. Perhaps, the Gennady's Bible was also prepared for printing, but this did not take place. However, it became the prototype of all Russian printed publications starting with the Ostrog Bible of 1580/1581. The researcher interest in the Russian manuscript Bible is concentrated on the list of 1499, but the work is complicated by the lack of a phototypic or diplomatic edition. Scientific and diplomatic publications of the Gennady's Bible were a task of the Commission for the Slavic Bible Scientific Publication (1915); the organizer and executor of these projects was I.E. Evseev. Their implementation, as well as the Biblical studies development in Russia, was hindered by the revolutionary events of 1917 and ensuing anti-church state policy which lasted for 70 years. Studying the Russian Bible was possible only abroad that time; the German Slavist G. Freidhof published a phototype of the Psalter from the Gennady's Bible in 1974, and Apostolic Epistle – in 1979, but the project was limited to two issues. Works to publish the Gennady's Bible resumed in Russia in the 1990s. The Russian Bible Society started preparing a diplomatic edition, which was discontinued due to lack of funds. At the same years, a phototypic reproduction of the list of 1499 was undertaken under the surveillance by Archimandrite Innokenty (Prosvirnin), four volumes were published: Fourth Gospel (vol. 7), Apostle, Epistles and Apocalypse (vol. 8), Psalter (vol. 4) and a phototype of the accompanying articles (vol. 9).

In the late 2010s, the Moscow Sretensky Monastery and the State Historical Museum resumed the phototypic edition of the Gennady's Bible; the pages of the XV-century manuscript are accompanied by a parallel Synodal translation.

This edition does not interfere with scientific publications, diplomatic and critical ones, which corresponds to the failed project of the Commission for the Slavic Bible Publication.

Key words: Gennady's Bible, Holy Scripture handwritten texts, Middle Ages' printing, phototypic and diplomatic publications, scientific publication.

ВВЕДЕНИЕ

В 1480–1490-е гг. при дворе новгородского архиепископа Геннадия была предпринята огромная работа, завершившаяся созданием первого законченного

славянского библейского кодекса – полного свода библейских книг Ветхого и Нового Заветов (основную литературу по данному вопросу см.: [1; 2]). За его основу была взята латинская Вульгата – выверенный и

Варвара Андреевна Ромодановская – канд. филол. наук, научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, e-mail: romodan@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2028-4533>.

Varvara A. Romodanovskaya – Candidate of Philological Sciences, Research Associate, Institute of Russian literature (Pushkin House) RAS.

отредактированный текст Библии на латинском языке, после начала книгопечатания получивший широкое распространение не только в Западной Европе, но и в пограничных с нею землях, в том числе и в Новгороде. В соответствии с Вульгатой новгородскими книжниками был составлен перечень библейских книг. Для создания кодекса были привлечены все доступные древние славянские библейские переводы, они были сверены с латинским текстом, выстроены в порядке расположения книг Вульгаты и разбиты на главы. Недостававшие ранее у восточных славян библейские книги (1–2 Пар., 1–3 Езд., Неем., Тов., Иуд., Прем., 1–2 Мак.) и отдельные главы (1–25 и 46–52 главы Иер., 45–46 главы Иез., 10–16 главы Есф.) были переведены в это же время с латыни. Вновь переведенные книги и фрагменты сопровождают предисловия Иеронима Блаженного и толкования, восходящие к толкованиям Библии Николая де Лиры и Иоганна Мархесина, а также к толковому словарю Иоганна Рейхлина [3].

В полном составе русский библейский кодекс XV в. сохранился в списке 1499 г. (ГИМ, Синодальное собр., № 915), известном как Геннадиевская Библия. Однако эта рукопись была не единственной: в Рукописном отделе БАН (33.10.4) хранится датированный концом XV в. второй том трехтомного свода библейских книг, содержащий вторую половину Ветхого Завета, с 1 Пар. по 2 Мак. Рукописи библейских кодексов новгородской редакции второй половины XVI в. (ГИМ, Синодальное собр., № 21; Синодальное собр., № 30; Уваровское собр., № 652) восходят к разным протографам¹, судя по всему, XV в., – и тем самым подтверждают существование нескольких вариантов первой русской рукописной Библии.

Создание первого полного русского библейского кодекса – одно из наиболее значимых культурных, исторических, филологических и политических событий рубежа XV–XVI вв. Приглашенный в Новгород из Любека в середине 1490-х гг. книгопечатник Бартоломей Готан, возможно, должен был возглавить работу по организации типографии и напечатанию Библии на русском языке [5]. Однако в силу политических обстоятельств (окончательное подчинение Новгорода Москве и снятие архиепископа Геннадия с кафедры в 1504 г.) этому предприятию не суждено было осуществиться. Между тем именно Геннадиевская Библия, не будучи тиражированной на типографском станке, стала прообразом всех последую-

щих печатных изданий Библии, определив состав и порядок книг Священного Писания и принцип разделения их на главы.

Недошедшая до нас рукопись – список Геннадиевской Библии, вероятно также XV в., была положена в основу Острожской Библии Ивана Федорова (1580/81) [6, с. 204–216]. Текст новгородского свода перед напечатанием в Острожской типографии был выправлен и в значительной мере отредактирован, «латинские» книги переведены заново; кодекс дополнен 3 Мак., отсутствующей в Вульгате, но читающейся в Септуагинте. В последующем серьезная правка библейских книг была предпринята при подготовке Елисаветинской Библии (1751 г.),² и до середины XVIII в. Острожская Библия, по сути, являлась единственной не только официально признанной, но и доступной редакцией Священного Писания. Геннадиевская Библия, потребность в которой вспыхнула в середине – второй половине XVI в. в связи с подготовкой печатной русской Библии, стала не востребовавшейся и вызывала лишь спорадический интерес – как источник отсутствующих в Острожской Библии текстов, в частности, предисловий Иеронима и отдельных толкований³.

Научный интерес к русской рукописной Библии сконцентрирован прежде всего на списке 1499 г.; именно к наиболее ранней полной рукописи обращено внимание и тех исследователей, которым не удалось ознакомиться с нею непосредственно. В этом ряду и такие известные ученые, как И. Добровский и А.И. Соболевский, которые делали свои выводы относительно русской рукописной Библии и особенностей перевода «латинских» книг на материалах соответственно Иоакимовской Библии 1558 г. (ГИМ, Синодальное собр., № 21 – отредактированный список, выполненный по личному заказу Ивана Грозного) и Погодинского сборника второй половины XVI в. (РНБ, Погодинское собр., № 84), который также является отредактированной копией черновика перевода «латинских» книг, выполненного в Геннадиевском литературном кружке. Опосредованное использование текста XV в. без учета более поздних изменений в рукописях заставляет относиться к исследованиям с большой осторожностью и вместе с тем подчеркивает острую необходимость в издании Геннадиевской Библии. Существование подробных описаний Геннадиевской Библии, как и других рукописей ее цикла,

² Московская Библия 1663 г. содержит относительно незначительные поправки текста Острожской Библии, касающиеся лексики и орфографии. В частности, см.: [7].

³ См. рукопись ГИМ, Чудовское собр., № 284 (82), содержащую также Житие Иеронима Блаженного и предисловия к библейским книгам Франциска Скорины. Об этой рукописи см.: *Ромодановская В.А.* Геннадиевская Библия 1499 г. ... С. 85–86; [4].

¹ Можно определенно говорить лишь о рукописи БАН, 33.10.4 как протографе списка ГИМ, Синод. № 30. См.: *Ромодановская В.А.* Геннадиевская Библия 1499 г. в русской рукописной традиции XV–XVII вв. (латинские источники): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. Т. 1: Исследование. С. 91–98; [4].

в том числе чрезвычайно содержательного, скрупулезного описания А.В. Горского и К.И. Невоструева [8, с. 1–164] и множества кодикологических и палеографических работ не может восполнить этот пробел.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ И.Е. ЕВСЕЕВА

Научное издание Геннадиевской Библии было одной из основных задач Комиссии по научному изданию славянской Библии, созданной в 1915 г. при Петроградской духовной академии, а после революции, в 1918 г., по предложению А.А. Шахматова переведенной в Отделение русского языка и словесности Российской академии наук⁴. Непосредственным организатором и исполнителем издания стал И.Е. Евсеев. В рамках работы Комиссии публикация Геннадиевской Библии была частью полного научного издания славянских библейских текстов⁵. Кроме того, перед Комиссией стояла задача полного издания списка Геннадиевской Библии 1499 г. Возглавлял эту работу также И.Е. Евсеев. Для набора Геннадиевской Библии силами студентов Петроградской духовной академии в 1914–1915 гг. была изготовлена ее полная рукописная копия⁶. Переписка осуществлялась по выполненной в те же годы по заказу И.Е. Евсева фотоконии списка 1499 г⁷. Для издания был разработан специальный шрифт, печатание должно было осуществляться в Московской Синодальной типографии⁸. По заверению управляющего Синодальной типографией А.С. Орлова, напечатание Геннадиевской Библии тиражом 600 экз. должно было состояться «в срок не менее 4-х лет»⁹. Однако в 1917 г. «начатое, было, набором издание Геннадиевской библии ... было приостановлено, вследствие обращения типографии под другие надобности»¹⁰. Годом позже, 1 ноября 1918 г., на Общем собрании Комиссии И.Е. Евсеев доложил, что «3 первые листа Геннадиевской библии были уже набраны, но Московская Синодальная типография ... была захвачена политической организацией, и оригинал начала Библии, и фотографиче-

⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 109 (И.Е. Евсеев). Оп. 2. Ед. хр. 1: Протоколы собраний комиссии по научному изданию славянской Библии. Л. 72 об.

⁵ Там же. Л. 3. Подробно о проекте издания Геннадиевской Библии см.: [9].

⁶ Ныне эта копия хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН. Ф. 109. Оп. 1. Ед. хр. 19).

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 109. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 86 об. В настоящее время фотокония хранится в Рукописном отделе БАН, собр. Воспроизведений, № 1.339.

⁸ См.: Там же. Л. 34 об.

⁹ Копия письма управляющего Московской Синодальной типографией А.С. Орлова в Хозяйственное управление при Святейшем Синоде от 10 апреля 1915 г. (Там же. Л. 235 об.).

¹⁰ Там же. Л. 70 об.

ческие снимки к нему и два клише при этом исчезли и печатание, разумеется, совершенно приостановлено». Работа по изданию Геннадиевской Библии, как констатировал И.Е. Евсеев, была прекращена¹¹. После кончины в 1920 г. инициатора этого предприятия, проф. И.Е. Евсева, завершение работ было поручено А.С. Орлову [10, с. 85]; изучением переведенных с латыни фрагментов Геннадиевского свода, в рамках изучения переводов с латыни Геннадиевского литературного кружка, занялся А.Д. Седельников [10, с. 85]. Однако его гибель в 1934 г. в Бутырской тюрьме и политическая обстановка в стране не позволили осуществить намеченное.

ПОПЫТКИ ИЗДАНИЯ ГЕННАДИЕВСКОЙ БИБЛИИ В XX в.

В 1972 г., после защиты диссертации, посвященной переведенным с латыни книгам Геннадиевской Библии и сопоставлению их с Острожской Библией [11], изданием Геннадиевской Библии в Германии занялся Г. Фрайдхоф. В 1974 г. он опубликовал фототипию Псалтири из Геннадиевской Библии [12], а в 1979 г. – Апостольские послания [13]. При издании Посланий Г. Фрайдхоф ввел в качестве параллели к тексту Геннадиевской Библии церковнославянский текст Посланий по изданию Г.А. Воскресенского [14]; на четных страницах издания фототипически воспроизводится рукопись Геннадиевской Библии, на нечетных – параллельный текст. Использование параллельного к фототипии текста с разбивкой на стихи значительно облегчает поиск отдельных фрагментов в тексте Геннадиевской Библии и ссылки на него. Однако начатое Г. Фрайдхофом предприятие по изданию первой русской рукописной Библии, ограничившись двумя выпусками, продолжения не получило.

Работа по изданию Геннадиевской Библии возобновляется в России в начале 1990-х гг. В Санкт-Петербургском отделении Российского библейского общества (СПб РБО) под руководством А.А. Алексева была начата подготовка дипломатического издания. Сотрудниками СПбО РБО был разработан специальный шрифт для компьютерной верстки текста, наиболее точно повторяющий особенности списка 1499 г., и осуществлен набор текста с соблюдением всех выносных букв и надстрочных знаков. Однако набор, выполненный по фотоконии И.Е. Евсева, не был сверен с рукописью ГИМ, Синодальное собр., № 915. Из-за недостатка средств подготовка дипломатического издания Геннадиевской Библии была прекращена.

В те же годы попечением архимандрита Иннокентия (Просвирнина) была предпринята попытка фототипического воспроизведения списка 1499 г.

¹¹ Там же. Л. 103 об.

В 1992 г. Издательский отдел Московской Патриархии и Музей Библии выпустили два тома роскошного, богато иллюстрированного издания: том 7 – Четвероевангелие и том 8 – Апостол, Послания и Апокалипсис [15; 16]. Очевидно, образцом этого издания стали книги Г. Фрайдохфа: фототипия Геннадиевской Библии сопровождается Синодальным переводом Библии, что кроме важной культурно-исторической функции являет практическую пользу для исследователя библейских текстов. Однако никаких ссылок на немецкие публикации выпущенная в Москве фототипия не содержит. После кончины в 1994 г. руководителя этого предприятия о. Иннокентия (Просвирнина) работа над изданием Геннадиевской Библии приостанавливается, и лишь в 1997 г. в свет выходит Псалтырь [17], а в 1998 г. – фототипическое издание сопроводительных статей Геннадиевской Библии с научным комментарием: статья Л.М. Костюхиной «Палеографическое описание рукописи» и перечнем изданий Библии на церковнославянском и русском языке [18].

НОВЕЙШЕЕ ФОТОТИПИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ ГЕННАДИЕВСКОЙ БИБЛИИ

В конце 2010-х гг. Сретенский монастырь (Москва) и Государственный Исторический музей вновь обращаются к проекту фототипического издания Геннадиевской Библии. В сравнении с выпущенными в 1990-е гг. томами эта публикация более скромная и более строгая. В ней нет многочисленных красочных иллюстраций, однако сохранена идея о. Иннокентия: фототипия Геннадиевской Библии дается параллельно с Синодальным переводом. На связь с предшествующим предприятием указывает и название: «Геннадиевская Библия 1499 г. и Библия в Синодальном переводе» (ср. у о. Иннокентия: «Библия 1499 г. и Библия в Синодальном переводе»). Однако издатели новой фототипии пошли дальше в исследовательском отношении: ими предпринято кропотливое сопоставление текстов Геннадиевской Библии с Синодальным переводом, выявлены и переведены на русский язык все отличающиеся фрагменты, включая и дополнительные тексты (предисловия и маргинальные толкования); «тексты Синодальной Библии, не имеющие соответствия в Геннадиевском своде, вынесены на концевые полосы соответствующего тома» [19, с. 17]. Таким образом, параллельное расположение свода XV в. и Синодального перевода не только представляет удобство для исследователей, но удовлетворяет любопытство непрофессионального читателя, интересующегося тем, что же было написано в Библии пятьсот лет назад. В отличие от издания архимандрита Иннокентия (Просвирнина), издатели новой фототипии Геннадиевской Библии очередность томов

определили не значимостью текстов для Православной Церкви, а порядком книг в библейском своде. Так, в самом конце 2019 г. в свет вышел первый том, включающий Пятикнижие [19], а в 2020 г. – второй, в котором находятся книги от Нав. до 4Цар. [20]. Всего новое издание, как и проект о. Иннокентия, предполагает девять томов, восемь из которых будут содержать параллельно напечатанные Геннадиевскую Библию и Синодальный перевод; в девятом предполагается опубликовать наиболее важные исследования, посвященные Геннадиевскому своду. Трудолюбие и увлеченность участников этого проекта порождают надежду, что на шестом веку своего существования Геннадиевская Библия увидит свет и в печатном виде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фототипическое издание Геннадиевской Библии 1499 г. не может воспрепятствовать подготовке и выпуску научных наборных изданий русского рукописного библейского свода. Научные издания могут быть двух типов: дипломатическое издание списка 1499 г., в основе своей соответствующее несостоявшемуся проекту И.Е. Евсеева, и критическое издание библейских книг, что соответствовало бы критическому изданию Библии по проекту Комиссии по научному изданию славянской Библии. В критическом издании особняком должны быть изучены и изданы лишь «латинские» книги Геннадиевской Библии¹². Книги, известные в славянском переводе до предприятия архиепископа Геннадия, в текстологическом отношении могут изучаться только в контексте славянской рукописной традиции Священного Писания¹³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ромодановская В.А. Геннадиевская Библия // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 584–588.
2. Ромодановская В.А. Геннадиевская Библия: Основные итоги и перспективы изучения // Письменность, литература, фольклор славянских народов: История славистики: XV Междунар. съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 266–285.
3. Ромодановская В.А. Об источниках и характере энциклопедических глосс Геннадиевской Библии (1499 г.) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2001. Т. 52. С. 138–167.
4. Ромодановская В.А. Рассказ о блаженном Иерониме в русской рукописной Библии XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006. Т. 57. С. 126–133.

¹² О рукописной традиции «латинских» книг Геннадиевской Библии см.: Ромодановская В.А. Геннадиевская Библия 1499 г. С. 50–113; [21; 22; 23].

¹³ Единственный пока опыт критического издания славянских библейских книг – Евангелие от Иоанна и Евангелие от Матфея, выпущенные Российским библейским обществом, см.: [24; 25]. Однако выполненные с ориентиром на древнеславянскую традицию и включающие разночтения Острожской Библии как первого печатного издания, эти выпуски не учитывают текст Геннадиевской Библии 1499 г.

5. Angermann N. Bartholomäus Ghotan in Novgorod // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. 1965. N 45. S. 141–148.

6. Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. 254 с.

7. Ромодановская В.А. К вопросу о правке в старообрядческом издании Острожской Библии (Москва, 1914 г.): Изменения в орфографии // Русская книга в дореволюционной Сибири: Археология книжных памятников. Новосибирск, 1996. С. 137–152.

8. Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. 1: Священное писание. М., 1855. 342 с.

9. Ромодановская В.А. Геннадиевская Библия: Задачи и принципы издания // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2008. Т. 59. С. 245–263.

10. Комиссия по научному изданию Славянской Библии (Русская Библейская Комиссия): 1915–1929. Сборник архивных материалов / сост. К.И. Логачев; документы к публ. подг. А.Н. Анфертьева, Э.Н. Филиппова. Л., 1990. 136 с.

11. Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81): Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Judith, Sapientia und Makkabaer. Frankfurt am Main, 1972. 182 p.

12. Auszüge aus der Gennadius-Bibel 1499. Nr. 1. Der Psalter / In Faks. hrsg. v. Gerd Freidhof. München, 1974. 84 p. (Specimina philologiae Slavicae. 5).

13. Auszüge aus der Gennadius-Bibel 1499. Nr. 2. Die Briefe an die Römer, Korinther, Galater und Epheser. Kombiniertes Teilnachdr. d. Ausg. Drevne-Slavjanskij Apostol 1-5. <ed. G. Voskresenskij>. Sergiev Posad 1892–1906, 1908 / In Faks. hrsg. v. Gerd Freidhof. Frankfurt am Main, 1979. 71 p.

14. Воскресенский Г.А. Древнеславянский Апостол. Сергиев Посад, 1892–1908. Вып. 1–5. 228 + 209 + 396 с.

15. Библия 1499 г. и Библия в синодальном переводе. М., 1992. Т. 7: Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки, Иоанна. 400 с.

16. Библия 1499 г. и Библия в синодальном переводе. М., 1992. Т. 8: Деяния святых Апостолов; Послания святых Апостолов Иакова, Петра, Иоанна, Иуды; Послания святого Апостола Павла; Апокалипсис. 512 с.

17. Библия 1499 г. и Библия в синодальном переводе. М., 1997. Т. 4: Псалтирь. 344 с.

18. Библия 1499 г. и Библия в синодальном переводе. М., 1998. Т. 9: Приложения; Научное описание. 512 с.

19. Геннадиевская Библия 1499 г. и Библия в синодальном переводе. М., 2019. Т. 1. 575 с.

20. Геннадиевская Библия 1499 г. и Библия в синодальном переводе. М., 2020. Т. 2. 455 с.

21. Ромодановская В.А. Распространение переведенных с латыни частей Геннадиевской Библии. I. Рукописи 15 – первой трети 16 в. // Источники русской истории и литературы. Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 6–28.

22. Ромодановская В.А. Сборник РНБ, Погод. № 84 // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в рукописных источниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 256–266.

23. Ромодановская В.А. О целях создания Геннадиевской Библии как первого полного русского библейского кодекса // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 278–305.

24. Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подг. А.А. Алексеев, А.А. Пичхадзе, М.Б. Бабицкая, И.В. Азарова, Е.Л. Алексеева, Е.И. Ванеева, А.М. Пентковский, В.А. Ромодановская, Т.В. Ткачева. СПб., 1998. 232 с.

25. Евангелие от Матфея в славянской традиции / Изд. подг. А.А. Алексеев, А.А. Пичхадзе, М.Б. Бабицкая, И.В. Азарова, Е.Л. Алексеева, Е.И. Ванеева, А.М. Пентковский, В.А. Ромодановская, Т.В. Ткачева. СПб., 2005. 182 с.

REFERENCES

1. Romodanovskaya V.A. The Gennady's Bible. *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow, 2005, vol. 10, pp. 584–588. (In Russ.)

2. Romodanovskaya V.A. The Gennady's Bible: main results and prospects of studying. *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskikh narodov: istoriya slavistiki: XV Mezhdunar. s'ezd slavistov*, Minsk, 20–27 avg. 2013 g.: dokl. Ros. delegatsii. Moscow, 2013, pp. 266–285. (In Russ.)

3. Romodanovskaya V.A. On the sources and character of the encyclopedic glosses of the Gennady's Bible (1499). *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Saint Petersburg, 2001, vol. 52, pp. 138–167. (In Russ.)

4. Romodanovskaya V.A. The story on the Blessed Hieronymus in the Russian manuscript Bible of the XV century. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Saint Petersburg, 2006, vol. 57, pp. 126–133. (In Russ.)

5. Angermann N. Bartholomäus Ghotan in Novgorod. *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*, 1965, no. 45, S. 141–148.

6. Alekseev A.A. Textology of the Slavic Bible. Saint Petersburg, 1999, 254 p. (In Russ.)

7. Romodanovskaya V.A. On the issue of editing the Old Believer edition of the Ostrog Bible (Moscow, 1914): changes in spelling. *Russkaya kniga v dorevoljutsionnoy Sibiri: arkhografija kniznykh pamyatnikov*. Novosibirsk, 1996, pp. 137–152. (In Russ.)

8. Gorskiy A.V., Nevostrujev K.I. Description of Slavic manuscripts of the Moscow Synodal Library. Dep. 1: Holy Scripture. Moscow, 1855, 342 p. (In Russ.)

9. Romodanovskaya V.A. The Gennady's Bible: tasks and principles of publication. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Saint Petersburg, 2008, vol. 59, pp. 245–263. (In Russ.)

10. Logachev K.I. (comp.) The Commission for the Slavic Bible Scientific Publication (Russian Bible Commission): 1915–1929: collection of archival materials. Leningrad, 1990, 136 p. (In Russ.)

11. Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81): die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Judith, Sapientia und Makkabaer. Frankfurt am Main, 1972, 182 p. (In Germany)

12. Auszüge aus der Gennadius-Bibel <1499>. Nr. 1. Der Psalter. München, 1974. 84 S. (Specimina philologiae Slavicae; Bd. 5). (In Germany)

13. Auszüge aus der Gennadius-Bibel <1499>. Nr. 2. Die Briefe an die Römer, Korinther, Galater und Epheser. Kombiniertes Teil nach dr. d. Ausg. Drevne-Slavjanskij Apostol 1-5, ed. G. Voskresenskij. Sergiev Posad, 1892–1906, 1908. Frankfurt am Main, 1979, 71 p. (In Germany)

14. Voskresenskij G.A. The Ancient Slavic Apostle. Iss. 1–5. Sergiev Posad, 1892–1908. 228 + 209 + 396 p. (In Russ.)

15. The Bible of 1499 and the Bible in the Synodal translation. Moscow, 1992, vol. 7: Our Lord Jesus Christ the Holy Gospel of Matthew, Mark, Luke, John, 400 p. (In Russ.)

16. The Bible of 1499 and the Bible in the Synodal translation. Vol. 8: Acts of the Holy Apostles; Epistles of the Holy Apostles James, Peter, John, Judas; Epistles of the Holy Apostle Paul; Apocalypse. Moscow, 1992, 512 p. (In Russ.)

17. The Bible of 1499 and the Bible in Synodal translation. Vol. 4: Psalter. Moscow, 1997, 344 p. (In Russ.)

18. The Bible of 1499 and the Bible in the Synodal translation. Vol. 9: Appendices; Scientific description. Moscow, 1998, 512 p. (In Russ.)

19. The Gennady's Bible of 1499 and the Bible in the Synodal Translation. Vol. 1. Moscow, 2019, 575 p. (In Russ.)

20. The Gennady's Bible of 1499 and the Bible in the Synodal Translation. Vol. 2. Moscow, 2020, 455 p. (In Russ.)

21. Romodanovskaya V.A. Distribution of parts of the Genadiy Bible translated from Latin. I. Manuscripts of the XV – first third of the

XVI century. *Istochniki russkoy istorii i literatury. Srednevekov'e i Novoe vremya*. Novosibirsk, 2000, pp. 6–28. (In Russ.)

22. Romodanovskaya V.A. Distribution of parts of the Gennady's Bible translated from Latin. II. Collection of the Russian National Library, Pogodin Collection, № 84. *Obshchestvennaya mysl' i traditsii russkoy dukhovnoy kul'tury v rukopisnykh istochnikakh XVI–XX vv.* Novosibirsk, 2005, pp. 256–266. (In Russ.)

23. Romodanovskaya V.A. The goals of creating the Gennady's Bible as the first complete Russian Bible Code. *Knizhnyye tsentry Drevney Rusi: severnorusskie monastyri*. Saint Petersburg, 2001, pp. 278–305. (In Russ.)

24. Alekseev A.A. et al. (comps.) The Gospel of John in the Slavic tradition. Saint Petersburg, 1998, 232 p. (In Russ.)

25. Alekseev A.A. et al. (comps.) The Gospel of Matthew in the Slavic tradition. Saint Petersburg, 2005, 182 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.04.2021

Дата рецензирования 10.05.2021

Статья принята к публикации 03.06.2021

DOI: 10.15372/HSS20210304
УДК 821.161'01"15"

Л.И. ЖУРОВА

**ПОСЛАНИЯ СТАРЦА АРТЕМИЯ:
К ВОПРОСУ О ПРОТИВОЛЮТЕРАНСКОЙ ПОЛЕМИКЕ
В ПУБЛИЦИСТИКЕ XVI в.**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Послания старца Артемия против лютеран, составленные в вынужденной эмиграции, представляют его как поборника православия в Литве во второй половине XVI в. В пяти посланиях (из девяти) литовского периода творчества публицист выступил с обличениями учения Лютера, адресуя их князю Чарторыйскому, казначею Ивану Зарецкому, еретику Симону Будному, некоему князю, «Люторским учителям». Предметом анализа в настоящей статье стали вопросы рукописной традиции «Послания Люторским учителям», подходы к определению отношений между посланиями на основе функционирования топов, межтекстовых связей и обращений. Послание представляет собой пространственный трактат публициста, в котором наряду с обличениями лютеран изложена идеология церковного писателя, исихаста, нестяжателя, что позволяет считать этот памятник программным сочинением Артемия. Отличительной особенностью текста являются ярко выраженное личностное начало автора и система апелляций к Лютеру и православным, которые перешли в лютеранство. Изложенные результаты текстологического анализа «Послания Люторским учителям» позволяют ставить вопрос о необходимости научного издания трудов средневекового публициста.

Ключевые слова: Артемий, Литва, публицистика XVI в., Лютер, лютеране, послание, трактат, рукописная традиция.

L.I. ZHUROVA

**EPISTLES OF STARETS ARTEMIOUS:
ON THE EPISTLES CONTENDING LUTHERANS
IN THE RUSSIAN PUBLICIST WRITINGS OF THE 16TH CENTURY**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The Eldery Artemius, accused by Moscow Bishops' Assembly in 1554 of the aptitude to Protestantism, became strictly Orthodox in Lithuania, a castigator of heretics and active antagonist of the Lutheran Church. The epistles composed in emigration present him as the Orthodoxy proponent in the west. In five epistles (out of nine) of the Lithuanian creative period, representing the author's discourse, the publicist made denunciations of Luther's teaching, addressing them to Prince Czartoryski, treasurer Ivan Zaretsky, heretic Simon Budny, Lutheran teachers and a certain prince. The article's subject of analysis is the issues of the handwritten tradition of «Epistles to Lutheran Teachers», approaches to determine the relations between epistles based on functioning toposes, intertextual connections, and appeals in the polemical narrative. The epistle is an extended treatise of a publicist, in which, along with the Lutherans denunciations, the author expresses his attitude to an ecclesiastical Hesychast writer, the ideologist of non-possession, which makes this work the programmatic work of Artemius. The text's distinctive feature is the author's pronounced personality and the system of appeals to Luther and the Orthodox who converted to Lutheranism. The results are discussed relating to the book tradition of «*Epistles to Lutheran Teachers*» preserved in three collections of manuscripts of the XVI century. The text published in the collection «*The Russian Historic Library*» based on the Russian State Library's opus № 494 of Undolsky collection does not have a beginning, and its long title is likely to be authored by P. Hildebrandt. This opus has a title *Na Lutory* (i.e. «Against Lutherans») in two other manuscripts. The copy kept in the Russian National Library O.XVII.71 should be considered the most complete and relevant text of the Epistle.

Key words: Artemius, Lithuania, XVI century journalism, Lutherans, epistle, treatise, manuscript, manuscript tradition.

Людмила Ивановна Журова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: zhurovansk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6796-0896>.

Ludmila I. Zhurova – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Рукописное наследие старца Артемия, церковного публициста середины XVI в., последователя Нила Сорского, сторонника нестяжательства, критика внешней обрядности Русской церкви, невелико. Пять посланий были написаны иноком в московский период его жизни (до 1554 г.), девять посланий – в Литве (1555–1575 гг.) [1, с. 163–168; 2, с. 459]. Они находятся в сборнике РГБ. Ф. 310. Собр. Ундольского, № 494, последняя четверть XVI в., л. 1–201 об. Рукопись писана белорусским полууставом, видимо, учениками Артемия (например, Марком Сарыхозиным) [2, с. 461], текст последнего послания не закончен, обрывается на словах «Хотел бы и радъ писати до вашей милости и о инших речах, о них же глаголють хулници...». Вероятно, ряд сочинений Артемия утрачен, сохранившиеся тексты большей частью дефектны: у одних недостает начала, у других – окончания, третьи представлены в виде отрывков. Рукопись не дописана. Послания Артемия опубликованы в 1878 г. в сборнике «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией» [3, стб. 1201–1448]¹, и это издание не отвечает современным требованиям публикации средневековых рукописных текстов. Основные исследования жизни и творчества писателя появились в XIX в. [4; 5; 6], их результаты уточнены учеными XX в. [1, с. 163–168; 2, с. 458–462; 7, с. 71–73].

На суде 1554 г. в Москве Артемий был обвинен в склонности к протестанству. В Литве старец Порфириевой пустыни стал строго православным человеком, обличителем еретиков и активным противником лютеранства [5, с. 133]. Послания, составленные в вынужденной эмиграции, представляют Артемия как поборника православия в западных землях.

В отечественной науке долгое время считалось, что в Московской Руси основным защитником православной веры от лютеранства был Максим Грек [8, с. 116–119]. На самом деле афонскому монаху принадлежит единственное сочинение против лютеран – «Слово о поклонении святых икон противу явльшегося в немцах иконоборца Лютора» (Иванов, № 148), написанное, видимо, уже в последние годы жизни, и оно почти не было известно в книжной культуре XVI в. [9].

Политика Ивана Грозного, с интересом относившегося к учению протестантов, приглашавшего немцев и датчан в Москву для разнообразных работ, позволившего им строить кирхи и основать Немецкую слободу, но запретившего лютеранам вмешиваться в церковные дела православных (история с Яном Рокитой), создала условия, в которых невозможно было

широкое распространение учения Лютера среди русского населения, и потому в XVI в. не было особой нужды в защите православия от протестантизма. Другая ситуация сложилась в многоконфессиональной Литве, переживавшей непростые времена борьбы разных церковных идейных течений во второй половине XVI в. – католиков, православных, лютеран, кальвинистов, антитринитариев, социниантов и др. Здесь распространение лютеранства шло интенсивно [5, с. 87–113]. От увлечения новыми учениями предостерегал единоверцев в Литве Андрей Курбский. Но главным защитником православных от идей Лютера стал Артемий.

С.Г. Вилинский датирует послания старца, в которых подняты вопросы обличения протестантских идей, казначею Ивану Зарецкому, князю Чарторыйскому, еретику Симону Будному, «Люторским учителям» концом 60-х гг. XVI в. [6, с. 358]. Еще одно противолютеранское сочинение Артемия – «Послание некоему князю» [3, стб. 1328–1359] – историк относит к началу 70-х гг. XVI в., потому что в нем сменился тон повествования: от дружески-назидательного на резко обличительный. Артемий осознал, что безуспешны его уговоры, и призывал избегать общения с еретиками.

Не потеряло своей актуальности заключение С.Г. Вилинского: «Послания Артемия – почти единственный (если не считать Курбского) полемический противолютеранский памятник» в публицистике XVI в. [6, 353].

ПОСЛАНИЯ АРТЕМИЯ ПРОТИВ ЛЮТЕРАН

Послания Артемия следует рассматривать как авторский дискурс, поскольку единство текстов обусловлено не только происхождением сочинений (у них неизменяемая авторская интенция, отражение одной ситуации – осуждение лютеранского учения, сходные мотивы и образы), но и предназначением – защитить православных от новых еретических учений. Сложно установить вектор генетических отношений посланий.

Между посланиями князю Чарторыйскому, казначею Ивану Зарецкому, еретику Симону Будному, некоему князю и «Посланием Люторским учителям» обнаруживаются межтекстовые связи. Так, в них повторяются основные положения взглядов Артемия (с различными оттенками смысла и интонаций), использованы одни и те же образы и выражения. Например, в Послании князю Чарторыйскому он, определяя тактику своего писательского труда, заимствованную у Нила Сорского: «...не от своего разума, но от самъх божественных Писаний святых и богоносных отец сказания от многих и малая собравъ», вводит сравнение: «яко песь отъ круплицъ, падающихъ отъ трапезы господии своих...» (стб. 1267). Этот же при-

¹ Послания старца Артемия цитируются по этому изданию, далее номера столбцов указаны в круглых скобках.

ем находим в «Послании Люторским учителям»: «отъ Бога и святых апостоль и пророкъ и преподобных отецъ, якоже пес отъ крупиць, падающихъ отъ трапезы господии своих, по мѣрѣ дарованія Христова, иже слѣпныя просвѣщаго младенца умудряюща, отъ многихъ малая собравъ, предложити вашей премудрости азъ, ненаученыи, покушюсь» (стб. 1205). Этот образ спровоцировал недоброжелателей Артемия называть его «старым псом», на что он отреагировал в «Послании Люторским учителям»: «А понеже слышахъ, яко укаряюще старого пса нарекоша мя, и въправду, ибо песь, егда услышитъ незнаемого гласа, не престае брехая, дондеже извѣстно узритъ, кто есть...» (стб. 1225). В противолютеранских сочинениях старец использовал одни и те же цитаты из посланий апостолов и слов учителей Церкви (Василия Великого, Григория Омиритского, Иоанна Богослова, Дионисия Ареопажита).

Князю Чарторыйскому Артемий пишет «слово отвѣтно» (видимо, было обращение Чарторыйского² к нему), в котором собирается разобрать «каждыи артикуль лжеименнаго разума Люторскихъ шепераний³» (стб. 1266). Но в этом сочинении он не выполнил своего обещания, затронув только вопросы об умалении еретиками священного предания, о возвышении роли Десятословия Моисея, отвержении закона Христа и иконопочитания. И в конце признался: «Много имѣхъ писати, но трудно ми вскорѣ о всѣхъ речехъ писати» (стб. 1273). Артемий выразил надежду, что «на вся хулы нынѣшнеи ересеи обще списати обличение», и пригрозил: «жестокю будетъ имъ противу рожну прати» (т.е. «трудно будет им прыгать на рожен»). Является ли «Послание Люторским учителям» этим «жестоким» обличением? Вилинский считал, что нет [6, с. 127–128].

Более широкий круг вопросов лютеранского учения Артемий обсуждает в послании казначею Ивану Зарецкому. В начале он формулирует вопросы, которые ему задал «некто», о «новопрозябшихъ ересеи, глаголемыхъ Люторскихъ», и о них автор будет рассуждать: о непризнании литургии, о непочитании икон, о том, можно ли призывать святых в своих молитвах. Предупреждая, что «о такихъ въпросѣхъ... нѣсть потребы отвѣщавати» тому, кто просто любопытствует, Артемий свое слово обращает к желающему «истину навькнути» (стб. 1274). Называя лютеран «ругателями и досадителями», обвиняет их в том, что они «всякия хулы умышляють на церковныя уставы и на вся благочестивыя православныхъ христианъ обычая» (стб. 1275). И первым обличениям подвергается

положение протестантов о проповедовании Десятословия вместо Евангелия, о непризнании книг святых отцов, потому и именуется их Артемий – «темнии о свѣтѣ». Далее последовательно публицист дает ответы на поставленные в начале вопросы: в чем смысл христианского богослужения (литургии), почитания икон и прославления святых, а также разъясняет, почему надо ценить священное предание, молиться за умерших.

Послание Ивану Зарецкому отличается логичностью изложения, в нем использованы те же аргументы, что и в других противолютеранских сочинениях: цитаты апостолов и святых отцов, воспоминание о скинии Моисея и кивоте священном. Но в этом сочинении практически нет обращений к адресату и четко выраженного авторского начала, поэтому текст мало похож на послание. Первая фраза: «Проси нѣкто христоролюбива старца, да напишетъ ему о новопрозябшихъ ересеи, глаголемыхъ Люторскихъ» – представляет сочинение как ответ на просьбу. Единичные апелляции: «Убо прекланяеши ли уши свои къ такомуъ богомерзкимъ хуламъ?» (стб. 1277); «И аще хоцещи извѣстнѣе вѣдѣти, прочитаи житиа святыхъ и не въстребуеши от инѣхъ научитися» (стб. 1285) – никак не определяют личность адресата, но указывают на соблазны, которым он мог подвергнуться. А тем не менее Иван Семенович Зарецкий был человеком сугубо православным, заботился о поддержании православия в Литве, вместе с братом в типографии Мамонойчей в 1575 г. издал Евангелие [6, с. 129].

ПОСЛАНИЕ ЛЮТОРСКИМ УЧИТЕЛЯМ

Данное послание представляет собой пространный трактат, в котором изложена позиция церковного публициста, исихаста, нестяжателя по многим вопросам. Это не столько полемическое сочинение, сколько дидактическое, дидакальское. Сам текст Послания, довольно объемный, не отличается последовательностью изложения, как послания Чарторыйскому и Ивану Зарецкому, содержит повторы, возвращения к одним и тем же темам и мотивам. Само учение Лютера публицист представляет в своих посланиях не в полном виде и большей частью касается внешней, обрядовой стороны новой религии. Новоявившиеся идеи лютеран Артемий называет «широким и пространным путем» в отличие от библейского «узкого пути» (Мф. 7: 13–14). В этом Послании находим практически все основные положения идеологии Артемия. Так, он осуждает жестокие наказания еретиков: «неподобно есть христианомъ убивати еретичествующихъ, но паче кротостию наказывати противящихся и молитися за нихъ» (стб. 1213).

Много слов сказано Артемием об иноческом житии, и ими он заканчивает свой трактат: «Иноческое бо жителство – похвала Церкви Христовѣ» (стб.

² Вилинский справедливо ставит вопрос об адресате: были известны три князя Чарторыйских, но кому именно обращено послание, сказать трудно [6, с. 128].

³ Шеперание – пустословие.

1260). Старец, предпочитавший безмолвное служение: «похвално убо есть... еже со единѣмъ или со двѣма безмолствовати» (стб. 1261), высказывается о достоинствах общежительного устройства монастыря, хвалит особое житие: «в нынѣшнее бо время похвалнѣе общаго особное житие» (стб. 1261). Рассуждения о роли священников в христианском мире, об исполнении заповедей Господних, о нестяжании спровоцированы лютеранской ересью. Анализ учения Лютера подвигает старца к построению собственной концепции. Церковный публицист ищет противоречия в построениях немецкого протестанта, ценившего Десятислово Моисея выше Евангелия, самопроизвольно обращавшегося со священными текстами, разврацавшего их своими измышлениями, ложными писаниями. Так, он анализирует, как в Ветхом и Новом Заветах представлен «трисоставный разум» человека: «плотское, душевное и духовное» (стб. 1232) – и доказывает приоритет духовного начала. Создав систему представлений об этических и духовных ценностях православия, Артемий обозначает свою цель – удержать православных от увлечения новоявившимся учением.

РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ «ПОСЛАНИЯ ЛЮТОРСКИМ УЧИТЕЛЯМ»

Послание сохранилось не только в сборнике Унд. 494, опубликованном в РИБ [3, стб. 1201–1266], но и в двух других рукописях XVI в., что дает возможность описать книжную традицию сочинения. В Унд. 494 текст Послания не имеет начала, издан П. Гильтебрандтом под названием: «Послание старца Артемия къ “Люторскимъ учителямъ”, ставящимъ Десятословие выше Евангелия, отвергающимъ храмъ, иконы, крестное знамение, иночество, покаяние и другие таинства, а также къ совращеннымъ въ эту ересь православнымъ». Вилинский полагал, что заголовок принадлежит Артемию, но это невозможно, поскольку в рукописи утрачены начальные листы, и надписание текста в публикации, более чем вероятно, сделано издателем рукописи, а именно П. Гильтебрандтом, определившим в заголовке основные вопросы повествования.

В двух других списках «Послание Люторским учителям» озаглавлено как «На люторы»: РНБ. О.XVII.71, 80-е гг. XVI в., л. 152–270 об. и Q.I.493, рубеж XVI–XVII вв., л. 1–48. Текст этого послания в данных сборниках А.И. Ивановым ошибочно отнесен к сочинениям Максима Грека [8, с. 118, № 147]. Ошибку можно объяснить тем, что Послание Артемия в указанных двух сборниках РНБ находится в окружении сочинений, которые долгое время считались принадлежащими Максиму Греку: «Послание Николаю Латынину о латинском отлучении» и «Послание Николаю Латынину или неизвестному лицу»

[10, с. 373–398, с. 494–508]. Н.В. Сеницына полагала, что автором этих сочинений мог быть Исая Каменчанин – один из поклонников творчества Максима Грека [11, с. 49–50]. Но бытование их в контексте Послания Артемия позволяет предположить происхождение этих посланий в среде книжников старца Артемия.

Сборник РНБ. О.XVII.71 неполный: в нем утрачены начало и конец, где находятся сочинение Иоанна Дамаскина и житие этого учителя Церкви. Между Посланиями Николаю Латынину (л. 106–146) и трактатом «На люторы» (л. 152–270 об.) читается текст: «О Григории Цамблаке, послание грамоты всех епископов литовских» (л. 146–152), и такой контекст может указывать на западно-русское происхождение рукописи.

Рукопись РНБ. Q.I.493 представляет собой фрагмент какого-то сборника, в ней сохранились только три сочинения, обозначенные как главы: 9 («На люторы»), 10 («Послание Николаю Латынину, злому прелестнику»), 11 («Послание Николаю Латынину, зломудренному»). В ней оказались утраченными несколько листов с текстом «На люторы».

По спискам О.XVII.71 и Q.I.493 можно восстановить начало «Послания на Люторских учителей», не сохранившееся в Унд. 494: «О тщеславии, от него же гордость, ибо от неподобнаго мнѣния презорство родися, его же ради хульнии помыслы възникоша, симъ же возрастшимъ от невнимания многа тогда уже от преисполнения сердечнаго глаголють уста его, и яко от сего познавается ложный учитель антихристовъ, о еже неправѣ учить от Божественныхъ Писании, но от своего сердца...» (О.XVII.71, л. 152 об.). В этой рукописи слова «многа тогда уже от преисполнения» вписаны кинноварью на поле как вставка, а в Q.I.493 они неудачно попали в заголовок: «На люторы. Многа тогда уже от преисполнения», л. 1 об., что позволяет считать первый сборник антиграфом второго.

В целом список Q.I.493 содержит множество мелких пропусков, писцовых ошибок, например, «мед горестъ явися» вместо «мед горек явися», «смотрите опасно» вместо «смотрите извѣстно», «иным не творите» вместо «инымъ не чините», «образа смотрения» вместо «образа смирения» и др. В то же время текстологический анализ позволяет установить гаплографические ошибки в опубликованном списке Унд. 494 (пропуск в Унд. 494 выделен курсивом): «Мы же отведены быхомъ *гласомъ чюжыхъ постѣителей, иже не священныхъ архиереи и не доволни быхомъ* познати отъ плодовъ неправы правящихъ слово Твое» [стб. 1209]. Таким образом, на повестку дня встает вопрос о переиздании сочинений старца Артемия, и в основу публикации «Послания Люторским учителям» должен быть положен список РНБ. О.XVII.71.

К ВОПРОСУ О ТОПИКЕ ПРОТИВОЛЮТЕРАНСКИХ СОЧИНЕНИЙ

Ошибочным представляется мнение А.И. Иванова (повторенное в статье «Православной энциклопедии») о том, что «Послание Люторским учителям» («На люторы») обнаруживает сходство со «Словом о поклонении святых икон» Максима Грека [8, с. 117]. Последнее на самом деле является вариантом Слова 6 «Книги на новгородских еретиков» Иосифа Волоцкого [9].

Одной из причин неверной атрибуции слов русских публицистов против иконоборчества (Иосифа Волоцкого, Максима Грека) может быть мотив Ковчега Завета (кивот), сопровождаемый библейским рассказом о беседе Господа с пророком Моисеем (Исх 4; 33: 8–10; 40: 33–38). Он стал топосом в сочинениях защитников иконопочитания, но исследователями оценивался как образ, созданный Максимом Греком.

В «Послании Люторским учителям» Артемий тоже прибегает к ссылке на этот же ветхозаветный сюжет, которая иллюстрирует логику его рассуждений: «И аще бы не сице имѣло слово, то како Самъ Богъ, заповѣдавши Моисеови не творити всяко подобие, и паки Тои же повелѣ учинити ему подобия херувимовъ? <...> И еще взри на ветхиа сокровища и обрящещи тамо очистило, сирѣчь дску златую над двема херувимы, киотом учиненную, в ней же Господь с пророком беседова» (стб. 1243–1244). Артемий объясняет, что заповедь Моисея рассчитана на то, чтобы отвести людей от языческих идолов, поэтому не следует ссылаться «христианохульникам» на Ветхий Закон в своих «умышлениях». А мы, православные, рассуждает автор, «от образа на память избавления нашего възводимся» (стб. 1246). Он, как и все поборники почитания икон, напоминает слова Василия Великого о том, что честь изображения на «прѣвообразное преходит».

Еще одним общим местом в полемических сочинениях против иконоборцев будет образ Солнца Правды, восходящий к книге пророка Малахии (Мал 4: 2). Он встречается в сочинениях против еретиков, в том числе у Максима Грека (РГБ. Собр. Румянцева, № 264, л. 241). Артемий учение Лютера представляет как человеческое самоизвольное измышление, сравнивает его со светом огня и пламени, объявшего человека, и противопоставляет ему Солнце Правды (стб. 1230), под которым в богословии понимается учение Христа, и Солнце Правды есть Христос.

АВТОР И АДРЕСАТЫ

В «Послании Люторским учителям» по сравнению с другими его сочинениями довольно выразительно авторское начало, личностное настроение. Так, в молитвенном введении Артемий просит Госпо-

да вразумить его быть «дателем истинной премудрости», не отнимать от него «словеса истинна», услышать молитву «преселника и пришельца» (Пс 38: 13) (стб. 1201). Цитата псалма перекликается с судьбой эмигранта Артемия. Персонифицированная позиция публициста в «Послании Люторским учителям», очевидно, обусловлена необходимостью прямых апелляций к основателю новой идеологии, выстраиванию оппозиции: «Кто же сеи сквернии Люторь, отвергнися своего обѣта во осмотысящному вѣку, новоизобрѣтеннии и удобен путь явиша, широкии и пространнии, а всяко похулише узскои и прискорбнии, Самимъ Господомъ похваленнии?» (стб. 1227–1228). Оригинальными именованиями немецкого реформатора будут: «новыи фарисеи», «темныи о свѣтѣ».

В этом Послании можно видеть целый ряд самоуничижительных пассажей: «Мнѣ мнится, аще азъ зѣло грубъ есмь, по вашему словеси, ниже бо азъ, когда смѣю помыслити, довьлна собѣ разумѣти <...> предложить вашей премудрости азъ, ненаученни, покушюся» (стб. 1205). Искренность переживаний должна вызвать доверие у православного человека к слову автора: «Увы, мнѣ, окаянному! Болѣзнуеть ми душа, болѣзнуеть ми внутръняя! Помозите ми, братие! Кто дасть главѣ моеи вѣду и очима моима источникъ слез? Или кто поставилъ бы мя на мѣстѣ безмолвнѣ, идѣже нѣсть мятежа, ни плища, идѣже нѣсть гласа сыновъ человѣческихъ, идѣже тишина многа?» (стб. 1209). Артемий, как видим, до конца жизни оставался исихастом.

Послание Артемия направлено большей частью к «свораченным в ересь» православным, а не столько к «Люторским учителям», что видно из обращений к читателям: «Тѣм же, братие възлюбленная, аще есть в насъ истинное любомудрие иноческаго и христианскаго житиа...» (стб. 1235). Пастырские именованья – «друзи», «братия», «любимицы мои» – располагают к дружеской беседе. Артемий, как правило, выбирает спокойный, братски-увещательный, кроткий тон повествования, что отмечал еще Вилинский [6, с. 119]. Он пользуется местоименными формами («вы») или формой глагола во втором лице множественного числа: «смотрите», «будете иметь», «глаголете» и др.

Артемий обвиняет «люторов» в том, что крест они называют шибеницей, икону – идолом, церковь – болваницей, пустынников – зверями дивными. Осуждает врагов креста Христова, которые не верили священным преданиям, и приводит ряд примеров из них (особенно подробно этот сюжет представлен Артемием в Послании Симону Будному). Старец советует читать послания апостолов, слова святых отцов, и зона репродуцирования священных текстов составляет в «Послании Люторским учителям» большое цитатное пространство.

Вилинский полагал, что Артемий так и не создал сочинения, в котором бы отверг все положения лютерского учения (в Послании рассмотрены не все «артикулы» Катехизиса Лютера). Но, вероятно, именно «Послание Лютторским учителям» и есть такой проект, но незавершенный. На это указывает дополнительный фрагмент, выделенный в рукописи О. XVII. 71 на л. 264–270 об., следующий за логичной концовкой, после заминивания (стб. 1262). Завершается он лишь упоминанием основного положения учения Лютера – оправдание верою: «А еже глаголють Люторы (истовое же имъ имя от деиства – ругатели): “Христось уже за нас исполниль, не требѣ ученики, рекше дѣла добрая”, – се глаголють суетно, сами прельщени умомъ своимъ и иныхъ прельщають въ свою погибель. От ихъ учения да покриеть нас Христось, Богъ нашъ» (стб. 1266). Этого важного положения противолутеранской полемики нет в других посланиях старца Артемия, а оно требует подробного аналитического изложения, которое, вероятно, осталось в замыслах публициста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Противолутеранская полемика в Московской Руси не стала заметным явлением публицистики XVI в. Единственным ее примером может служить послание Максима Грека в защиту иконопочитания, мало известное в книжной традиции. Литовские послания старца Артемия следует признать самыми значимыми сочинениями против лутеранского учения в древнерусской книжности, а самого писателя – активным защитником православных от протестантизма. Эти сочинения, как и творчество А. Курбского, представляют уникальный случай в истории русской средневековой литературы, когда слово писателя, созданное за границей, находит свое место в отечественной рукописной традиции.

«Послание Лютторским учителям» можно рассценивать как программное сочинение Артемия, поскольку в нем изложены практически все основные положения идеологии старца. Вероятно, на основе этого сочинения он составлял послания своим известным и неизвестным адресатам.

Существующая публикация трудов старца Артемия, выполненная П. Гильтебрандтом в 1878 г., не отвечает современным эдичионным требованиям, поэтому назрел вопрос о подготовке научного издания посланий публициста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958. 499 с.
2. *Калугин В.В.* Артемий // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 458–462.
3. *Послания старца Артемия* // Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. 4. Стб. 1201–1448.
4. *Занков П.М.* Старец Артемий, писатель XVI в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. № 11. С. 47–64.
5. *Садковский С.* Артемий, игумен Троицкий // Чтения Общества истории древностей российских. 1891. Кн. 4, отд. 3. С. 1–143.
6. *Вилинский С.Г.* Послания старца Артемия (XVI в.). Одесса. 1906. 425 с.
7. *Казакова Н.А.* Артемий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. С. 71–73.
8. *Иванов А.И.* Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969. 248 с.
9. *Журова Л.И.* История слов Максима Грека против Лютера (в защиту иконопочитания) // Сибирский филологический журнал. 2021. (в печати).
10. Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2008. Т. 1. 568 с.
11. *Синицына Н.В.* Раннее творчество Максима Грека // Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2008. Т. 1. С. 15–80.

REFERENCES

1. *Zimin A. A. I. S. Peresvetov and his contemporaries. Essays on the history of the Russian public and political thought of the mid XVI century.* Moscow, 1958, 499 p. (In Russ.)
2. *Kalugin V. V. Artemius. Pravoslavnaya entsiklopediya.* Moscow, 2001, vol. 3, pp. 458–462. (In Russ.)
3. Messages of the Elder Artemy. *Russkaya istoricheskaya biblioteka.* Saint Petersburg, 1878, vol. 4, cols. 1201–1448. (In Russ.)
4. *Zankov P. M. The Elder Artemius, a writer of the XVI century. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya,* 1887, no. 11, pp. 47–64. (In Russ.)
5. *Sadkovskiy S. Artemius, Abbot Troitsky. Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh,* 1891, bk. 4, pt. 3, pp. 1–143. (In Russ.)
6. *Vilinskiy S. G. Epistles of the Elder Artemius (the XVI century).* Odessa, 1906, 425 pp. (In Russ.)
7. *Kazakova N. A. Artemius. Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi.* Leningrad, 1988, iss. 2, pt. 1, pp. 71–73. (In Russ.)
8. *Ivanov A. I. Maximus the Greek's literary heritage. Characteristics, attribution, and bibliography.* Leningrad, 1969, 248 p. (In Russ.)
9. *Zhurova L. I. The history of Maximus the Greek's epistles contending Luther (in defense of icon worship). Sibirskiy filologicheskij zhurnal,* 2021, in print. (In Russ.)
10. *Venerable Maximus the Greek. Writings.* Vol. 1. Moscow, 2008, 568 p. (In Russ.)
11. *Sinitsyna N. V. Early works by Maximus the Greek. Prepodobnyy Maksim Grek. Sochineniya.* Moscow, 2008, vol. 1, pp. 15–80. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.04.2021

Дата рецензирования 16.05.2021

Статья принята к публикации 03.06.2021

DOI: 10.15372/HSS20210305

УДК 821.161.1–343.5"16"

Л.В. ТИТОВА

О КОМПИЛЯТИВНЫХ СОЧИНЕНИЯХ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕИнститут истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье представлены результаты анализа нескольких сочинений компилятивного характера, составленных в конце XVII – первой половине XVIII вв. на основе трактатов, написанных лидерами первого этапа старообрядческого движения. Показано, что составителями при использовании исходных текстов в первую очередь заимствовались и кратко излагались основы вероучения, но центральными в них стали характеристика и оценка переживаемого времени как «царства антихриста». Сделан вывод, что компилятивные сочинения относятся к массовой агитационной литературе и составлялись они старообрядческими книжниками посредством соединения воедино авторитетных текстов первого поколения противников церковной реформы. Эти компиляции оказали значительное влияние на формирование широкого религиозно-общественного движения, получившего у исследователей название «старообрядчество».

Ключевые слова: Русская церковь, церковная реформа, раскол, сочинения в защиту старого обряда, старообрядческая публицистика, компиляции, мартиролог.

L.V. TITOVA

ON COMPILATIONS IN OLD BELIEVER LITERATURE Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The Old Believers' writers of the first generation of the church reform opponents created significant works to defend the Russian Church traditions. They presented evidentiary extracts from authoritative manuscripts and early printed books, testifying validity of the advocated attitude to innovations. New texts of compilatory nature appeared in the late XVII – early XVIII centuries based on these authoritative writings and representing a summary of the doctrine foundations.

The content analysis of several compilations made it possible to indicate the purpose of referring to the essays written by the leaders of the Old Believer first generation. The paper shows that the compilers used the original text to borrow and briefly outline main arguments in favor of the defended viewpoint on the reformers' innovations, which violated the Russian Orthodoxy traditions. However, the focus of attention was on the fragments from the works of the leaders opposing the church reform, which characterized the time being experienced as «the Antichrist kingdom». The compilations' key topic was the statement about the «last times» and a warning to “powerful tormentors”. The compilations' authors were able to show the cruelty and inhumanity of the authorities, ecclesiastical and secular, the mass executions and persecutions of Old Believers for the «pious readers».

Based on documentary material, the article shows the attitude and assessment of Old Believer journalism by secular and church authorities. They understood the danger and agitational significance of publicistic texts in defense of the «old faith», therefore reacted sharply to them, intensifying the persecution of the Old Believer doctrine spreading. The article concludes that the compiled texts of the late XVII and early XVIII centuries had a significant impact on forming a broad religious and social movement called the Old Believers by researchers.

Key words: Russian Church, church reform, schism, works defending Old Rite, Old Believer journalism, compilations, martyrology.

ВВЕДЕНИЕ

Церковная реформа середины XVII в., которую принято называть реформой патриарха Никона, обернулась большой трагедией для населения. Вследствие этих церковных преобразований православное обще-

ство раскололось на два противостоящих лагеря: с одной стороны – те, кто поддержал церковную реформу, а с другой – борцы с нововведениями в обряд и богослужебную практику Русской церкви. Защитники старого обряда написали большое количество челобит-

Любовь Васильевна Титова – канд. филол. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: titova_istochnik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7480-3795>

Lubov V. Titova – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

ных на имя царя Алексея Михайловича с целью убедить его в незаконности действий патриарха Никона, надеясь на отмену результатов реформы.

Первым поколением противников церковной реформы были составлены сборники. В них в качестве аргументов представлены выписки из авторитетных рукописей и старопечатных книг, которые свидетельствовали о справедливости отстаиваемой точки зрения на новшества. Опираясь на эти весомые, в том числе и для оппонентов, доводы, авторы писали сочинения в защиту традиций Русской церкви. Особенно плодотворными в плане создания приверженцами «старой веры» общественно значимых полемико-догматических и публицистических сочинений следует считать 1664–1682 гг.

Лидерами староверия в это время были созданы полемико-догматические сочинения, составившие платформу старообрядческой идеологии и письменности. Важнейшим трудом данного периода справедливо считается «Ответ православных» [1, с. 170–224], написанный дьяконом Федором от имени пустозерских узников. Это был своеобразный идеологический манифест противников церковной реформы. Обще­ственно значимыми для старообрядчества стали также труды соловецкого инока Герасима Фирсова о крестном знамении [2], сочинения протопопа Аввакума и других авторов.

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ КОМПИЛЯЦИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ЭСХАТОЛОГИИ

По мере превращения внутри церковной оппозиции в широкое религиозно-общественное движение тексты, написанные первым поколением противников церковной реформы, приобретали особый авторитет. Разумеется, они распространялись путем копирования, но не менее важным в конце XVII – начале XVIII вв. стало составление новых сочинений из нескольких текстов или из их фрагментов. Это были весьма действенные агитационные материалы. Важно уточнить, с какой целью и каким образом они составлялись, и определить их значение в борьбе старообрядцев за старинные церковные традиции.

В конце XVII – начале XVIII вв. на материале сочинений, написанных первым поколением противников церковной реформы, был составлен текст без заглавия, названный нами по началу первой фразы «Се ныне прииде час искушения...» [3, с. 197]. Он посвящен теме наступления царства антихриста. Основой компиляции анонимный автор сделал «Ответ православных». Связь текста компиляции с «Ответом православных» обнаруживается уже с первой фразы. Именно так, цитатой из «Апостола», начинается и «Ответ»: «Се ныне прииде час искушения на всю вселенную, по откровению Богословлю, – искусити

живущих на земли...». Далее автор, опираясь на «Ответ православных», дает подробную характеристику «последних времен», а также приводит свидетельства и аргументы в защиту «истинной православной веры», отеческого церковного предания и книг старой печати.

Составитель компиляции отнюдь не механически, но весьма продуманно использовал исходный текст. Отдельные фрагменты «Ответа» в почти неизменном виде, хотя и несколько сокращенные, он соединил по заранее продуманному плану, последовательно раскрывая эсхатологическую тему, которая с самого начала реформирования Русской церкви стала главной для хранителей «древнего благочестия». Создавая свой текст, компилятор подготовил специальную подборку фрагментов на эсхатологическую тему, в основном из толкований дьякона Федора и протопопа Аввакума на несколько глав Апокалипсиса – 17-ю, 20-ю, 13-ю, а также из разных мест «Ответа». При этом он отказывается от подробного перечня и анализа ошибок церковной реформы в исправлении богослужебных книг и самого ритуала богослужения, а выбирает из источника в основном публицистические, оценочные фрагменты текста. Главное направление переделки «Ответа» в данном случае – это превращение его текста, представляющего собой почти юридический документ обвинения, в публицистическое сочинение, рассчитанное на широкие массы читателей.

В компиляцию вошел небольшой сокращенный фрагмент из челобитной священника Лазаря царю Алексею Михайловичу: «Что же от сего великой России сотворися? Ничтоже добро есть, но токмо кровопролитие и рати, и морове велицы, и междоусобные брани, и пожары великия, и громы страшныя и народу вселюдску – тяготы великая, а пребывающим в законех отеческих – гонение великое» [4, с. 241]. Завершает автор компиляции свой труд известными по сочинениям дьякона Федора, протопопа Аввакума и инока Авраамия выписками о сбывающихся в «нынешнее, последнее время» предсказаниях пророка Аввакума: «Оскудеша овцы от пищи и не будет волов при яслех» (речь идет об отсутствии «правых попов» и запустении храмов); кроме того, приводятся выписки из текстов Евангелия: «Нужда прииде соблазнам» (Мф 18:7) и «Невозможно не приити соблазном» (Лк 17:1), связанные напрямую с темой «искушения» и выбора правильного пути в эпоху безвремения, «последних времен». Финальная же фраза, завершающая весь текст, принадлежит протопопу Аввакуму, (она читается во всех редакциях его Жития: «Выпросил у Бога светлую Россию сатана, да же очервленит ю кровию мученическою» [5, с. 44, 144, 211]). Автор, цитируя сочинения первого поколения противников

церковной реформы, которые к этому времени приняли мученическую смерть за веру, вновь и вновь напоминал читателям о трагической ситуации современности, утверждал читателя в мысли о наступлении царства антихриста.

Ярким примером старообрядческих компиляций, созданных на основе сочинений лидеров первого поколения старообрядчества, может служить анонимная старообрядческая компиляция первой половины XVIII в. [6, с. 27–56]. Она составлена из трех сочинений. Первым помещено «Сказание об Аввакуме, Лазаре и Епифании» дьякона Федора [7, с. 45–49] (1667 г.) под заглавием «Сказание священно-дьякона Федора, страдальца и исповедника и мученика сожженного». Составитель счел необходимым указать в названии имя автора Сказания. Далее он поместил вариант «Ответа православных», сократив при этом авторский текст [8, с. 3–7], которому он дал новое название-аннотацию: «Сказание священнопротопопа Аввакума, иерея Лазаря, дьякона Феодора, инока Епифания, страдальцев сожженных. О исповедании православной веры о церковных догматах преданных от святых отец и от святых апостол. И обличение на богомерских скверных и безбожных еретиков, и отступников, и ложных учителей свидетельства о исповедании Святого Духа в Символе православных веры» [6, с. 28].

В заглавии составитель не только дал характеристику содержания «Ответа православных», но и перечислил пустоозерских узников, от имени которых дьякон Федор написал сочинение. Из «Ответа» он сохранил фрагмент о трех отступлениях от старинных традиций, а также скопировал текст, в котором говорится о роли патриарха Никона, как главного виновника в создавшейся ситуации, с обличением его. Для этого составитель поместил полностью раздел «О Богоотметнике Никоне...»¹. Такая выборка изменила тематику публицистического текста, доминирующей стала тема обличения предтечи антихристов.

Завершает компиляцию текст, составленный из фрагментов из Книги бесед протопопа Аввакума (беседы 1–4, 8) [9, стб. 245–248, 249–254, 256–257]. Автор компиляции дополнил его краткими, но емкими комментариями. Этот текст озаглавлен: «Собрание отца Аввакума протопопа от Божественных Писаний на обличение отступников, на утверждение

верным» [6, с. 49]. Центральное место в нем занимает повествование о мучениках-старообрядцах. Составитель включил в компиляцию обращение Аввакума к мирянам с призывом думать не о мирских делах, а о вечном спасении души, которая «задремала» «в пищах и питиях нерадением о правоверии», не понимая того, что пришло время испытаний – время наступления царства антихриста. Несколько сокращая и меняя последовательность текста Аввакума, компилятор сохранил основные художественные приемы автора.

Даже общий, поверхностный анализ структуры и содержания двух компиляций дает возможность получить представление о цели обращения к сочинениям, написанным первым поколением противников церковной реформы. Составители при использовании исходных текстов уже в заглавиях обязательно давали аннотацию содержания и подчеркивали, что авторы приняли мученическую смерть. По-видимому, это должно было придать особую авторитетность отобраным фрагментам и убедить читателей в справедливости представленной точки зрения. Судя по содержанию включенных в компиляцию цитат, для старообрядческих публицистов становится актуальным не столько тщательное сопоставление новых и старых обрядов и текстов, как это было в ««Ответе православных» и многочисленных челобитных лидеров старообрядчества до Собора 1666–1667 гг., сколько оценка существующей ситуации и ее объяснение.

КОМПИЛЯЦИИ КАК КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ВЕРОУЧЕНИЯ

Авторитетность текстов, написанных первым поколением противников церковной реформы, предоставляла возможность старообрядцам в более позднее время обращаться к ним с целью изложить основы вероучения. Типичным примером такого рода компиляции служит текст под названием «О исповедании правых веры на утверждение правоверным и о изменении благолепоты церковных и нарушение веры» [10, с. 178–232]. Повествование традиционно открывается авторитетной подборкой цитат из Священного Писания (Гал: 1,8; 2 Фес. 2, 3–4) и текстов отцов церкви (Иоанна Златоуста, Кирилла Иерусалимского и др.) о недопустимости отступления от веры. Далее помещен стих из Соборного послания Иоанна Богослова о приходе в мир антихриста: «Дети, последняя година есть. И яко же слышасте, яко антихрист грядет и ныне антихристи мнози быша. От сего разумеваем, яко последний час есть» (1 Ин: 2, 18). Такое вступление является тематическим ключом, раскрывающим основное содержание компиляции. Возможно, по замыслу составителя оно

¹ Полный заголовок к повествованию о Никоне и в «Ответе православных» (пространном его варианте) и в компиляции всеобъемлюще раскрывает его содержание «О богоотметнике Никоне достоверно свидетельство, иже бысть пастырь во овчей кожи, предтеча антихристов, яко Церковь Христову раздра и вселенную всю возмути, и святых оболга и возненавиде, и кровопролития много сотвори за истинную веру Христову. Богоотметничество же его сие есть, кроме превращения церковных догмат» [6, с. 46].

должно было убедить читателей в наступлении царства антихриста.

Логичным представляется, что ядром повествования является текст, напоминающий, как и в предыдущей компиляции, мартиролог, содержащий рассказ о казнях и мучениях приверженцев старой веры. Он также заимствован из Послания дьякона Федора сыну Максиму и открывается рассказом о первом страдальце за веру – епископе Павле Коломенском. После рассказа о Павле Коломенском автор компиляции поместил раздел, назвав его «О казнях и заточениях». Вслед за Федором он начал его с имен Ивана Неронова, одного из самых авторитетных деятелей раннего старообрядчества, Даниила Костромского, Логина Муромского, членов кружка «ревнителей древнего благочестия», друзей Стефана Внифантьева.

Мартиролог, текст которого заимствован из Послания дьякона Федора сыну Максиму, продолжен кратким перечнем имен мучеников за веру, напоминающим поминальную запись: «Священномученика» Гавриила огнем сожгли. Священномученика Михаила без вести сказнили. Священномученика Полиекта и с ним 14 человек сожгли. Старца Авраамия и друга его Исаию Салтыкова на Колмагорах сожгли. Ивана Уродиваго в Боровску сожгли. Евдокима и Петра без вести сказниша. Старца Варлаама, инока Пахомия, инока Филиппа, инока Епифания, инока Иоасафа в Новгороде сожгли. Тамо же боголюбивых мужей белцов Феодора, Луку, Карпа, Логина, Гавриила, Василия 2, Афанасия и многоразумнаго Александра, Димитрия, Иоанна, Лаврентия и иных многих – сожгли тамо же, казнены. Григория, Иосифа, Епимаха, Евфимия, Андрея – главы им отсекли. Иларийон, Самсон – сии много мук претерпеша и умроша...» [10, с. 212].

Этот краткий перечень имен не имеет отношения к Посланию дьякона Федора, но заимствован автором компиляции из других источников. Автор компиляции мог воспользоваться материалами пустозерского архива, сохранившего и поминальные записи узников. И.В. Сесейкина считает, что пустозерцы имели такие помянники [11, с. 319–320]. После перечня имен казненных за веру составитель текста «О исповедании...» переходит к одной из трагических для раннего старообрядчества теме – теме мученической смерти соловецких иноков. Для этого он вновь обращается к Посланию дьякона Федора, адаптируя его к своему тексту и современному читателю. Рассказы о мучениках за веру, традиционно обладали двуплановостью: на первом плане – рассказ о христианском подвиге защитника веры и его мученической смерти, на втором – описание возмездия Господа, наступающего гонителей. Именно в таком направлении движется мысль составителя компиляции

Текст компиляции «О исповедании...» выстроен как мартирии. Послание дьякона Федора составитель

использует фрагментарно, чаще в виде дословной цитации, там же, где текст незначительно отличается, невозможно установить, текст ли это самого автора компиляции или используемого им оригинала.

Компилятор мастерски соединяет фрагменты, отдельные фразы, заимствованные из Послания дьякона Федора, помянника, причем соединяет таким образом, что они срастаются, сплетаются друг с другом, становятся безупречно составленными частями нового цельного текста, посвященного теме массовых репрессий и массового мученичества русских людей – истинных христиан, отказывавшихся принять церковную реформу и нарушить традиции русского православия, а также теме обличения властей, в основном церковных, угрожающих русскому Ироду – царю-мучителю Алексею Михайловичу.

Его цель – показать «благочестивым читателям» жестокость и бесчеловечность властей, церковных и светских, массовость казней и гонений на старообрядцев, вызвать ответную эмоциональную и нравственную оценку происходящего, напомнить всем, что власть сил зла не беспредельна, предел положен Господом, а все безвинно наказанные будут отомщены. Главная тема компиляции – утверждение о наступлении «последних времен» и предостережение властным мучителям. Грозно, как итог всем размышлениям, звучит последний фрагмент этой части, созданный, по-видимому, самим компилятором, который постоянно напоминает, что все, кто помрачился «преlestью отступления», погибают: «Зри и внимай, и блюди! Ведомо всем есть, яко смерть грешником люта!» [10, с. 221].

Очень близким по тематике и по содержанию к компилятивному сочинению «О исповедании веры...» является Послание «о лжеучителях» Матвея Андреева – одного из начитанных книжников и старообрядческих полемистов на Керженце (подробнее о М. Андрееве и о тексте его Послания см. [12, с. 9–11, 176–190]). Лейтмотивом через все сочинение проходит тема обличения «лжеучителей», автор постоянно обращается к читателям: с призывом остерегаться лжеучителей «Блюдитесь, да никто же вас прельстит...» [12, с. 190]. Наряду с главной темой Послание развивает тему массового мученичества истинных христиан, происходящего в России, проявляя больший интерес не к обрядовой стороне дела, но к нравственной, эмоциональной оценке политики церковных и светских властей. На протяжении всего текста звучит эмоциональный призыв не поддаваться «лжеучителям» никонианам, мучителям христианских душ, рисуются страшные картины мученичества защитников старой веры. В данном случае М. Андреев использует фрагменты из мартирологии «Исповедания веры...», частично дословно передавая текст источника, но порой и дополняя тексты о первых стра-

дальцах за веру – Павле Коломенском, Иване Неронове, Логине Муромском и др. Как и в предыдущей компиляции, здесь мартиролог сопровождается рассказами о лютой смерти мучителей. Автор заверяет своих читателей в том, что зло не может оставаться безнаказанным, каждый получит возмездие за свои деяния, в ряду мучителей оказываются патриарх Никон, Павел Крутицкий, Иларион Рязанский и др. (подробнее о Послании и его текстуальном родстве с «Исповедании веры...» см. [13, 21–25]). Мастерски составленный М. Андреевым текст Послания и виртуозное использование им основного источника – «Исповедании веры...» – наводит на мысль об авторстве М. Андреева обоих этих текстов, хотя проблема эта требует, несомненно, и большего количества достоверных аргументов, и специальных будущих разысканий.

ОТНОШЕНИЕ ВЛАСТИ К КОМПИАЦИЯМ

Публицистические, полемические тексты в защиту «старой веры» писались в основном книжными людьми из духовенства, но создавались такие тексты и в народной, некнижной среде, и те и другие интенсивно использовали в XVII в., но в большей степени в XVIII в., форму компиляции. Компиляции – тексты, созданные на основе сочинений авторитетных старообрядческих писателей, легко усваивались читателями, а потому очень быстро распространялись.

Так, например, известие об активной народной инициативе сибиряков в деле создания полемических сочинений в защиту старой веры, против «указов великих государей» в сибирских документах 1690 г., хранящихся в РГАДА (ф. 1111, оп. 1, д. 19, л. 31), гласит, что «... в Тобольском уезде и иных сибирских городов Тобольского розряду – в слободах и в деревнях – многие крестьяне воруя, чинят в тех слободах и в деревнях сходы без указа великих государей, своим самовольством, и составляют неведомо какие писма, и с теми составными писмами бегают... И от того во многих слободах и в деревнях те воры и составщики в крестьянех чинят смуту болшую и раскол»².

Это сообщение дополняет общую картину народного сопротивления политике государственных репрессий, особенно усилившегося после жестоких решений церковного собора 1667 г. и смерти царя Алексея Михайловича (1676 г.). Кроме того, оно является важным свидетельством, вышедшим из официальных кругов, размаха движения, охватившего не только посадское население, но и самые глубинные, крестьянские массы России. Очень важное значение это изве-

стие имеет для характеристики публицистической литературы раннего старообрядчества: оно фиксирует сам процесс создания полемических и агитационных текстов в народной некнижной среде.

Царь Федор Алексеевич в 1681 г. о подобной агитационной литературе говорил, обращаясь к церковному собору: «На Москве всяких чинов люди пишут в тетрадах, и на листах, и в столбцах выписки, имянуя из книг Божественного писания, и продают у Спасских ворот и в иных местех. И в тех письмах на преданья святых церкви книги является многая ложь; а простолудины, не ведая истинного Писания, приемлют себе за истину и в том согрешают, паче же вырастает из того на святую церковь противление» [15, с. 117].

Царь очень точно обозначил жанровый характер агитационных текстов, назвав их – «выписки», указал на их обычное именование в рукописях – «из книг Божественного писания», а также отметил их основную смысловую доминанту – «вырастает из того на святую церковь противление». Надо сказать, что сокрушались по поводу «составных писем» и церковные власти. В качестве примера следует обратить внимание на «Увет духовный»³, в котором нарисована картина проповедей старообрядцев среди взбудораженного московского люда во времена Хованщины, весной и в начале лета 1682 г. Некоторые выразительные фрагменты из «Увета» довольно полно и точно передают общий смысл агитационных призывов старообрядческих проповедников: «...не-наказании и неприлагаюции сердца своего святых Церкви злии расколницы возбеснеча: паки ис кустов и от ветров, ихже собра сатана на непорочную Церковь, в Царствующем зде граде восташа, паки невежди восхрпеша злодышущими усты вредотворныя хулы и поношения, паки благочестивых наших царей и нас, архиереев, и весь монашеский священный чин ... И грех ради наших такову дерзость оныя псы беснии на ся взяша, яко не токмо по дворах тайно, но уже с буетию проклятой по улицах, по торжищах, по корчмах пьянствующе, по погребам людей Божиих ядометными своими словесы прелщаху, вещающе ... И носяще с собою богомерзския писанныя тетратки своих мрачных прелестей, сими совратившеся от богопреданья святых веры, и прелщают таких же невегласов; в них же писано, якобы уже последняя кончина мира...» [16, л. 53 об.–55].

Все эти характеристики «составных писем», «писанных тетраток» – и неизвестного сибирского чиновника, и царя Федора Алексеевича, и церков-

² Это сообщение обнаружено и введено в научный оборот А.Т. Шашковым (см.: [14, с. 46]).

³ Автором «Увета», изданным уже осенью 1682 г., являлся Афанасий Холмогорский – «правая рука» патриарха Иоакима

ного иерарха (патриарха Иоакими) относятся к массовой агитационной литературе компиляций, достаточно простой по форме. Однако этот же способ создания новых текстов использовали и ученые старообрядческие книжники, соединяя воедино авторитетные тексты, делая выписки, прежде всего, из литературного наследия «отцов-основателей» старообрядческого движения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует подчеркнуть одну из существенных особенностей всех компиляций: какая бы тема ни доминировала в них, непременно передаются основные пункты нововведений реформаторов, нарушающих традиции русского православия. Необходимо отметить еще одну важную особенность: как правило, рукописи с текстами компиляций сохранили определенный формат (8^о 16^о), т.е. размер рукописи, удобный для постоянного хранения при себе; это то, о чем писали чиновники: «...и составляют неведомо какие писма, и с теми составными писмами бегают...».

Как видно из вышесказанного, уже на данном уровне анализа компилятивных сочинений ясно, насколько нуждаются в тщательном изучении эти произведения анонимной старообрядческой письменности конца XVII – первой четверти XVIII вв. Мы остановились только на текстах, широко и плодотворно использующих фундаментальные сочинения лидеров первого поколения староверов. Особое внимание необходимо обратить еще и на тот факт, что они по большей части являются памятниками периода «рассеяния» старообрядчества, наступившего после разгрома старообрядческого движения в 1682 г., уничтожения основных книжных центров (в Москве, на Соловках, в Пустозерске) и продолжавшегося до начала развития кодифицированной литературы Выга в 20-е гг. XVIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демкова Н.С., Титова Л.В. «Ответ православных» в составе рукописных сборников. Проблемы изучения старообрядческих сборников XVII в. // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 170–224.
2. Никольский Н.К. Сочинения соловецкого инокера Герасима Фирсова по неизданным текстам (К истории северно-русской литературы XVII в. СПб.: ОЛДП, 1916. (Памятники древней письменности и искусства; вып. 188. 233 с.).
3. Демкова Н.С., Титова Л.В. Из истории старообрядческой публицистики начала XVIII в. // Археографические исследования отечественной истории: текст источника в литературных и общественных связях / отв. ред. А.Х. Элерт. Новосибирск. Изд-во СО РАН. 2009, С. 197–208;
4. Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. М.: Братство св. Петра, митрополита, 1878. Т. 4. 315 с.

5. Житие протопопа Аввакума. СПб., 2019. 456 с. (Серия «Литературные памятники»)
6. Демкова Н.С., Титова Л.В. Старообрядческая компиляция текстов из сочинений пустозерских узников – дьякона Федора и протопопа Аввакума первой половины XVIII в. // Духовная литература староверов России XVII – XX вв. Новосибирск, 2012. Т. 3. С. 27–62.
7. Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина М.: Братство св. Петра, митрополита, 1881. Т. 6. 335 с.
8. Титова Л.В. К вопросу о происхождении Сокращенной редакции «Ответа православных дьякона Федора Иванова» // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 3–7.
9. Памятники истории старообрядчества XVII в. // РИБ. Л., 1927. Т.39, кн. 1, вып. 1. 960 стб.
10. Демкова Н.С., Титова Л.В. Сочинения Аввакума и полемистов его круга в компиляции конца XVII – начала XVIII вв. // Общественное сознание и литература России: источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 178–232.
11. Сесекина И.В. Переделка сочинений Аввакума об антихристе в сибирских рукописях // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 319–325.
12. Дожужинин В.Г. «Священноиерей» Матвей Андреев, его беседы с беспоповцами и послания к ним. СПб., 1908. С. 176–190.
13. Титова Л.В. Старообрядческие компиляции XVIII в. и проблема авторства // Гуманитарные науки в Сибири, 2010. № 4, С. 21–25.
14. Шашков А.Т. Авраамий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век, часть 1. (А–З) Л., 1992. С. 44–47.
15. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842. Т. V.: 1676–1700. 567 с.
16. Увет духовный. М., 1682.

REFERENCES

1. Demkova N.S., Titova L.V. «Answer of the Orthodox» in handwritten collections. Problems of Studying Old Believers' Collections of the 17th century. *Obshchestvennoe soznanie i literatura XVI–XX vv.* Novosibirsk, 2001, pp. 170–224. (In Russ.)
2. Nikolsky N.K. Works of the Solovetsky monk Gerasim Firsov from unpublished texts (To the history of North Russian literature of the 17th century) Saint Petersburg, OLPD, 1916, 233 p. (Pamyatniki drevney pis'mennosti i iskusstva; vol. 188). (In Russ.)
3. Demkova N.S., Titova L.V. The history of Old Believer journalism in the early XVIII century. *Arkheograficheskie issledovaniya otechestvennoy istorii: tekst istochnika v literaturnykh i obshchestvennykh svyazyakh.* Novosibirsk, 2009, pp. 197–208. (In Russ.)
4. Subbotin N. (ed.) Materials for the schism history during the first period of its existence. Moscow, Brotherhood of St. Peter, Metropolitan, 1878, vol. 4, 315 p. (In Russ.)
5. Bobrov A.G. (ed.) The Life of Protopope Avvakum. Saint Petersburg, Nauka, 2019, 456 p. Series: Literature monuments. (In Russ.)
6. Demkova N.S., Titova L.V. Old Believer compilation of texts from the works of Pustozersk prisoners – Deacon Fyodor and Archpriest Avvakum in the early XVIII century. *Dukhovnaya literatura staroverov Rossii XVII–XX vv.* Novosibirsk, 2012, vol. 3, pp. 27–62. (In Russ.)
7. Subbotin N. (ed.) Materials for the schism history during the first period of its existence. Moscow, Brotherhood of St. Peter, Metropolitan, 1881, vol. 6, 335 p. (In Russ.)
8. Titova L.V. On the question of the Abridged edition origin of “Answer of Fyodor Ivanov, an Orthodox Deacon. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 2011, no. 4, pp. 3–7. (In Russ.)
9. Druzhinin V.G. (ed.) Monuments of the Old Believers' history of the XVII century. Leningrad, Akad. Nauk SSSR, 1927, vol. 39, bk. 1, iss. 1, 960 cols. (In Russ.)

10. Demkova N. S., Titova L. V. Works of Avvakum and the polemicists of his circle in the compilation of the late XVII – early XVIII centuries. *Obshchestvennoye soznaniye i literatura Rossii: istochniki i issledovaniya*. Novosibirsk, 2008, pp. 178–232. (In Russ.)
11. Seseikina I. V. Alteration of the writings by Avvakum about the Antichrist in Siberian manuscripts. *Khristianstvo i tserkov' v Rossii feodal'nogo perioda (materialy)*. Novosibirsk, 1989, pp. 319–320. (In Russ.)
12. Druzhinin V. G. «Priest» Matvey Andreev, his conversations with bespopovtsy and messages to them. Saint Petersburg, 1908, 192 p. (In Russ.)
13. Titova L. V. Old Believer compilations of the XVIII century and the authorship problem. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 2010, no. 4, pp. 21–25. (In Russ.)
14. Shashkov A. T. Abraham. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. XVII vek*. Leningrad, 1992, pt. 1, pp. 44–47. (In Russ.)
15. Historical acts collected and published by the Archeographic Commission. Vol. 5: 1676–1700. Saint Petersburg, 1842, 567 p. (In Russ.)
16. Spiritual goodness. Moscow, 1682, 274 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.05.2021

Дата рецензирования 10.05.2021

Статья принята к публикации 03.06.2021

DOI: 10.15372/HSS20210306

УДК 09:271.22-9(571.1/.5)

В.А. ЕСИПОВА

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА В СОСТАВЕ СОБРАНИЯ ТОМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Научная библиотека Томского государственного университета,
РФ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 34а

В статье рассмотрена одна из старообрядческих библиотек, поступивших в Научную библиотеку Томского государственного университета в составе собрания книг Томской духовной семинарии. Библиотека была выделена на основании того, что при конфискации книг их подписал один и тот же человек – священник Иоанн Минералов. Установлено имя писца и возможного владельца рукописей – Игнатий Андреев Можжерин. Публикуется текст хозяйственного документа, вшитого в одну из рукописей, который дает представление о повседневной жизни владельца. Приводится общая характеристика рукописей, их кодикологических и палеографических особенностей. Установлены источники, которыми пользовался писец при составлении текстов. Выдвигаются предположения о целях сохранения рукописей в составе библиотеки: либо для полемики, либо в качестве основы для составления более обширного текста. Сделано предположение о принадлежности писца к согласию старообрядцев-странников.

Ключевые слова: старообрядчество, Сибирь, рукописи, археография, Томская духовная семинария, Игнатий Андреев Можжерин.

V.A. ESIPOVA

OLD BELIEVER LIBRARY IN THE COLLECTION OF TOMSK THEOLOGICAL SEMINARY

Tomsk State University Research Library,
34a Lenina str., Tomsk, 634050, Russian Federation

The collection of the Tomsk Theological Seminary (TTS) entered the Tomsk State University Research Library (TSU RL) in the 1920s. Its collection has a “schismatic” library including books seized from Old Believers. There were a number of book collections among them. The article objective is to consider such collection which consists of 10 manuscripts.

When the manuscripts were seized, they were signed by the priest Ioann Mineralov. Based on his signature and the same handwriting, the studied collection was identified as a whole. The research uses a method of viewing the manuscript catalogue and selected copies. Then the selected copies were analyzed using traditional methods of paleography and codicology. A list of manuscripts is given in an appendix. Results. All identified manuscripts are small notebooks in 8°, from 33 to 160 sheets. The text contains a lot of corrections and additions. In terms of content, the manuscripts are collections of numerous short extracts from authoritative texts and lists of bibliographic references. A number of sources are precisely indicated by the scribe: pre-Nicon editions of Moscow Printing House. The topics of the extracts are traditional for the Old Believers’ circle of interests: these are questions of baptism, living in the desert and escape from the world, etc. The scribe’s personality was identified thanks to a document sewn into a manuscript: debt notes made by the manuscript scribe, Ignaty Andreev Mozzherin. The document’s text is published in the article. There are other records that made possible to establish the territory where the scribe lived: it is an area of modern Ordynskoe village (Novosibirsk Region). The author makes assumptions about the purpose of composing the manuscripts: either preparation for polemics, or compilation of another more extensive text; suggests that the scribe belonged to the group of the Old Believers-pilgrims. The collection of manuscripts under study will expand our understanding of the Old Believers’ region, their reading circle, as well as everyday habits and lifestyle.

Key words: Old Believers, Siberia, manuscripts, archeography, Tomsk Theological Seminary, Ignaty Andreev Mozzherin.

Валерия Анатольевна Есипова – д-р ист. наук, заведующая сектором, Научная библиотека Томского государственного университета (НБ ТГУ), e-mail: esipova_val@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9642-8578>

Valeriya A. Esipova – Doctor of Historical Science, Head of Sector, Tomsk State University Research Library.

ВВЕДЕНИЕ

Собрание Томской духовной семинарии поступило в фонд Научной библиотеки Томского государственного университета (НБ ТГУ) в 1920-х гг.; в составе его находилась и так называемая «раскольничья» библиотека, включавшая книги, изъятые у старообрядцев [1]. Эти книги, конфискованные в результате судебного-следственных действий, первоначально откладывались в консистории, так как не предусматривалось их возвращение владельцам в силу несоответствия догматам православной церкви. Однако консистория не обладала возможностями для хранения этих книг, и было принято решение о передаче их в библиотеку семинарии. Помимо единичных книг в «раскольничьей» библиотеке отложились также целые книжные собрания. На текущий момент можно с уверенностью говорить о нескольких таких собраниях, изъятых в разное время у старообрядцев, проживавших на территории Томской губернии в XIX в.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОЛЛЕКЦИИ

Одно из наиболее крупных собраний состоит из десяти рукописей, изъятых 20 января 1859 г. у крестьян, проживавших в районе современного с. Ордынского (Новосибирская обл., тогда – Барнаульский уезд). К сожалению, невозможно пока сказать, у кого именно были изъяты книги. Их объединяет, помимо одного почерка и весьма сходного в целом внешнего облика, тот факт, что при изъятии все книги были подписаны одним и тем же человеком – священником Иоанном Минераловым. Собственно, его подпись и стала поводом к тому, чтобы рассмотреть эти рукописи в совокупности (рис. 1).

Подпись Минералова удалось правильно прочесть не сразу в силу особенностей почерка и малого объема записи. Первоначально она была прочитана как «Мишин» [2, с. 246, 314], позже исправлена на «Миндалев» [3, с. 294, 479, 482, 515, 522, 549, 574, 590]. И лишь совсем недавно удалось установить правильное прочтение фамилии. Об этом человеке сохранилось не так много информации. Имеются упоминания о том, что в 1857 г. он являлся священником Никольской церкви с. Ордынского Барнаульского уезда Томской губернии¹. Известен ряд его однофамильцев (возможно, родственников), также служивших по духовному ведомству в Томской епархии, но в

более поздний период: это Алексей Иванович Минералов (1859–1887), являвшийся благочинным в 1885–1886 гг., а также Владимир Тихонович и Константин Тихонович Минераловы, служившие в то же время псаломщиками [4, с. 4, 27, 77]. Известен также Виссарион Тихонович Минералов – священник Богородице-Одигитриевской церкви г. Кузнецка в 1900 г. [5, с. 234]. Таким образом, фамилия Минералов была распространена среди лиц духовного звания Томской епархии во второй половине XIX в.

Как уже говорилось, за подписью священника Минералова в настоящее время обнаружено десять рукописей (см. приложение). Вероятно, изначально их было больше: помета и подпись Минералова сопровождается на каждой книге порядковым номером, максимальный из которых – номер 13. Рукописи очень похожи друг на друга даже визуально. Это небольшие по объему тетради форматом в 8°, в переплетах либо из плотного серого картона, либо из самодельного картона, склеенного из использованных ранее рукописных листов. Рукописи объемом от 33 до 160 листов. Украшений в рукописях практически нет, лишь иногда встречаются заголовки и инициалы, на-

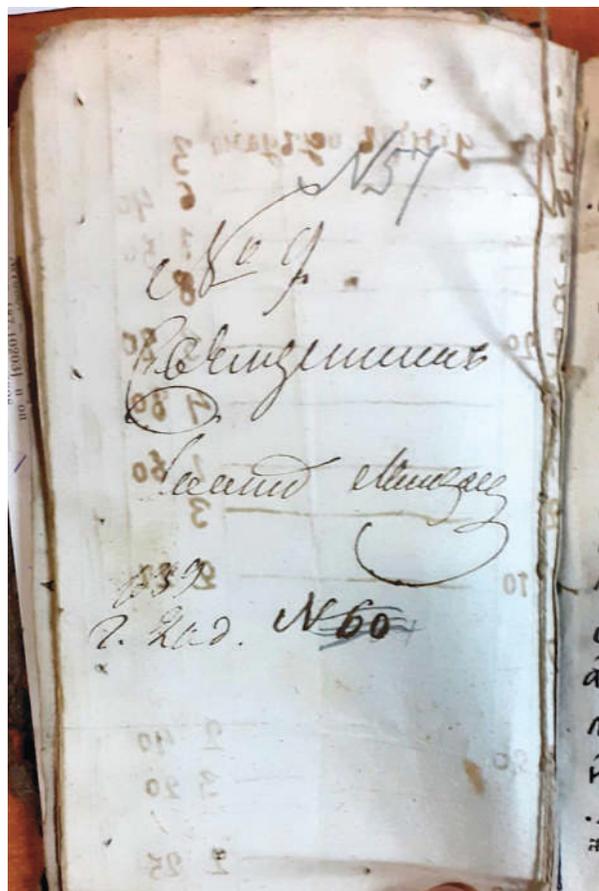

Рис. 1.

¹ О храме. История Никольского храма // Храм во имя святого Николая Чудотворца р.п. Ордынское [электронный ресурс]. URL: <http://ordhram.cerkov.ru/main-page/> (дата обращения: 20.01.2021).

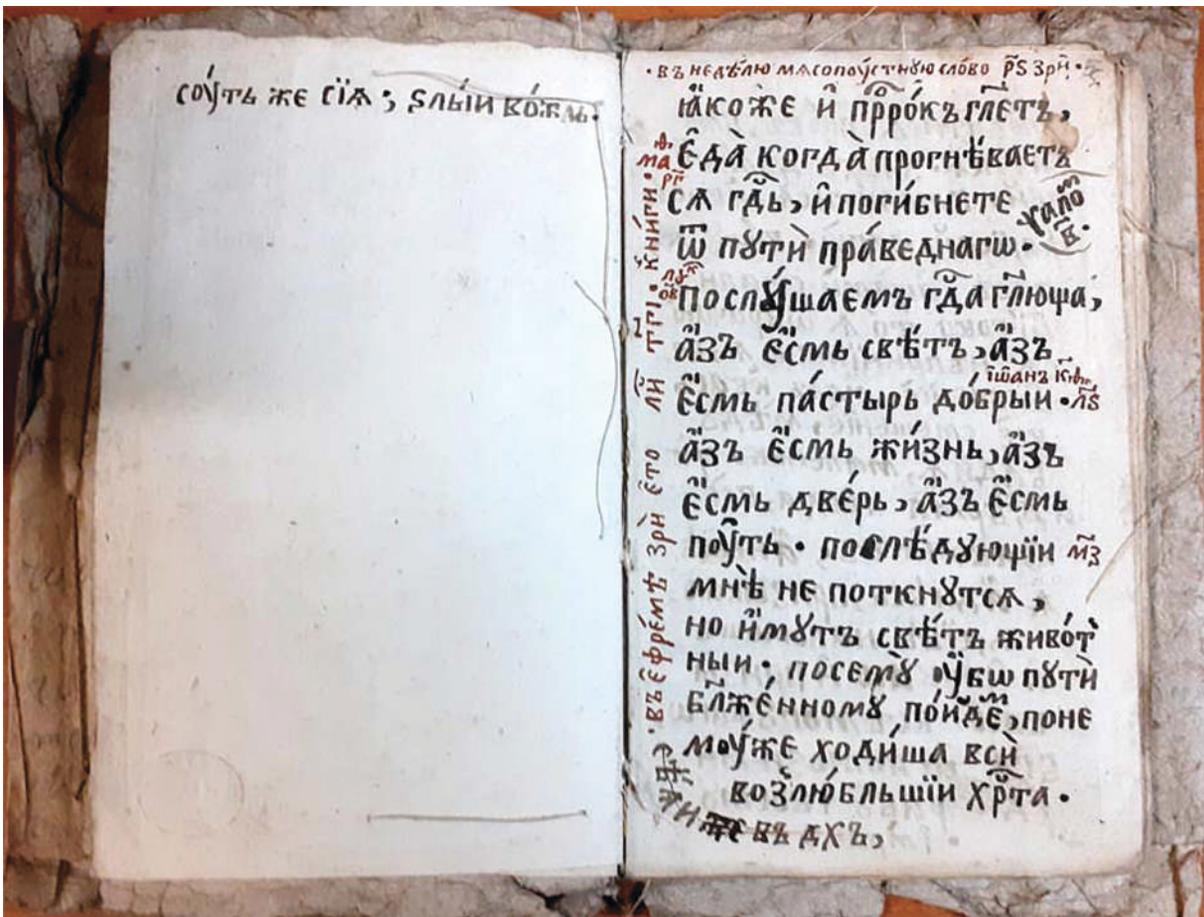

Рис. 2.

писанные красными чернилами. Состояние рукописей оставляет желать лучшего: почти все они загрязнены, имеют затеки и механические повреждения, особенно по краям листов.

Отдельно следует сказать о почерке всех рукописей. Это довольно крупный небрежный полуустав; очевидно, что писец не выполнял разлиновку листов, поскольку строки неровные. Встречаются исправления в тексте, выполненные рукой писца, а часть строк продолжается на полях, причем иногда огибает текст с двух сторон, изгибаясь по мере продолжения² (рис. 2). Самая ранняя из рукописей³ – Часовник, он датирован 10–20-ми гг. XIX в. по данным бумаги: действительно, она выполнена на голубой бумаге с филигранью «СФ / АП 1818» [6, № 581]. Однако в составе этой же рукописи встречаются и многочисленные листы с неразборчивыми штемпеля-

ми⁴. Следующая за ней в хронологическом порядке рукопись – это старообрядческий сборник смешанного содержания⁵. Он по данным бумаги датирован 30-ми гг. XIX в.: на листах просматривается филигрань «М Фф / Гг М Герб Вятской губернии» [6, № 384]. На том же листе имеется овальный штемпель «Вятской / М / фабрики». Остальные рукописи написаны на бумаге, маркированной штемпелями, причем отметим, что часть из них – на бумаге Косинской фабрики Рязанцевых. Известно, что бумага, одновременно несущая на себе и филигрань, и штемпель, характерна для отечественной бумаги середины XIX в.; это подтверждается и писцовой записью в одной из рукописей: «От Адама лет 7355 лет от Рождества Христова 1855 лет»⁶. При этом, вероятно, датировку некоторых отобранных рукописей, выполненную только на основании данных бумаги, теперь придется пересмотреть.

² Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ). В-5353. Л. 5 и др.

³ Там же. В-5594.

⁴ Там же. Л. 1-31, 61-64.

⁵ Там же. В-5353.

⁶ Там же. В-5473. Л. 10 об.

На начальных листах рукописей имеется множество записей, выполненных как при изъятии уже упомянутым священником Минераловым, так и в конси-стории: это многочисленные номера, проставленные или чернилами, или простым карандашом.

Крайне интересен кодикологический характер рукописей. Три из десяти рукописей имеют двойную нумерацию листов: одна выполнена писцовым почерком, другая (выполненная канцелярской скорописью) – проставлена священником Минераловым уже после изъятия книг. Начало или конец писцовой нумерации далеко не всегда совпадают с началом или концом тетради: так, в сборнике В-5494 подшиты подряд листы с номерами, проставленными писцовым почерком (л. 68–73, 1я тетр.), далее нумерация скорописью, рука Минералова (л. 74–148, до конца); в тетради 5 с середины нумерация писца (л. 23–34). В сборнике В-5642 листы без номеров следуют в начале рукописи (л. 1–34), далее идет нумерация писцовым почерком: 59–67, 802–809, 90. Отметим также, что часть листов подшита в ряде рукописей не в составе тетрадей, а явно позже, стежками через край к первому листу тетради, например. Типичным для ряда рукописей рассматриваемого собрания является также наличие сшитых попарно листов, внутри которых просматривается текст. При этом такие двойные листы не входят в писцовую нумерацию (если она имеется), т.е. два сшитых листа нумеруется как один.

Особого внимания заслуживает содержание рукописей. Все они построены по одному принципу, за исключением Часовника, имеющего относительно традиционный состав. Они состоят из многочисленных кратких выписок, редко превышающих по объему 1-2 страницы, а также библиографических помет, содержащих ссылку на то или иное место Священного Писания или авторитетного текста. Зачастую писец указывает источник, которым он пользовался, что позволяет хотя бы частично реконструировать круг его чтения.

Среди указанных писцом источников представлены Евангелие (М.: Печатный двор, 1648), Катехизис (М.: Печатный двор, 1627), Уложение (М.: Печатный двор, 1649), Маргарит (М.: Печатный двор, 1641), Кириллова книга (М.: Печатный двор, 1644), Сборник из 71 слова (М.: Печатный двор, 1647), Ефрем Сирий. Поучения (М.: Печатный двор, 1647). Видно, что имеются только московские дониконовские издания. Среди тех текстов, выходные данные которых писец не указал, очень много ссылок на Ветхий и Новый завет (а именно: Евангелия, часто с толкованиями, послания апостольские, Апокалипсис, а также книги пророков). Кроме того, писец использовал книги Зиновия мниха и священноинока Дорофея,

Кирилла Иерусалимского, Альфу и омегу и другие издания. Не обязательно все эти книги принадлежали писцу, однако он должен был иметь к ним доступ, чтобы выполнить выписки. Таким образом, состав привлеченных текстов в целом традиционен для старообрядческой книжности.

Небольшой размер рукописей, а также имеющиеся на полях многочисленные клееные закладки, сам характер текстов, в виде кратких выписок, многочисленные правки в тексте позволяют предполагать, что основной целью создания рассматриваемых рукописей было использование их в целях подготовки к полемике. Структура выписок также указывает на этот факт. Действительно, писец часто приводит лишь начало цитаты, а затем переключается на следующую, например: «Апостола Павла к колосаеи. Зачало 255, глава 2, лист 1055». Нач.: «Апостол. И вас мертвых суца в прегрешениих. На 4-й строке. Пригвоздив ест на кресте...»⁷. Некоторые выписки снабжены указанием основной темы на полях, например: «Книги Соборника, слово 50, лист 120. Печатана в лето 7155. И о антихристеи ниже, лист 131». На полях: «Печать антихристеи». Нач.: «Да никто же честный и животворящий крест сотворит десною своєю рукою на челе...»⁸.

При этом каждая из рукописей имеет некоторую преобладающую тематику, хотя не все тексты в ее составе подчинены основной теме. Так, в сборнике В-5365 на верхнем поле первого листа сделан заголовок красными чернилами: «Инокобеседословие». По содержанию этот сборник посвящен преимущественно вопросам крещения, в том числе – крещения младенцев. В сборнике В-5473 поднимаются вопросы жития инока в пустыне, много места уделяется перстосложению. В сборнике В-5310 также освещаются вопросы бегства от мира, приводится ряд текстов о кресте.

Писец рукописей. В рукописях имеется ряд записей, позволяющих идентифицировать личность писца. О них следует сказать подробнее. Особое внимание привлекают записи на л. 6 об. – 7, 71 – 72 об. рукописи В-5642. Листы 71–72 об. фактически представляют собой отдельную тетрадь с неразрезанными краями, т.е. это лист формата 4⁰, сложенный вчетверо и подшитый в конце рукописи. При содействии реставраторов НБ ТГУ тетрадь удалось расшить и оцифровать⁹ (рис. 3 и 4). Полный текст документа приводим ниже:

⁷ ОРКП НБ ТГУ. В-5642. Л. 2–5 об.

⁸ Там же. Л. 12 об.–14 об.

⁹ Приношу благодарность реставратору НБ ТГУ М.В. Савченковой за быстрое и качественное выполнение работы.

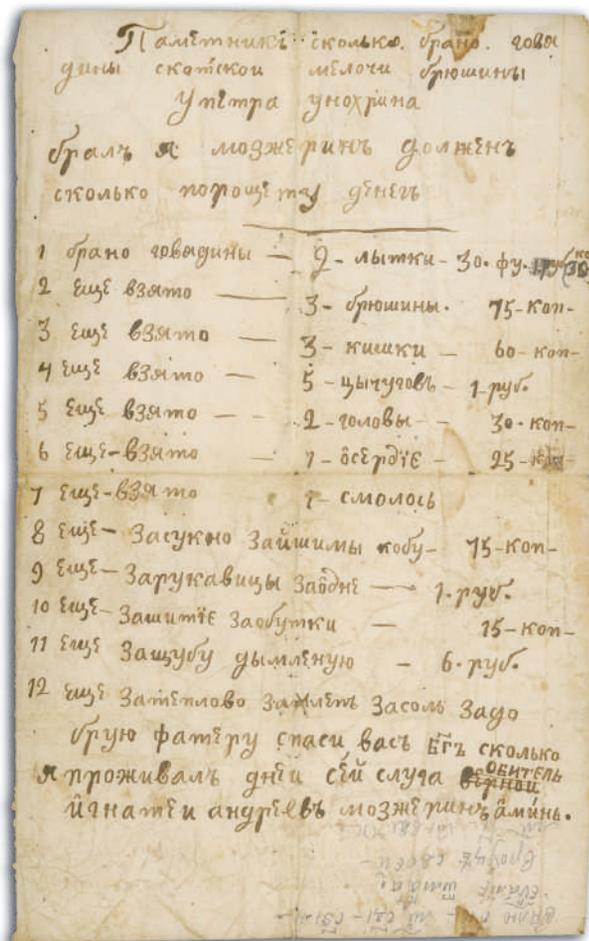

Рис. 3.

«Паметник сколько брано говя/[дини скотской мелочи брюшины /] у Петра у Нохрина / [брал я Мозжерин, должен] / сколько по рощету денег

Брано говядины 2 лытки 30 фу. 1 руб. (зачеркнуто) 30 коп.

Еще взято 3 брюшины 75 коп.

Еще взято 3 кишки 60 коп.

Еще взято 5 цычугов 1 руб.

Еще взято 2 головы 30 коп.

Еще взято 1 осердие 25 коп.

Еще взято 1 смолось

Еще за сукно за йшимы кобу 75 коп.

Еще за рукавицы за одне 1 руб.

Еще за шитие за обутки 15 коп.

Еще за шубу дымленую 6 руб.

Еще за теплово за хлѣп, за соль, за добрую фатѣру, спаси вас Бог, сколько я проживал дней сей слуга верной (зачеркнуто) обитель. Игнатей Андреев Мозжерин. Аминь».

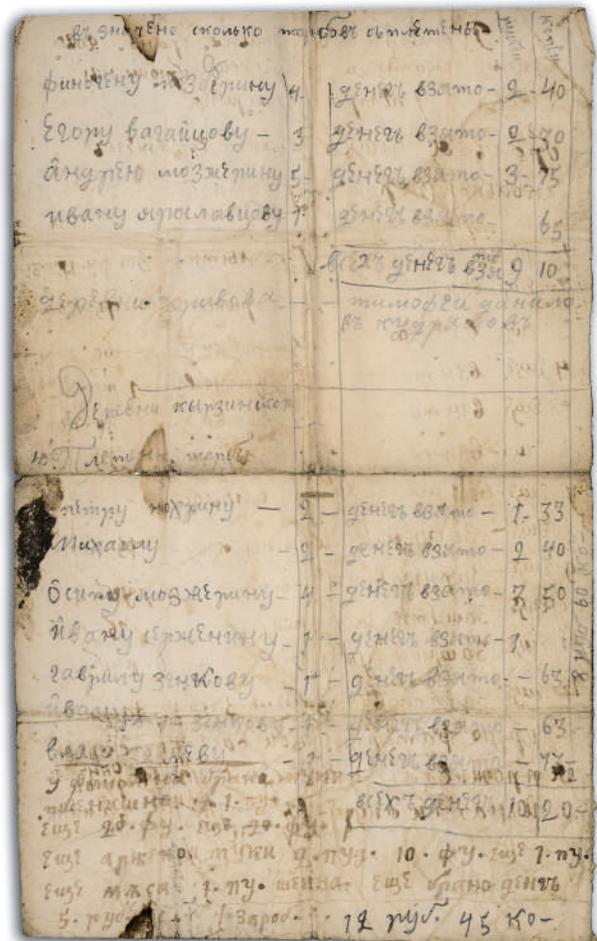

Рис. 4.

На обороте:

«Възначено сколько коробов съплетено

		рублей	копеек
Финогену Мозжерину	4 Денегъ взято	2	40
Егору Вагайцову	3 Денегъ взято	2	30
Андрею Мозжерину	5 Денегъ взято	3	75
Ивану Ярославову	1 Денегъ взято		65
		Всех денегъ взято	9 10
Деревни Кривова			
		Тимофей Данилов	
		Кудрявцов	
Деревни Кырзинской			
Плетены торбы			
Петру Нохрину	2 Денегъ взято	1	33
Михаилу	2 Денегъ взято	2	40
Осипу Мозжерину	4 Денегъ взято	3	50
Ивану Серженину	1 Денегъ взято	1	
Гаврилу Зенкову	1 Денегъ взято		63
Ивану ... Зенкову	1 Денегъ взято		63
Власу Звереву	1 Денегъ взято		73
		Всех денег	10 20

У Фот. на брано муки пшеничной 1 пуд
 Еще 20 фу. Еще 20 фун.
 Еще аржаной муки 2 пуд, 10 фу. Еще 1 пуд.
 Еще мяса 1 пуд шеина. Еще брано денег
 5 руб. за роб. 12 руб. 45 коп».

Текст написан чернилами, небрежной скорописью XIX в., исправленное слово «обитель» в конце лицевой стороны листа надписано над строкой полууставом – и это почерк основной рукописи, совпадающий с почерком других исследуемых рукописей. Таким образом, становится известно имя писца – это Игнатий Андреев Мозжерин.

Тем же скорописным почерком в рукопись внесены и другие записи хозяйственного характера, на л. 6 об.–7:

Симо коноплено куплено				
Финоген Мозжерин	20	Денег одъдано	3	
Иван Иванов Ярославцов	-	-	6	40
Осип Ярославцов	-	-	1	50
Егор Рогалев	-	-	8	
Захар Гилев	20	-	3	80
Фихтор Гилев		-	4	80
Кондратей Ярославцов		-	1	80
Григорей Алексеев		-	3	
Авдотия Нико. Алексеева	10	-	2	27
Игнатей Мозжерин Старошарапской				
Петр Митрофанов	20	-	2	40
Семион Митрофанов		-	3	20
Жарков Омелян				
Новова Шарапу	20		2	25

Перечисленные в тексте населенные пункты (Старый Шарап, Новый Шарап, деревни Кривова и Кирзинская) находились в окрестностях с. Ордынского. Заметим, что выявленные исследователями фамилии старожильческого населения соответствующих населенных пунктов содержат и фамилии, указанные в документе [7, с. 149–150]. Это подтверждает бытование рассматриваемого собрания в районе современного с. Ордынского.

Кроме того, анализ представленных хозяйственных записей приводит к следующим выводам. Писец и владелец рукописей Игнатий Андреев Мозжерин не имел места постоянного жительства, как минимум, в деревне Кырзинской, где он снимал «добрую фатеру» у Петра Нохрина. У него же он приобретал и продукты питания, и одежду. Кроме того, видно, каким ремеслом занимались обозначенные в тексте крестьяне ряда деревень – плетением коробов и торб. Можно предположить, что Игнатий Мозжерин торговал произведенной продукцией, для чего и составлял приведенные выше списки.

Отметим, что запись на л. 6 об. выполнена на обороте того листа, на лицевой стороне которого читаются выписки из послания апостола Павла к колосянам, переписанные полууставом. Здесь мы видим четкое разграничение профанной и сакральной сфер посредством использования разных типов почерка: священные тексты переписаны полууставом, фиксирование прихода-расхода – скорописью. Вместе с тем можно сделать вывод и о том, что значимость и сакральных текстов, и экономических записей была одинаковой для писца; более того, он делал наиболее важные экономические заметки в рукописях со священными текстами, которые считал важными и подлежащими особому хранению.

В сборниках имеется и несколько записей, позволяющих судить о работе писца. Так, на л. 80 об. В-5314 почерком основной рукописи читается: «Еще 4-ре строки дописать». На л. 1 рукописи В-5606 писец сетует: «Худые чернила». В составе В-5606 на л. 94 имеется обращение к читателю: «Друже, читателю благоразумный, братии нашей, будещи держати руками сию тетрадь – побереги, сшаркиваются и мараются с небрежением от рук потных писанный чернила. Они писаны с трудом з Божию помощию». Заметим, что этот текст расположен не в начале или в конце, а практически в середине рукописи, что вызывает вопросы о целевых установках писца, расположившего этот текст не вполне традиционно. Имеются и записи, позволяющие уточнить подробности бытования рукописей, возможно, здесь мы видим имена потенциальных оппонентов в полемике, либо, напротив, единомышленников. Так, на л. 124 В-5365 скорописью написано: «Барнаула чупин мастеровой служитель». В-5606, на л. 9 также скорописью: «Осип Иванович Иконьников». Отметим и тот факт, что в рукописях довольно много чистых листов, причем иногда текст прерывается буквально на середине фразы, задолго до конца листа – как будто писца отвлекли по важному делу, но позже он собирался вернуться к переписке.

ВЫВОДЫ

Таким образом, перед нами коллекция рукописей, выполненных одним и тем же лицом, имя которого устанавливается из подшитого в одном из сборников документа экономического характера – это Игнатий Андреев Мозжерин. Разнобой и неправильный порядок в нумерации листов, подшитое в середине рукописи предисловие, наличие сшитых двойных листов, характер текста и многочисленные правки оставляют общее впечатление черного характера рукописей, ощущение общей незавершенности. Так что помимо использования этих текстов в полемиче-

ских целях можно рассматривать их как черновики для некоторой белой рукописи, которая либо не была обнаружена при обысках, либо просто не была написана на момент изъятия черновиков.

Содержание текстов, а также использованные для составления выписок источники однозначно указывают на то, что автор принадлежал к одному из старообрядческих согласий; возникает, разумеется, вопрос – к какому именно. Точно ответить на него возможно лишь после детального исследования текстов сборников. Но уже сейчас можно с определенностью сказать, что приведенные выше тексты документов, вшитых в сборники, указывают на то, что Мозжерин не являлся безденежником. Вместе с тем, велика вероятность его принадлежности к согласию странников – исходя из многочисленных цитат, посвященных уходу от дома, отказу от родни и т.п.

В целом выявленная коллекция позволит расширить наши представления о старообрядцах региона, о круге их чтения, а также бытовых привычках и образе жизни. Представляется, что дальнейшее изучение перечисленных сборников имеет серьезные научные перспективы.

Приложение

Список книг, изъятых

за подписью священника Иоанна Минералова

1. ОРКП НБ ТГУ. В-5353. Сборник старообрядческий смешанного содержания. XIX в. (30-е гг.). 33 л.
2. ОРКП НБ ТГУ. В-5594. Часовник. XIX в. (10-20-е гг.). 68 л.
3. ОРКП НБ ТГУ. В-5365. Сборник старообрядческий учительного содержания. XIX в. (50–60-е гг.). 160 л.
4. ОРКП НБ ТГУ. В-5494. Сборник старообрядческий о вере. XIX в. (80-е гг.). 70 л.
5. ОРКП НБ ТГУ. В-5496. Сборник старообрядческий о вере. XIX в. (80-е гг.). 102 л.
6. ОРКП НБ ТГУ. В-5606. Сборник старообрядческий смешанного содержания. XIX в. (80–90-е гг.). 105 л.
7. ОРКП НБ ТГУ. В-5310. Сборник старообрядческий. XIX в. (90-е гг.). 87 л.
8. ОРКП НБ ТГУ. В-5314. Сборник старообрядческий смешанного содержания. XIX в. (вторая половина). 93 л.

9. ОРКП НБ ТГУ. В-5473. Сборник старообрядческий учительный. XIX в. (вторая половина). 81 л.

10. ОРКП НБ ТГУ. В-5642. Сборник старообрядческий смешанного содержания. XIX в. (вторая половина). 71 л.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Есипова В.А.* «Раскольничья» библиотека Томской духовной семинарии // Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Вып. 3. С. 17–25.
2. Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. Вып.3: XIX в., первая половина / сост. В.А. Есипова. 690 с., ил.
3. Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог. Томск: Изд. дом Томск. гос. ун-та, 2018. Вып. 4, ч. 1 / сост. В. А. Есипова. 634 с.
4. Справочная книга. Состав священно-церковнослужителей Томской епархии с указанием существенных сведений для каждого члена причта / сост. Г. Меншагин. Томск, 1886. 128 с.
5. Справочная книга по Томской епархии за 1898–99 гг. Томск: тип. Епарх. братства, 1900. 458, LIII, 2 с.
6. *Клепиков С.А.* Филигранны и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. 306 с.
7. *Челомбитко А.Н.* Волости Барнаульского уезда (альбом-справочник) Барнаул, 2018. 204 с., ил. URL: <https://elibrary.ngonb.ru/catalog/4178/4720h8/> (дата обращения: 20.01.2021).

REFERENCES

1. *Esipova V.A.* “Raskolnichya” library of Tomsk Theological Seminary. *Iz istorii knizhnykh fondov biblioteki Tomskogo universiteta*. Tomsk, 1998, iss. 3, pp. 17–25. (In Russ.)
2. *Esipova V.A. (comp.)* Slavic-Russian manuscripts of Tomsk State University Research Library: catalogue. Tomsk, Izd-vo Tomsk. un-ta, 2012, iss. 3: XIX century first half, 690 p. (In Russ.)
3. *Esipova V.A. (comp.)* Slavic-Russian manuscripts of Tomsk State University Research Library: catalogue. Tomsk, Izd-vo Tomsk. un-ta, 2018, iss. 3, pt. 1: XIX century second half, 634 p. (In Russ.)
4. *Menshagin G. (comp.)* The composition of Tomsk Diocese clergy indicating essential information for each member of the clergy. Tomsk, 1886, 128 p. (In Russ.)
5. Reference book of Tomsk Diocese for 1898–99. Tomsk, tip. Yepakhialnogo bratstva, 1900, 458, LIII, 2 p. (In Russ.)
6. *Klepikov S.A.* Watermarks and stamps on Russian and foreign paper of the XVII–XX centuries. Moscow, 1959, 306 p. (In Russ.)
7. *Chelombitko A.N.* Volosts of Barnaul District (album-reference) Barnaul, 2018, 204 p. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ngonb.ru/catalog/4178/47208/> (accessed:20.01.2021).

Статья поступила в редакцию 22.01.2021

Дата рецензирования 08.05.2021

Статья принята к публикации 03.06.2021

DOI: 10.15372/HSS20210307
УДК 655.4/.5(430)=(161.1):329.14(092)

А.О. АНИСИМОВ

КНИГОИЗДАТЕЛЬ И.П. ЛАДЫЖНИКОВ (1874–1945): НЕИЗВЕСТНЫЕ ЭПИЗОДЫ БИОГРАФИИ

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630120, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье рассматриваются неизвестные ранее аспекты биографии одного из самых крупных книгоиздателей русского зарубежья первой четверти XX в. и деятеля раннего большевизма И.П. Ладыжникова. Он был одной из ключевых фигур одноименного издательского предприятия в структуре РСДРП(б)–РКП(б) – Издательства И.П. Ладыжникова. Впервые раскрываются различные стороны его ранней революционной деятельности, взаимоотношений с партийными структурами после окончательного возвращения из Германии в советскую Россию. Описывается драматическая попытка вступления И.П. Ладыжникова в РКП(б) на фоне начавшейся бюрократизации партийных структур, проводимой сталинским окружением. Показывается отношение соратников по революционной деятельности к «буржуазным» аспектам работы И.П. Ладыжникова. Высказывается предположение о том, что И.П. Ладыжников как опытный конспиративный деятель тонко чувствовал нюансы сложных внутривнутрипартийных взаимоотношений и это уберегло его от маховика репрессий 1930-х гг.

Ключевые слова: И.П. Ладыжников, книгоиздание, Русское Зарубежье, большевистская партия, Издательство И. П. Ладыжникова.

A.O. ANISIMOV

BOOK PUBLISHER I.P. LADYZHNIKOV (1874–1945): OF THE BIOGRAPHY UNKNOWN EPISODES

State Public Scientific Technological Library SB RAS,
15, Voskhod str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

The article examines the problem of party affiliation of I. P. Ladyzhnikov (1874–1945), the most famous figure in the book business of the Russian Diaspora. I.P. Ladyzhnikov belonged to the cohort of so-called “old Bolsheviks”, and he was for a long time the head of the Bolshevik Publishing House by I.P. Ladyzhnikov in Berlin, who successfully replenished the party treasury, and was involved in RSDLP(b) conspiratorial work abroad as well. The author proves that I.P. Ladyzhnikov, taking an active part in illegal Bolshevik activities abroad, never officially joined the ranks of RSDLP(b)–RCP(b). The paper emphasizes that while carrying out conspiratorial actions together with such key figures of early Bolshevism as L.B. Krasin, M.M. Litvinov, A.A. Bogdanov, I.P. Ladyzhnikov coordinated directly with V.I. Lenin the issue of his party status. It notes that the official non-party status of I.P. Ladyzhnikov was unknown to both ordinary party members, and such authoritative party figures as V.D. Bonch-Bruевич, A.M. Gorky, who played a key role in Ladyzhnikov’s life. His non-party position could be traced to 1917 and in the first half of the 1920s, when I.P. Ladyzhnikov took the official position of the division head of the USSR People’s Commissariat for Foreign Trade in Berlin. The article analyzes documents on an unsuccessful attempt by I.P. Ladyzhnikov to join the ranks of the Bolshevik Party in 1925. The author states possible reasons to refuse his request.

Key words: I.P. Ladyzhnikov, publishing house, Russian Diaspora, Bolshevik Party, I.P. Ladyzhnikov Publishing House.

ВВЕДЕНИЕ

Публикации об издательствах русского зарубежья стали активно появляться в книговедческой печати только в последнее время. В советский период если их и упоминали, то в силу идеологических при-

чин в негативном ключе. Из современных историографических работ следует выделить труды П.Н. Базанова [1, 2, 3, 4], который является одним из ведущих исследователей данной темы. Некоторые сюжеты, связанные с деятельностью русскоязычных

Алексей Олегович Анисимов – младший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: pegas7879@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6553-815X>

Alexey O. Anisimov – Junior Researcher, State Public Scientific Technological Library SB RAS.

издательств за рубежом, освещены И.А. Шомраковой [5], О.В. Быстровой [6], А.Г. Катаевым [7], С.С. Ипполитовым [8]. Однако крупных работ, монографий о книгоиздателях «русского Берлина» практически нет, отсутствуют и фундаментальные аналитические публикации о творческой судьбе одного из наиболее крупных русскоязычных издателей в Берлине начала XX в. – И.П. Ладыжникова. В 1972 г. вышла популярно-художественная книга В.И. Антропова о И.П. Ладыжникове [9]. Только в 2014 г. появилась энциклопедическая работа Е.А. Динерштейна об издателе З.И. Гржебине [10], в которой показаны аспекты сложных взаимоотношений З.И. Гржебина, И.П. Ладыжникова и А.М. Горького в 1920-х гг. Освещена деятельность И.П. Ладыжникова на посту главы издательского отдела советского торгпредства в Берлине в 1921–1925 гг. и связи Ивана Павловича с Советской Россией (И.П. Ладыжников и З.И. Гржебин имели прямое отношение к совместному с Горьким издательскому проекту «Всемирная литература»).

ДВОЙСТВЕННОСТЬ СТАТУСА И. П. ЛАДЫЖНИКОВА

Иван Павлович Ладыжников (1874–1945) был, пожалуй, одной из самых загадочных фигур книжной культуры русского зарубежья. На протяжении почти 20 лет он занимался книжным делом – как до 1917 г., так и в первой половине 1920-х гг. Умер большевистский издатель 20 октября 1945 г., некролог появился в газете «Известия» тремя днями позже¹. Состав похоронной комиссии был весьма представительным: среди ее членов – видные старые большевики и авторитетные советские писатели – В.Д. Бонч-Бруевич, Е.П. Пешкова, Н.А. Семашко, Л.М. Леонов, К.А. Федин, М.А. Шолохов и др. Но в некрологе не сказано о партийной принадлежности И.П. Ладыжникова и, более того, даже не упомянута его книгоиздательская деятельность.

Зато особое внимание составители некролога уделили отношениям И.П. Ладыжникова с А.М. Горьким, приведя полностью текст автографа А.М. Горького по случаю выхода собрания сочинений в издательстве «Книга» (1923–1929 гг.): «Мой дорогой, старый друг Иван Павлович, с десятками людей – и очень крупными – были у меня отношения дружбы, но никто из них не вызывал у меня такого крепкого и нежного чувства любви, уважения и удивления душевной чистотой своей, как это вызывали Вы»². Похоронен был И.П. Ладыжников на Новодевичьем кладбище в Москве, что тоже подчеркивало его особый статус.

¹ Иван Павлович Ладыжников: [Некролог] // Известия. 1945. 23 окт. № 250. С. 4.

² Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 140. Д. 30. Оп. 2. Л. 14.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЗДАТЕЛЯ И.П. ЛАДЫЖНИКОВА

Книгоиздательская миссия фирмы И.П. Ладыжникова в первый период эмиграции (1905–1913 гг.) и начало его революционной деятельности в Перми и Нижнем Новгороде уже были подробно освещены нами [11]. Однако вновь найденные архивные материалы позволяют по-особому взглянуть на его личность, а также на его взаимоотношения с РСДРП (б).

В Нижнем Новгороде И.П. Ладыжников, будучи наряду с В.А. Десницким³ центральной фигурой Нижегородского отделения Российской социал-демократической рабочей партии [12], занимался многогранной революционной деятельностью, особое внимание уделяя конспиративным делам [11]. Был арестован 13 февраля 1903 г.⁴, отбывал предварительное заключение 1 год 8 месяцев: сначала (с февраля по ноябрь 1903 г.) – в нижегородской тюрьме⁵, а затем был переведен по состоянию здоровья в московскую бутырскую тюремную больницу, откуда был освобожден 18 октября 1904 г.⁶.

Сам И.П. Ладыжников указывал, что он получил приговор – 6 лет ссылки в Восточную Сибирь, хотя в материалах как Нижегородского, так и Московского жандармских управлений (по его делу) об этом нет сведений. В анкете он кратко отмечает: «...был выпущен из тюрьмы под залог»⁷. Между тем на протяжении последних 12 лет имперской власти в России (вплоть до февраля 1917 г.) залоговое освобождение из заключения являлось фактически легальным способом ухода революционеров от тюрьмы и ссылки. Многие деятели революционного движения сразу после уплаты за них денежного залога или уезжали в эмиграцию или переходили на нелегальное положение в России. Согласно следственному делу И.П. Ладыжникова (№ 144) по Московскому охранному отделению, залог был внесен его женой (5 тыс. руб.)⁸. Предоставить такие деньги могли только РСДРП (что маловероятно) или А.М. Горький. У семьи Ладыжниковых средств на выкуп не было. А.М. Горький в письме к известному нижегородскому адвокату П.А. Рождественскому очень просил помочь: «Уважаемый Петр Александрович! Убедительно прошу Вас – будьте великодушным, помогите Екатерине

³ В.А. Десницкий (1878–1958) – один из первых членов РСДРП. В дружеских отношениях с И.П. Ладыжниковым находился более 30 лет.

⁴ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф.Р-1866. Оп. 1. Д. 36. Л. 187.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 35. Д. 705. Л. 7.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 53. Оп. 23. Д. 144. Л. 4.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 35. Д. 705. Л. 7.

⁸ ГА РФ. Ф. 53. Оп. 23. Д. 144. Л. 4 – 8, 14, 15.

Ивановне Ладыжниковой в ее тяжелом положении. Ваш А. Пешков» [13, с. 150].

Нет прямых данных о том, что именно А.М. Горький передал (через адвоката Рождественского) деньги за освобождение Ивана Павловича, но судя по взаимоотношениям А.М. Горького и большевистской фракции социал-демократов в 1904–1907 гг., известный уже тогда писатель мог обладать столь значительными денежными средствами. Обычно в практике освобождения под залог фигурировали более скромные суммы. Например, в 1906 г. одного из видных большевиков – А. Шаповалова – освободили из харьковской тюрьмы под залог всего лишь 400 руб. [14, с. 99].

БЕСПАРТИЙНЫЙ БОЛЬШЕВИК И.П. ЛАДЫЖНИКОВ.

После освобождения И.П. Ладыжников 3 ноября 1904 г. отбыл в Санкт-Петербург⁹. Затем последовала длительная эмиграция со специальным заданием (создание за границей партийного издательства «Демос» и взыскание крупной суммы с авантюриста А.Л. Парвуса). При этом вопрос об официальной партийной принадлежности И.П. Ладыжникова очень запутан. Чаще всего он упоминается как большевик, причем с достаточно большим стажем. Так считал и А.М. Горький: уже в 1926 г. в переписке с Н.Н. Фатовым¹⁰ писатель отмечал, что «Ладыжников И.П. большевик с 903 года», а «на данный момент коммунист, партиец, работает в Москве» [15, с. 461].

В то же время, по свидетельству известной писательницы русской эмиграции Н.Н. Берберовой, Иван Павлович являлся беспартийным: «Он был ближайшим другом Горького, доверенным лицом во всех его делах, преимущественно – денежных и хотя не состоял в большевистской партии, был с юности единомышленником и союзником Ленина» [16, с. 124]. Найденные нами документы подтверждают свидетельства Н.Н. Берберовой. В фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) хранится личное дело Ивана Павловича от февраля 1925 г., посвященное попытке стать членом партии большевиков. Дело состоит из его автобиографии, личного листка и рекомендаций.

Приведем обширную цитату из автобиографии, раскрывающую суть вопроса: «Живя в Германии до 1913 года, я в видах конспирации должен был скрывать свое участие в партийной жизни, так как прусский полицейский режим для меня, иностранца-партийца, иначе был бы невозможен. Но, кажется, в 1908

или 1909 году в Берлине у меня был все же обыск, не повлекший за собой высылку меня из Германии только благодаря энергичной защите тт. Либкнехта и О. Кона. Указанной конспирацией объясняется малая осведомленность многих товарищей о моей причастности в ту пору к партийной жизни, но оставшиеся в живых товарищи, как-то: Л.Б. Красин, Н.К. Крупская, М.М. Литвинов, Р.П. Аврамов, Б.С. Стомоняков и др. знают об этом и могут подтвердить. Назначенный на работу в 1921 году в Германию – же, я, по причинам конспирации, считал [необходимым] также числиться «беспартийным», с согласия В.И. Ленина, с которым я говорил тогда по этому поводу. В 1924 году, исполняя обязанности члена Правления Акц. О-ва «Международная Книга», я был кооптирован в число членов бюро ком. ячейки при «Международной Книге», но за указанный период все же не смог оформить своего отношения к партии, так как моя основная работа продолжала связывать меня с Германией. И только сейчас, по приезде в Москву Торгпредатов. Стомонякова, заявившего мне, что я остаюсь работать в Москве, а не в Германии, я считаю своим долгом официально поставить вопрос о принятии меня в ряды РКП(б), с которой я связан многие годы, а революционная работа в прошлом протекала вся под руководством большевистского ЦК. 25 февраля 1925 г.»¹¹

Если верить документу, вопрос о своем партийном статусе И.П. Ладыжников согласовывал лично с В.И. Лениным, что указывает на его особое положение. Об этом же в своей монографии говорит и В.И. Антропов (ссылаясь при этом на воспоминания И.П. и Н.И. Ладыжниковых), четко фиксируя: «Вступление в партию И.П. Ладыжникова было оформлено после возвращения его из-за границы» [9, с. 105]. Его рекомендовали отнюдь не простые партийцы: глава Народного комиссариата внешней торговли (НКВТ) Л.Б. Красин¹², заместитель наркома по иностранным делам М.М. Литвинов¹³ и, наконец, А.И. Рыков, который в 1925 г. являлся председателем Совнаркома СССР-РСФСР¹⁴.

В деле И.П. Ладыжникова о приеме в партию имеется также характеристика, данная его многолетним другом и соратником по издательской деятельности, болгарским коммунистом Р.П. Аврамовым¹⁵. Все эти люди могли рекомендовать в партию только человека, которого хорошо знали лично. В «Личном листке для кандидатов РКП(б)» И.П. Ладыжников прямо обозначает начало работы в РСДРП: «...с 1898 года

⁹ ГА РФ. Ф.53. Оп. 23. Д. 144. Л. 11.

¹⁰ Н.Н. Фатов (1887–1961) – историк литературы. Состоял в переписке с Горьким. Его книга о Л.Н. Андрееве была резко отрицательно воспринята писателем.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 35. Д. 705. Л. 8–8 об.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵ Там же. Л. 5–5 об.

подпольная работа и в организации Р.С.Д.Р.П. среди сормовцев»¹⁶.

Таким образом, заявление подавал человек, работавший на партию с момента ее создания уже более четверти века. Таких людей в партийной среде считали старыми большевиками. И тут что-то пошло не так. В личном деле нет официального документа о том, что И.П. Ладыжников принял в РКП(б). Нет упоминания о номере партийного билета, отсутствует заключение ячейки о прошедшем заседании. Все выглядит так, как будто ход дела был остановлен.

С учетом всех обстоятельств это весьма странно. Если ранее, в период пребывания Ивана Павловича за границей, статус беспартийного был нужен ему в целях конспирации, то теперь, когда его дальнейшая работа выполнялась внутри страны, его вступление в партию было бы закономерным. Возможно, сказались условия напряженной внутрипартийной борьбы, развертывавшейся в этот период, о чем, например, говорится в одном из новейших исследований [17]. Участие в одной из сторон партийного конфликта 1923–1927 гг. (на стороне оппозиции) являлось тогда веской причиной исключения из партии.

У нас нет свидетельств о дальнейших попытках Ивана Павловича вступить в партию. Он как человек опытный, безусловно искушенный во внутрипартийных интригах, по-видимому, предпочел оставить все, как есть. В рядах РКП(б) И.П. Ладыжников не числился и после февраля 1925 г. Подтверждение этому находится в еще одном личном деле, уже по линии наркомата внешней торговли. В анкетном листе № 2 Акционерного общества «Международная Книга» И.П. Ладыжников 24 сентября 1925 г. на вопрос «К какой политической партии принадлежите, время вступления в партию и № членского билета» отвечает: «беспартийный»¹⁷. И ниже разъясняет: «С 1895 г. вел пропагандистскую с.-д. работу. С 1905 г. выполнял директивы ЦК РСДРП(б), но не оформлял принадлежность к партии из-за конспирации, живя за границей». А во внутренней характеристике на сотрудников «Международной Книги» (предположительно, 1925 г.) в отношении Ивана Павловича как коммерческого директора отмечено – «беспартийный», «близко стоит к ячейке ВКП(б), способствует проведению в жизнь решений партии и правительства»¹⁸.

В личном листе по линии НКВД от 10 августа 1930 г. И.П. Ладыжников ещё раз подтверждает свою беспартийность, отвечая на такой же вопрос¹⁹. Кроме

того, Иван Павлович в рамках своей общественной деятельности по организации «Общества друзей Музея им. М. Горького» в 1928 г., в анкете членов-учредителей, снова указывает, что он – «беспартийный»²⁰. Окончательно закрытым вопрос о партийной принадлежности И.П. Ладыжникова можно считать на основании еще одного личного дела из фондов Государственного архива Российской Федерации, связанного с оформлением ему персональной пенсии союзного значения. В 1933 г. И.П. Ладыжникову уже 59 лет, и он, согласно постановлению Совнаркома СССР № 1998, начинает получать с 1 сентября 1933 г. персональную пенсию в размере 400 руб.²¹ В документах, связанных с назначением пенсии, есть небольшая анкета, в которой, отвечая на стандартный вопрос о партийности, И.П. Ладыжников собственноручно пишет: «Беспартийный». Характерно, что на следующий пункт анкеты «За чьи заслуги назначена пенсия» Иван Павлович лаконично и сухо отвечает: «личные, революц. работа»²².

Таким образом, являясь одним из старейших деятелей большевистского движения в России, работая максимально законспирированно в закрытых структурах РСДРП(б) – РКП(б), И.П. Ладыжников никогда официально не находился в рядах большевистской партии. Даже отношения с профсоюзами у И.П. Ладыжникова складывались не так гладко, как у рядовых сотрудников «Международной Книги». Первый раз он вступает в профсоюз в 1918 г., но опять же, по причине секретности своей деятельности в Германии во время работы в НКВД он разрывает отношения даже с профессиональным союзом, о чем изяцно пишет в личном деле: «...после 20 года был командирован в Германию и потерял связь с профсоюзом»²³. Окончательно оформить свои отношения с профсоюзом Иван Павлович смог только после возвращения на родину, получив членский билет 1 января 1927 г.²⁴

ОЦЕНКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.П. ЛАДЫЖНИКОВА В ПАРТИЙНЫХ КРУГАХ

Двойственность и противоречивость жизни И.П. Ладыжникова проявлялась не раз. Так, по-разному звучала оценка его предпринимательской деятельности до 1917 г. С 1905 по 1913 г. И.П. Ладыжников вел достаточно успешный коммерческий проект как активный акционер своих издательств. Более того, «буржуазность» Ивана Павловича была в то

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 35. Д. 705. Л. 1 об.

¹⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 870. Оп. 251. Д. 317. Л. 17.

¹⁸ Там же. Л. 42.

¹⁹ Там же. Л. 43 об.

²⁰ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 819. Карт. 3. Ед. хр. 52. Л. 2.

²¹ ГА РФ. Ф. 10249. Оп. 3. Д. 285. Л. 5, 6.

²² Там же. Л. 4.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 35. Д. 705. Л. 1.

²⁴ РГАЭ. Ф. 870. Оп. 251. Д. 317. Л. 43 об.

время естественной частью его жизни и неодобительно воспринималась в среде его партийных товарищей (даже спустя много лет фактически ставилась ему в вину). Так, при процедуре принятия его в партию в 1925 г. советский нарком Л.Б. Красин, один из его рекомендующих, писал: «... В партийных кругах многие смотрят на т. Ладыжникова как на предпринимателя»²⁵. После же 1917 г. он сам всячески старается затушевать свой «буржуазный» отрезок жизни в Германии.

В анкете для вступающих в партию на вопрос: «Основной источник средств к существованию до 1917 г.» следует ответ: «Заработки, начиная от уроков и кончая службой»²⁶. В анкете НКВТ на вопрос: «Владели ли недвижимым имуществом, вкладами, состояли ли собственником торговых или промышленных предприятий, оценка имущества до 1917 г.» и на следующий вопрос: «Состояли ли членом правления, пайщиком какого-либо акционерного о-ва, торгового предприятия, банкирского дома, имели ли акции, процентные бумаги и какие» следует однозначный ответ: «Нет»²⁷.

Но это было очевидной неправдой. И.П. Ладыжников являлся с 1911 г., наряду с И.Д. Сыгиным и Б.Н. Рубинштейном, официальным и фактическим акционером предприятия «Издательство И.П. Ладыжникова» с уставной долей в 25 тыс. немецких марок на акционера [18, с.79]. Этот тонкий аспект «буржуазности» Ивана Павловича (применительно к его фирме) был замечен именно в указанные годы А.А. Богдановым²⁸. В письме к А.М. Горькому в 1910 г. он пишет: «Да, забыл еще один пункт. Леонид Бор. пишет, что добываясь от Лад[ыжникова] и Авр[амова], чтобы они дали денег для школы²⁹, он попал в трудное положение, благодаря неясности формального положения: чьим является предприятие? Он находит, что у Лад[ыжникова] и Аврам[амова] есть тенденция рассматривать его, как частное предприятие³⁰ Ладыжникова с Вами, и потому ему, Л.Б.³¹, не удается получить настоящих и ясных сведений о делах предприятия. Если бы Л.Б. мог сослаться на Ваше письменное заявление, что считает предприятие принадлежащим левому крылу большевистской фракции, то позиция Л.Б. была бы гораздо лучше»

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 35. Д. 705. Л. 3.

²⁶ Там же. Л. 1.

²⁷ РГАЭ. Ф. 870 Оп. 251. Д. 317. Л. 16 – 16 об.

²⁸ А.А. Богданов (1873–1928) – один из трех основных руководителей большевистской фракции РСДРП в 1905–1910 гг. наряду с В.И. Лениным и Л.Б. Красиным.

²⁹ Пропагандистская партийная школа социал-демократов на о. Капри.

³⁰ Имеется в виду «Издательство И.П. Ладыжникова».

³¹ Л.Б., Леонид Бор. – Л.Б. Красин.

[19, с. 74]. Логично предположить, что именно эта двойственность прошлой жизни И.П. Ладыжникова послужила одним из поводов для отказа ему в приеме в партию. Кроме того, он неоднозначно воспринимался такими крупными большевистскими фигурами, как, например, В.Д. Бонч-Бруевич, из-за их личного конфликта по поводу работы издательства «Демос» [20].

Однако маловероятно, что «буржуазность» И.П. Ладыжникова могла быть официальной причиной отказа в приеме в партию. Действительно, она была дезавуирована объяснениями, данными в характеристике претендента, наркомом НКВТ Л.Б. Красиным (непосредственным начальником ведомства, в первичную ячейку которого было подано заявление о приеме)³². Официального отказа, по-видимому, вообще не было. В противном случае, имелась бы соответствующая запись в личном листке кандидата, но ее нет³³.

ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА В РУКОВОДСТВЕ ВКП(Б) ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

На взгляд автора, наиболее вероятной причиной отказа И.П. Ладыжникову в приеме была разгорающаяся ожесточенная борьба наступающей сталинской группировки со «старой ленинской гвардией», представителем которой являлся И.П. Ладыжников, и которая в те годы терпела одно поражение за другим. Есть свидетельства, что И.В. Сталин очень неприязненно относился лично к Л.Б. Красиному.

В воспоминаниях Семена Либермана³⁴, хорошо знакомого с Л.Б. Красиным и его семьей, приводятся следующая характеристика политической обстановки в партийной верхушке в последний год жизни Ленина: «В Наркоминделе чувствовалось недовольство Красиным, даже прямая враждебность к нему, и он фактически превращался гораздо больше в деятеля Внешторга, чем Наркоминдела. Тем временем здоровье Ленина значительно ухудшилось, и надежды на его выздоровление все уменьшались. Для Красина, влияние которого в большой степени было основано на личном доверии Ленина, это усугубляло трудность положения. В советских кругах все чаще говорили, что Наркомвнешторг – “лавочка Красина”, которая при национализации промышленности и в условиях НЭП’а вообще не нужна: каждая промышленная организация Советской России лучше справится с зада-

³² РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 35 Д. 705. Л. 4.

³³ Там же. Л. 3. Л. 3 об.

³⁴ С.И. Либерман (1881 – 1946 гг.), общественный и политический деятель. Член РСДРП(б) с 1917 г., после 1920 г. работал в советских представительствах за рубежом. Соратник В.И. Ленина. После 1925 г. в эмиграции, так называемый невозвращенец.

чей закупки и продажи за границей своих изделий, чем Внешторг, а посредник излишен и даже вреден. Потом стали открыто заявлять, что Внешторг – паразитическое учреждение, живущее за счет других хозяйственных организаций страны, и что его поэтому следует упразднить. Кампания была направлена также лично против Красина. ...Когда я прибыл в этот период в Москву и посетил Красина, его дочь немедленно спросила меня: Как вы думаете, выпустят нас за границу или нет? Я выразил изумление по поводу этого вопроса, но она вполголоса прибавила: Авель (Енукидзе) говорит, что Коба (Сталин) органически не выносит отца, а фактически Коба сейчас хозяин положения» [21, р. 182].

Подобное отношение к Л.Б. Красину и НКВТ в целом неблагоприятно сказывалось и на его сотрудниках, особенно близких к Красину. Отголосок такого отношения можно видеть, в частности, в характеристике, выданной И.П. Ладыжникову в рассматриваемый период и подписанной «треугольником» (административным, партийным и профсоюзным руководителями) Всесоюзного объединения «Международная Книга» (где И.П. Ладыжников занимал пост коммерческого директора): «...Достиг возраста, когда на работе уже не растет. Инициатива, энергия и работоспособность небольшие. В исполнении заданий немного расплывчат, но в сроках точен. Использован целесообразно...»³⁵. Не слишком комплементарная характеристика для большевика «старой гвардии». Подписи никому не известных людей, стоящие под характеристикой, характеризуют своеобразие момента – И.В. Сталин методически и повсеместно замещал яркие личности «первого набора» своей креатурой – «серыми», но надежными исполнителями его воли.

Безусловно, отказ в приеме в партию тогда воспринимался как личная трагедия. Но нужно иметь в виду и то, что отсутствие партийности, возможно, спасло И.П. Ладыжникова во время «большого террора» 1930-х гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявленные источники позволяют понять некоторые особенности биографии И.П. Ладыжникова. Судьбы таких личностей отнюдь не менее законспирированы, чем работа, которую они проводили за рубежом по заданиям большевистского ЦК. Надеемся, что со временем у исследователей появится возможность ознакомиться с другими сведениями о И.П. Ладыжникове, сохранившимися в недоступных пока архивах.

³⁵ РГАЭ. Ф. 870. Оп. 251. Д. 317. Л. 42.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Базанов П.Н., Шомракова И.А.* Русские издательства в Берлине, 1920–1924 гг. // *Вестн. СПб гос. ин-та культуры.* 2017. №4(33). С. 6–11.
2. *Базанов П.Н., Кремнев С.С., Кузнецова Т.В., Шомракова И.А.* Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 гг.: Энциклопедический справочник / сост., науч. ред. *П.Н. Базанов.* СПб.: Форма, 2005. 336 с.
3. *Базанов П.Н.* Русское национальное книгоиздательство «Медный всадник» // *Золотая палитра.* 2013. №1 (8). С. 54–57.
4. *Базанов П.Н.* Берлинское издательство «Скифы» // *Библиография.* 2016. № 6. С. 94–107.
5. *Шомракова И.А.* Книжное дело Русского Зарубежья (Европа, 1917–1940) // *Книга. Исследования и материалы.* М., 1994. Сб.67. С.165–184.
6. *Быстрова О.В.* Берлинские издательства // *Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940 / М.: РОССПЭН, 2000.* Т. 2. Периодика и литературные центры. С. 22–32.
7. *Катаева А.Г.* Русская издательская деятельность в Германии в 1920-х гг.: дис... канд. ист.наук. М., 2000. 254 с.
8. *Ипполитов С.С., Катаева А.Г.* «Не могу оторваться от России...». Русские книгоиздатели в Германии в 1920-х гг. М.: Изд-во Ипполитова, 2000. 164 с.
9. *Антропов В. И.* И.П. Ладыжников. Челябинск, 1972. 125 с.
10. *Динерштейн Е.А.* Синяя птица Зиновия Гржебина. М., 2014. 427 с.
11. *Анисимов А.О.* Издатель И. П. Ладыжников и партийный книжный проект РСДРП (б) в 1905–1914 гг. // *Книга: Сибирь-Евразия. Информационное общество: новые приоритеты книжной культуры:* сб. науч. тр. Новосибирск, 2019. С. 25–37.
12. *Берков П.Н.* Профессор Василий Алексеевич Десницкий (К 70-летию со дня рождения) // *Вестн. ЛГУ.* 1948. № 2. С. 153–155.
13. *Горький М.* Полн. собр. соч.: в 24 т. / Т.4: Письма (1903–1904). М., 1998. 477 с.
14. Первая боевая организация большевиков. Статьи. Воспоминания. Документы / сост. *С.М. Познер.* М., 1934. 305 с.
15. Горький и Леонид Андреев (неизданная переписка). Серия: «Литературное наследство». М., 1965. Т. 72. 630 с.
16. *Берберова Н.Н.* Железная женщина. Рассказ о жизни М.И. Закревской – Бенкердорф – Будберг, о ней самой и ее друзьях. М.: АСТ: Астрель, 2011. 267 с.
17. *Шишкин В.И.* Персональное дело коммуниста В.Б. Эльцина (сентябрь 1927–февраль 1928 г.) // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2018. Т. 25, № 3. С. 16–23.
18. *Анисимов А.О.* И.Д. Сытин и большевистское издательство И.П. Ладыжникова: к истории взаимоотношений // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2018. Т. 25, № 3. С. 76–80.
19. Горький в зеркале эпохи (неизданная переписка). Серия: М. Горький. Материалы и исследования. М., ИМЛИ РАН, 2010. Вып.10. 736 с.
20. *Голубева О. Д.* Воспоминания В.Д. Бонч-Бруевича «Книгоиздательство «Демос», его возникновение, организация и деятельность» // *Зап. отд. рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина.* М. 1973. Вып. 34. С. 206–257.
21. *Liberman S.* Building Lenin's Russia. Chicago, 1945. 228 p.

REFERENCES

1. *Bazanov P.N., Shomrakova I.A.* Russian publishing houses in Berlin, 1920–1924. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 2017, no. 4, pp. 6–11. (In Russ.)
2. *Bazanov P.N., Kremnev S.S., Kuznetsova T.V., Shomrakova I.A.* Publishing houses and publishing organizations of the Russian emigration 1917–2003: encyclopedic reference. Saint Petersburg, Forma, 2005, 336 p. (In Russ.)

3. Bazanov P.N. Russian National Book Publishing House «Bronze Horseman». *Zolotaya palitra*, 2013, no. 1, pp. 54–57. (In Russ.)
4. Bazanov P.N. Berlin publishing house “Scythians”. *Bibliografiya*, 2016, no. 6, pp. 94–107. (In Russ.)
5. Shomrakova I.A. Book making of the Russian Diaspora (Europe, 1917–1940). *Kniga: issledovaniya i materialy*. Moscow, 1994, iss. 67, pp. 165–184. (In Russ.)
6. Bystrova O.V. Berlin publishing houses. *Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya: 1918–1940*. Moscow, 2000, vol. 2, pp. 22–32. (In Russ.)
7. Kataeva A.G. Russian publishing in Germany in the 1920s: dissertation. Moscow, 2000, 254 p. (In Russ.)
8. Ippolitov S.S., Kataeva A.G. “I can’t tear myself away from Russia ...”. Russian book publishers in Germany in the 1920s. Moscow, Ippolitov Publ. House, 2000, 164 p. (In Russ.)
9. Antropov V.I. I.P. Ladyzhnikov. Chelyabinsk, 1972, 125 p. (In Russ.)
10. Dinershtein E.A. The blue bird of Zinovy Grzhebin. Moscow, 2014, 427 p. (In Russ.)
11. Anisimov A.O. The publisher I.P. Ladyzhnikov and RSDLP(b) party book project in 1905–1914. *Kniga: Sibir'-Evraziya. Informatsionnoye obshchestvo: novyye priority knizhnoy kul'tury*. Novosibirsk, 2019, pp. 25–37. (In Russ.)
12. Berkov P.N. Professor Vasily Alekseevich Desnitsky (the 70th anniversary). *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1948, no. 2, pp. 153–155. (In Russ.)
13. Gorky M. Complete works in twenty-four volumes. Moscow, 1998, vol. 4, 477 p. (In Russ.)
14. Pozner S.M. (comp.) The first Bolshevik militant organization. Articles. Memories. Documentation. Moscow, 1934, 305 p. (In Russ.)
15. Gorky and Leonid Andreev (unpublished correspondence). Vol. 72. Moscow, 1965, 630 p. Seriya: Literaturnoe nasledstvo. (In Russ.)
16. Berberova N.N. Iron woman. A story about the life of M.I. Zakrevskoy – Benkerdorf – Budberg, about herself and her friends. Moscow, AST, Astrel', 2011, 267 p. (In Russ.)
17. Shishkin V.I. The personal file of the communist V.B. Eltsin (September 1927-February 1928). *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 2018, vol. 25, no. 3, pp. 16–23. (In Russ.)
18. Anisimov A.O. I.D. Sytin and the Bolshevik publishing house of I.P. Ladyzhnikova: on the history of relationships. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 2018, vol. 25, no. 3, pp. 76–80. (In Russ.)
19. Spiridonov L.A. (ed.) Gorky in the mirror of the era (unpublished correspondence). Moscow, IMLI RAN, 2010. 736 p. Seriya: M. Gorky. Materials and research; iss. 10). (In Russ.)
20. Golubeva O.D. Memories of V.D. Bonch-Bruевич on “Demos”, a book publishing house, its origin, organization and activity. *Zapiski otdela rukopisey Gosudarstvennoy biblioteki SSSR im. V.I. Lenina*. Moscow, 1973, iss. 34, pp. 206–257. (In Russ.)
21. Liberman S. Building Lenin’s Russia. Chicago, 1945, 228 p.

Статья поступила в редакцию 08.05.2021

Дата рецензирования 11.05.2021

Статья принята к публикации 14.07.2021

DOI: 10.15372/HSS20210308
УДК 821.161.1-93

Н.Н. РОДИГИНА

КАКОЙ БЫТЬ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О СИБИРИ: ДИСКУССИИ 1950-х гг.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье на основе материалов совещаний детских писателей Сибири, публикаций периодической печати анализируется дискуссия о том, какой должна быть региональная детская литература, какие образы Сибири нужно транслировать юным читателям. В рамках институционального подхода рассматриваются взгляды на творчество сибирских детских писателей, их коллег, педагогов, журналистов, библиотекарей. Сделаны выводы о том, что «оттепельные» тенденции в сибирской детской литературе, едва появившись в начале 1950-х гг., не получили своего развития к концу изучаемого десятилетия. В детской литературе и в дискуссиях по ее поводу преобладали репрезентации Сибири как места революционных событий, территории ударных комсомольскихстроек, края строящихся наукоградов.

Ключевые слова: XX век, детская литература, сибирские писатели, образ Сибири, дискуссии о задачах и темах советской детской литературы.

N.N. RODIGINA

WHAT CHILDREN'S LITERATURE ABOUT SIBERIA SHOULD BE: DISCUSSIONS OF THE 1950s

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

In the article the author seeks to answer the following questions: 1) who determined what children's authors should write about Siberia in the 1950s and what children's literature should be like; 2) if there were discrepancies on this topic in the period from the late Stalinism to the Thaw; 3) what representations of the region were favorable for children's authors, teachers, librarians and young readers themselves in these years. This article is written as a combination of history of childhood, history of children's literature and historical imagology. Views on the work of Siberian children's authors, their colleagues, teachers, journalists and librarians are analyzed within the framework of institutionalized approach. Unpublished protocols of meetings of children's authors from Siberia that took place in September of 1953 and May 1958 that are kept in the State Archive of Novosibirsk region (GANO), publications of the newspaper "Sovetskaya Sibir" and the journal "Sibirskie Ogni" (1950–1958) about those meetings and about regional children's literature, lists of recommended literature that were compiled by metropolitan and Siberian librarians are being used as sources for this article.

The author concludes that the Thaw tendencies in the Siberian children's literature that barely appeared in the beginning of 1950s didn't develop by the end of the decade. Mainly the authors themselves (both local and metropolitan), librarians and sometimes members of pedagogical community took part in the discussions on topics what children's authors should write about Siberia in the 1950s and what children's literature should be like on the regional level. Representations of Siberia as a place of torment of people condemned to political exile, revolutionary events of the early 20th century, territories of heroic achievements of the postwar five-year plans and impactful Komsomol constructions, the land of emerging science cities, symbolic distant countries on the literary map of Soviet readers, decorations for "bildungsroman", adventure stories and fantastic literature prevailed in children's literature and in discussions about it.

Key words: children's literature of the 20th century, Siberian authors, image of Siberia, discussions about goals and themes of Soviet children's literature.

Наталья Николаевна Родигина – д-р. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: natrodigina@list.ru.
Web of Science Researcher ID S-5134-2016; <https://orcid.org/0000-0003-4938-0924>.

Nataliya N. Rodigina – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы детская литература является предметом пристального внимания не только литературоведов и социологов чтения, но и историков культуры, специалистов в области политической истории. На мой взгляд, можно выделить два ключевых мотива обращения к теме. Во-первых, исследование сюжета о том, как правильно писать о регионе для детей, расширит наши представления о репрезентациях Сибири в советской культуре 1950-х гг. Во-вторых, на конкретном хронологическом отрезке позволит выявить акторов, принимавших участие в определении целей, функций, авторского корпуса, тематики региональной детской литературы.

Выбранная тема является продолжением серии моих статей, посвященных участию детских писателей, журналистов, педагогов в борьбе за формирование сибирского детского читателя, а также образом Сибири в детской литературе 1880–1980-х гг. [1, 2].

Для понимания исторического контекста обсуждения вопроса о задачах и перспективах детской литературы о регионе я обращалась к общим работам по истории советской культуры (в том числе литературы) позднего сталинизма и «оттепели» (см., напр.: [3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10]). Я опиралась на выводы обобщающих работ по истории советской детской литературы И.Н. Арзамасцевой, Е.О. Путиловой, Б. Хеллмана касающиеся эволюции форм и методов государственного контроля над детской литературой, а также на их наблюдения о тематических и жанровых приоритетах детских писателей советской эпохи [11, 12, 13].

Поскольку одним из институтов социализации читателей детской литературы была советская школа, в фокус моего внимания попали работы, посвященные школе 1950-х гг. (см., напр.: [14, 15, 16]). Они позволили сформировать представление о реалиях, на фоне которых разворачивалась дискуссия о детской литературе, о том, какие именно сюжеты школьной жизни волновали авторов и читателей произведений, педагогов, библиотекарей, партийных идеологов. В частности, я опираюсь на мнение М.Л. Майофис о том, что первые предвестия «оттепели» появились в советской школе еще в позднесталинскую эпоху, когда возникла сама возможность публичного обсуждения индивидуализации и гуманизации в обращении со школьниками, провозглашения «борьбы с формализмом» и необходимости творческого подхода в преподавании, обоснования курса на развитие самостоятельного мышления и индивидуального подхода [17].

Однако наибольший интерес для меня представляли исследования М.Л. Майофис, К.А. Маслинского, О.А. Симоновой, А.В. Фатеева, непосредственно касающиеся детской литературы изучаемой эпохи

[18, 19, 20, 21, 22]. Отправными для меня стали следующие наблюдения названных авторов: 1) противопоставление «правды» и «лжи» как ключевой вопрос детской литературы с 1953 г. и борьба с ханжеством как одна из тенденций эпохи; 2) акцентирование внимания на роли литературных редакторов как одного из ключевых «игроков» поля детской литературы; 3) анализ конкурентной борьбы за влияние на этом поле таких институтов, как детские издательства, органы народного образования, пионерская и комсомольская организации, писательская организация в центре и на местах. К этому списку я бы добавила библиотеки и литературную критику, которые уже с 1930-х гг., как свидетельствуют исследования Е.О. Путиловой и С.Г. Маслинской, включились в «бои» за то, какая литература нужна юным читателям [23, 24].

В качестве основного мною востребован историко-функциональный подход к изучению детской литературы как социального института. Этот подход ориентирует на то, что изучаются не отдельные детские писатели, писавшие о Сибири, а роль детской литературы в формировании репрезентаций региона в русской культуре, ее авторский корпус и адресаты, обстоятельства, влиявшие на формирование представлений о регионе, каноны, по которым он конструировался и с которыми соотносился.

В центре моего внимания следующие вопросы: 1) кто определял, что писать о Сибири детским писателям в 1950-х гг. и какой вообще должна быть детская литература; 2) были ли разночтения в этом вопросе в начале и во второй половине избранного десятилетия, иначе говоря, в период от позднего сталинизма к «оттепели»; 3) какие именно образы региона представлялись предпочтительными для детских писателей, педагогов, библиотекарей в эти годы.

В качестве источников мною привлечены неопубликованные протоколы совещаний детских писателей Сибири, проходивших в сентябре 1953 г. и мае 1958 г., хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО); публикации газеты «Советская Сибирь» и журнала «Сибирские огни» (1950–1958) об этих совещаниях, а также о региональной детской литературе; списки рекомендательной литературы, составленные столичными и сибирскими библиотекарями.

Моя гипотеза состоит в том, что предвестники «оттепели» в детской литературе, появившись в начале 1950-х гг., на региональном уровне мало изменили риторику местных литераторов о задачах региональной литературы и образе Сибири в ней.

ДИСКУССИЯ НАЧАЛА 1950-х гг.

Г.Н. Тубельская выяснила, что первые книги для детей о Сибири стали публиковаться в первой поло-

вине 1920-х гг. Первой детской книгой, изданной Сибирским государственным издательством (далее Сибгосиздат) в Новониколаевске, стала сказка Л.Н. Сейфуллиной «Хехекса и плакса» (1922) [25, с. 42–43]. В 1921 г. Сибгосиздатом совместно с представителями Соцвоса и Сиббюро РКСМ была создана комиссия по детской литературе. Ее члены – сибирские писатели Г.М. Пушкарев, К.Н. Гайлит, А.И. Герман, Е.К. Стюарт, А.Р. Пугачев, П.В. Гинцель, С.Х. Баранов, М.А. Кравков, В.И. Мрачковский, В.А. Зверев, А.А. Кузнецова, Г.А. Вяткин – устраивали читки произведений для детей, проводили литературные конкурсы, организовывали встречи со школьниками, выступали в периодической печати и на Первом съезде писателей Западной Сибири в июне 1934 г. с критическими статьями и докладами по поводу современного состояния, проблем и перспектив детской литературы, размышляя о том, кому быть детским писателем и как правильно писать о Сибири для детей. Во второй половине 1930-х гг. дискуссии о задачах, темах, образах детской литературы в западносибирском сообществе детских писателей и педагогов практически прекратились. Это было связано как с утверждением соцреалистического канона в детской литературе, так и с тем, что значительная часть их участников была репрессирована и расстреляна (А.А. Ансон, Г.А. Вяткин, К.Н. Гайлит, В.А. Итин, М.А. Кравков, В.А. Зверев, В.Д. Вегман) [1].

Новый виток интереса к детской литературе о Сибири был спровоцирован двумя событиями начала 1950-х гг.: 1) статьей К. Немиры и И. Сотникова о детской литературе Сибири в художественной литературе, вышедшей в феврале 1950 г. в «Сибирских огнях»; 2) совещанием детских литераторов Сибири, организованным комиссией по детской литературе Союза писателей СССР в сентябре 1953 г. В упомянутой статье, написанной по следам XIII пленума правления Союза советских писателей СССР, где обсуждался вопрос о детской литературе, подводились итоги развития региональной литературы за первые послевоенные годы. Начинается статья хрестоматийным противопоставлением «развращенной буржуазной культуры», которая «уродует человека, прививает ему все низменное, гнусное, античеловеческое, лишает его веры в жизнь, уводит в мир мистики, воспитывает предателей, воров и жуликов» [26, с. 146], и «самой передовой и идейной» советской детской литературы. Привлекая цитаты из приветствия ЦК ВКП(б) XI съезду ВЛКСМ (1949), авторы напоминают читателям о главной задаче детской литературы – помочь воспитанию «бесстрашных, бодрых, жизнерадостных, уверенных в своих силах, готовых преодолевать любые трудности бойцов за свободу и честь нашей Родины, за дело Ленина–Сталина, за по-

беду коммунизма» [Там же, с. 146]. Статья носила достаточно критический характер. Сибиряки и дальневосточники упрекались в том, что за 1946–1949 гг. издали всего полтора десятка книг для детей; для местной литературы характерна узкая тематика, в ней, к примеру, мало книг о патриотическом труде, о советской семье, о детском саде и младших классах [Там же, с. 147]; ее авторы не уделяли должного внимание достижениям советской современности [Там же, с. 148]; нет сказок «о нашем героическом времени», мало книг о победоносной борьбе советского народа против фашистских захватчиков [Там же, с. 150], скупо показана жизнь советской школы, не раскрыта работа пионерских и комсомольских организаций, творческого и новаторского труда советских учителей [Там же, с. 156]. Примечательна, с точки зрения выяснения языковых практик говорения о детской книге, следующая цитата: «Книга для детей, если она оторвана от советской жизни, от советских взглядов на вещи, явления, в лучшем случае будет воспитывать просто благонаправленного ребенка, в не советского патриота, не маленького большевика и гражданина, с детства усваивающего принципы новой морали коммунистического коллектива» [Там же, с. 148].

По мнению авторов, ощущалась нехватка произведений о социалистической Сибири, «крае угля и металла, края фабрик и заводов, края мощно развитой индустрии и могучего сельского хозяйства» [Там же, с. 150]. Среди причин, предопределивших недоработки сибирских детских писателей, упомянуты недостаточное внимание правлений областных и краевых отделений Союза писателей к детской литературе, незначительный приток молодых литературных сил, непривлечение к созданию детских книг ученых, инженеров, выдающихся новаторов социалистического труда, педагогов, пионерских и комсомольских работников [Там же, с. 156]. Здесь очевидны отзвуки призывов к мобилизации в детскую литературу, активно раздававшиеся со второй половины 1920-х гг. как на столичном, так и на региональном уровнях.

В совещании 1953 г. наряду с сибирскими литераторами приняла участие «бригада писателей» из Москвы в составе Ю.Я. Яковлева, С.А. Могилевской, Н.В. Лукина, А.А. Дорохова, В.И. Банькина и др. На первый взгляд, риторика обсуждения целей детской литературы и задач региональных писателей в сравнении с уже упомянутым Первым съездом западносибирских писателей 1934 г. и проанализированной ранее статьей не особенно изменилась. Было вновь продекларировано, что «партия рассматривает детскую художественную литературу как большой и ответственный участок всей советской литературы, помогающей партии и государству воспитать советскую

молодежь бодрой, верящей в свое дело, не боящейся препятствий, готовой преодолеть любые трудности»¹. По-прежнему идейность, злободневность и дидактичность ставились выше художественности. К примеру, в неопубликованных протоколах совещания читаем показательную в этом смысле реплику из выступления поэтессы Е.К. Стюарт: «Нерешенными для меня остаются еще целый ряд вопросов, связанных с сочетанием поэтичности и дидактики. Мне, как автору, гораздо больше радости доставляют стихи на современную тему, где раскрыты черты нового, чем вообще хорошие стихи о природе как таковой. Хочется красочно и ярко отражать нашу жизнь»².

На совещании подчеркивался количественный рост авторов, пишущих о регионе. Так, в заметке о совещании в «Сибирских огнях» отмечено: «В Сибири ряд писателей – Г. Пушкарев, И. Молчанов, К. Урманов, Е. Стюарт, Г. Кунгуров, А. Кузнецова, Н. Устинович – давно и успешно работают над произведениями для детей. За последние годы появились интересные произведения новых детских писателей – Ю. Сальникова, М. Михеева, Н. Осинина, Е. Коронаевой (Новосибирск), Н. Дворцова, Н. Чебаевского (Барнаул)... Краевые и областные издательства Сибири выпускают по несколько книг для детей... В Новосибирске выходит сборник произведений для детей “Золотые искорки”» [27, с. 187].

Однако на фоне этих оптимистичных деклараций появились и новые критические ноты. Наряду с очередной констатацией факта, что книг для детей среднего и младшего возраста, написанных «местными литературными силами», явно не хватает, как и произведений о школе и приключенческой литературы, вполне в духе времени местным писателям адресуются упреки в «формализме и лакировке действительности». Подробно история борьбы с формализмом в послевоенной культуре описана Е. Добренко [5]. Так, столичный писатель Ю.Я. Яковлев адресовал Е.К. Стюарт следующие замечания: «В книгах детских было много парадности, лакировки. Есть такое и в книге Е. Стюарт: “переполненный задором”. И стихотворение “Яблоки” – само румяное, парадное. Описание внешних красивых вещей, за ним не видно борьбы. [...] В очень многих стихах автор пишет от имени “мы”. Это безликий коллектив. Абстрактные “мы” и выразительнее, когда будет показан один конкретный человек. И много цифр – сорок ребят. Круглые, ничего не выражающие цифры»³.

Упреки предъявлялись за отсутствие психологизма и пристального внимания к описанию душев-

ного мира ребенка, бесконфликтность, схематизм. Один из авторов проанализированной нами статьи 1950 г., К. Немира, в статье «Советской Сибири», написанной по результатам совещания, отмечал: «В любом художественном произведении... должны действовать живые люди, а не однобокие или поверхностные схемы, в каждом произведении характеры людей должны раскрываться во всем своем многообразии и неповторимости, в борьбе, в противоречиях, в конфликтах»⁴. Вслед за М.Л. Майофис и рядом других исследователей можно интерпретировать отдельные выступления на совещании и статью в новосибирской областной газете как начало «оттепели» в советской литературе, проявившееся в появлении статей О. Берггольц (апрель 1953 г.), а также хронологически чуть более поздних резонансных текстов В. Померанцева «Об искренности в литературе» (декабрь 1953) и Л. Чуковской «О чувстве жизненной правды» (декабрь 1953) [21].

Любопытно, что и читатели, далекие от мира литературной критики, начинали предъявлять к книгам требования жизненной правды, понимаемой порой буквально, игнорируя право автора художественного произведения на вымысел. Наглядно это проявилось в обсуждении на страницах «Сибирских огней» книги Н.Б. Карнеевой «Школа», вышедшей в Новосибирском книжном издательстве в 1953 г. и посвященной сельскому учителю. Кандидат педагогических наук П.Д. Войтик, к примеру, хвалил автора за то, что молодой учитель может найти полезные советы для практической работы [28, с. 183]. Завуч средней школы № 10 г. Новосибирска К.А. Нечаев, наоборот, упрекал автора за конкретные ошибки методического характера. Например, главному герою было поручено вести четыре класса. «При работе одного учителя одновременно с четырьмя классами обычно сочетают 1 и 3, 2 и 4, а Суханов ведет работы с 1 и 2 одновременно» [29, с. 185] и др.

ДИСКУССИЯ КОНЦА 1950-Х ГГ.

Хронологически «оттепельным» можно назвать Всесибирское совещание по детской литературе, прошедшее в Новосибирске 26–30 мая 1958 г. В его работе приняли участие литераторы из Алтайского и Красноярского краев, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской и Читинской областей. Московскую писательскую организацию представляли Л.С. Соболев, М.П. Прилежаева, В.В. Архангельский, К.С. Бадин, В.Ф. Глушенко и др.⁵ Было заявлено, что в основу всей работы совещания положено выступление Н. С. Хрущева «За тесную

¹ Немира К. Некоторые вопросы развития детской литературы в Сибири // Сов. Сибирь. 1953. 25 сент. С. 2.

² ГАНО. Р-1597. Оп. 1. Д. 117. Л. 2.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Немира К. Некоторые вопросы развития детской литературы в Сибири // Сов. Сибирь. 1953. 25 сент. С. 2.

⁵ ГАНО. Р-1597. Оп. 1. Д. 148. Л. 6.

связь литературы и искусства с жизнью народа» (1957). Примечательно, что параллельно с рабочими встречами литераторов друг с другом, педагогами, сотрудниками библиотек, партийными и комсомольскими работниками, городской общественностью, школьниками были организованы экскурсии на строительство Академгородка и ОбьГЭС, посещение местных театров, что позиционировало город как центр науки, промышленности и культуры, ассоциировавшийся с социалистической Сибирью будущего⁶.

Основной доклад «Большая литература для маленьких» был сделан писателем, комсомольским работником А.В. Никульковым (впоследствии известным литературным функционером). Как это было принято в такого рода текстах, докладчик представил свой вариант генеалогии сибирской детской литературы, включив в нее в качестве отцов-основателей И. Молчанова-Сибирского как вдохновителя написанной иркутскими пионерами «Базы курносых» (1934); Г. Пушкарева как патриарха историко-революционной темы и «неутомимого организатора детской литературы Сибири»; Е. Стюарт, посвятившую сибирской поэзии более четверти века, П. Маляревского – первого детского драматурга Сибири [30, с. 166]. Среди «взрослых» сибирских литераторов, адресовавших произведения детской аудитории, упомянуты рассказы К. Урманова, «воспевающие сибирскую природу», «познавательные книжки» А. Коптелова, влекущие к путешествиям тексты А. Смердова, книга о мужественных людях К. Лисовского, стихи Н. Первалова и В. Пухначева.

Однако опять же в духе времени основное внимание в докладе было уделено недоработкам сибирских детских писателей. Они критиковались за стремление надеть ребятам «розовые и голубые очки» и оградить их от мужественной правды, от борьбы и воспитания классово-ненависти. «Мы – писатели, идеологические оруженосцы своего народа, – не имеем права ни на минуту поднять забрала, снять шлемы и, отложив оружие, впериться созерцающим взглядом в лучезарное небо», – вполне в духе предшествующего милитаризованного дискурса заявлял докладчик [30, с. 170]. Призывая говорить с детьми языком романтическим, языком героизма Никульков с пафосом восклицал: «Горнисты должны быть отмобилизованы! И приказа о мобилизации они ждут, в том числе и от детской литературы» [Там же, с. 171]. Традиционно авторы критиковались за невнимание к проблеме трудового воспитания молодежи и в этом контексте за недооценку сибирской темы в детской литературе, так как именно «Сибирь является краем наибольшей концентрации трудовой энер-

гии советского человека. Целина, покорение рек, создание новых городов в таежных дебрях и глухих степях: Междуреченск, Ангарск, Мирный, Братск, Алзамай и десятки других, создание новых промышленных районов» [Там же, с. 172–173]. Она – «форпост 6-й пятилетки». Никульков призвал местных писателей творить, чтобы детям Москвы и Воронежа, Владимира и Кишинева захотелось «бежать» в Сибирь. При этом писать так, «чтобы не реи пиратских кораблей их манили, а арматуры, воздвигнутые верхолазами, с которых видно так далеко, как не увидишь ни с какой мачты; чтобы не прерии с табунами мустангов им снились, а целинные земли с колоннами тракторов, не тайны островов Сокровищ и Монте-Кристо влекли их к себе, а тайны вещества, еще до конца познанного наукой, и тайны Васюганских болот, лежащих на железе» [30, с. 174].

Попутно замечу, что идея популяризировать образ Сибири нашла отклик у участников совещания. Так, новосибирский актер и писатель Ю.М. Магалиф предложил организовать командировки местных литераторов в Москву, Ленинград, Рязань, Тулу, Орел, чтобы рассказывать о нашем регионе и помогать таким образом решить проблему привлечения рабочих рук⁷. Высказывалось пожелание – издать в одном из столичных издательств сборник с рассказами и стихами местных литераторов о Сибири.

Однако ни в выступлениях докладчиков, ни на заседаниях секций на семинаре практически не упоминалось о тех сюжетах, которые обсуждались в литературном сообществе в начале 1950-х гг.: о теме обнажения жизненной правды и лжи, осмыслении моральных проблем советской школы, пионерской и комсомольской организаций. Можно предположить, что развернувшаяся дискуссия по поводу повести М. Бременера «Пусть не сошлось с ответом», а затем появившаяся по ее результатам критическая записка отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС 22 ноября 1956 г., интерпретирующая повесть «как идейно-порочное произведение», свидетельствующее о «нездоровых явлениях в среде детских писателей»⁸, в определенной степени блокировали обсуждение названных тем.

Среди достижений сибирских авторов неоднократно упоминалась успешная мобилизация людей разных профессий в детскую литературу. Неоднократно подчеркивалось, что для детей пишут сельский учитель из Колыванского района Новосибирской области С. Мосияш, кандидат биологических

⁷ ГАНО. Ф. Р-1597. Оп. 1. Д. 153. Л. 47.

⁸ Записка отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР об обсуждении в Доме детской книги повести М.С. Бременера «Пусть не сошлось с ответом!» // Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы. М., 2001. С. 564.

⁶ ГАНО. Р-1597. Оп. 1. Д. 148. Л. 2.

наук из Восточно-Сибирского филиала Академии наук СССР, иркутянин А. Смирнов, мастер токарного участка из Омска Т. Белозеров, инженер-лесотехник из Иркутска В. Киселев и др.⁹

Любопытна критика детской литературы о Сибири со стороны библиотекарей, от имени которых выступила заведующая новосибирской детской библиотекой А.Н. Шатунова. В отличие от писателей, она акцентировала внимание не на художественных достоинствах книг, как ее коллеги на аналогичных совещаниях 1930-х гг., не на нехватке приключенческой литературы и фантастики, о чем говорили сами литераторы, а на недостаточном количестве историко-революционной литературы, книг о Великой Отечественной войне и о трудовых подвигах современной молодежи в Сибири: «... для сибирских писателей первейшая и святая обязанность – писать о Сибири, о ее революционном прошлом, о декабристах и Чернышевском, о революционерах-большевиках, которые вместе с народом превращали Сибирь кандалную в Сибирь социалистическую. Нам, библиотечным работникам, хочется, чтобы для детей появились книги и об Отечественной войне, и о трудовых подвигах современной молодежи» [30, с. 175]. Замечу, что в 1957 г. к 40-летию советской власти областной детской библиотекой был даже издан аннотированный библиографический указатель «Знай революционное прошлое родного края» [31]. Однако несмотря на это, литературы революционно-патриотической направленности, по мнению многих участников совещания, не хватало. Именно такие работы наряду с произведениями классической литературы доминировали в списках рекомендательной литературы и сборниках обзорных статей о книгах (например, в сборнике «Детская литература в 1950 г.») [32; и др.]. Однако в письмах детей-читателей, публиковавшихся порой в такого рода изданиях, часто упоминались в качестве любимых школьные повести, научно-популярная литература о регионе.

Среди проблем, над которыми предстояло работать сибирским литераторам, назывались все те же, что и в позднесталинское время: мелкотемье, формализм, отсутствие связи с современностью. Такое ощущение, что лучи «оттепели» рассеялись в дискурсе о детской литературе Сибири до наступления знаменитого XX съезда и погасли в 1953 г., вернувшись лишь в начале 1960-х гг. О самом съезде на совещании и в материалах СМИ по его итогам упоминалось главным образом в выступлениях московских литераторов Л.С. Соболева, В.В. Архангельского и основателя Академгородка – академика М.А. Лаврентьева.

Наиболее любопытной представляется интерпретация текущего момента В.В. Архангельским, в творческом багаже которого была одна книга о Сибири («Как я путешествовал по Алтаю», 1958). С его точки зрения, литературный процесс в стране характеризовали следующие черты: 1) консолидация сил советской литературы наряду с осуждением тех членов писательской организации, которые «допустили политическую слепоту и пытались выдать белое за черное»; 2) тенденциозность партийность «нашей литературы, которая призвана служить народу в его титанической борьбе за коммунизм» и «должна перейти в открытое наступление на чуждую нам идеологию, каким бы флагом она не прикрывалась»; 3) «жизнеутверждающее начало, показ гигантской созидательной работы в стране, раскрытие положительного героя нашего времени, создание ярких образов передового человека: новатора, творца, умеющего дерзать, глубоко мыслить – радоваться и страдать»; 4) главный метод – социалистический реализм, а главные задачи – внимание к языку и понимание силы его воздействия, к сюжету – показ героя в развитии, реалистическое письмо вместо бытописательства, к лепке характеров – показывать, как преодолевать пороки и недостатки; 5) главная опасность – ревизионизм, под которым понималась «недопустимая переоценка ценностей, откровенная сдача позиций врагу, худшая разновидность «беспартийности», формалистических блуждания, пренебрежительное отношение к сокровищам нашей великой русской литературы, критиканство, очернительство жизни, нигилизм»¹⁰. За исключением, пожалуй, борьбы с ревизионизмом, мне не удалось найти сколько-нибудь нового в этом перечне в сравнении с декларациями начала 1950-х гг.

Одно из редких упоминаний о тех явлениях литературной жизни, которые соотносятся с эпохой «оттепели», встречаем в докладе академика М.А. Лаврентьева, заметившего, что роман Дудинцева «Не единый хлеб» (речь шла, конечно, о «Не хлебом единым» (1956)) «многим ученым нравился, хотя тема мелковата и, конечно, там уж очень много поклепа, но не то все-таки, мы хотим более положительной программы и более крупных размахов»¹¹. Одновременно Лаврентьев под бурные аплодисменты присутствующих призывал к созданию хороших научно-фантастических романов, герои которых преодолевают огромные трудности: «Товарищи, сейчас положение такое, что те романы, которые мы с большим удовольствием читали, Жюль Верна, Уэльса, Алексея Толстого “Гиперболоид инженера Гарина”,

⁹ Слово об авторах // Сов. Сибирь. 1958. 30 мая. С. 3.

¹⁰ ГАНО. Р-1597. Оп. 1. Д. 148. Л. 9–11.

¹¹ Там же. Д. 153. Л. 14.

это как раз все осуществлено. Сейчас все это читать перестали. Раньше ученые очень и очень любили читать, до глубокой старости увлекались, перечитывали десятки раз эти романы, сейчас читать скучно, потому что все что описывается, на самом деле гораздо интереснее сделано. И вот, товарищи, первое обращение к вам, заказ, наказ от ученых – пофантазировать подалеже, чтобы все-таки наша молодежь, как все мы ученые, в молодом возрасте, мы все читали и увлекались этими видами, такой научной фантастикой, мечтами психологического и всяческого прогресса, они как-то в подсознание закладываются... И вот побольше таких хороших фантастических романов с преодолением огромных трудностей. Нужно, чтобы с самого начала привыкли, что без труда ничего не дается. И борьба с природой, которую нужно заставить так, как вы хотите, а не так, как она хочет... Вот этот самый эпос борьбы, очень ждем его. Жюль Верн, там все это есть, но вы знаете, что уже очень все это устарело»¹².

Как показано И.В. Кукулиным, в конце 1950-х гг. в СССР вообще резко усилился интерес к фантастике (и переводной, и отечественной), о чем наглядно свидетельствуют публикации в научно-технических и научно-популярных журналах «Техника–молодежи», «Знание – сила» и др. Я согласна с Кукулиным и в интерпретации причин роста популярности этого жанра: изменение политической атмосферы способствовало развитию представлений о вариативности будущего, не случайно определяющей характеристикой риторики Хрущева стала легитимизация советского строя «через будущее» в противовес «легитимизации через прошлое», ставшей проблематичной после разоблачения культа личности. Фантастика «оттепели» переходит от узкотехнических тем к социальным и поднимает философские проблемы [33]. Именно к созданию такого рода литературы и призывал Лаврентьев, и его идея получила воплощение в творчестве присутствовавшего на совещании Марка Сергеева, написавшего в 1964 г. фантастическую повесть «Машина времени Кольки Спиридонова», впоследствии неоднократно переизданную.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в дискуссиях о том, что писать о Сибири детским писателям в 1950-х гг. и какой вообще должна быть региональная детская литература, принимали участие главным образом сами литераторы (как местные, так и столичные), работники библиотек, реже представители педагогического сообщества. Мне не удалось найти почти никаких следов участия в этом процессе самих детей (за исключением пере-

сказа их мнения о конкретных книгах в аннотированных обзорах книг, подготовленных библиотеками). Возможно, это объясняется отсутствием в регионе детской периодики, которая бы инициировала обсуждение книг, как это было в первые советские десятилетия, когда издавался «Сибирский детский журнал» (1928–1931), впоследствии переименованный в журнал «Товарищ», газета «Юный ленинец» (1924–1941 гг.).

Среди актуальных образов Сибири, как и в 1920–1930-е гг., по-прежнему лидирует образ региона как место страданий декабристов или территория становления профессиональных революционеров-большевиков, место каторги в Российской империи. Продолжают наполняться новым содержанием репрезентации новой индустриальной Сибири (вместо крестьянского Эльдorado в прошлом), территории романтиков и ударных комсомольскихстроек, пришедшей на смену страны «трех Т» – тайги, тюрьмы и темноты. Наряду с этим молодыми литераторами с 1950-х гг. конструируется «новый» образ Сибири как территории будущего, наукоградов, молодежныхстроек, символических «дальних стран» на литературной карте советских читателей, места символического побега амбициозных молодых людей, декорации для «романа воспитания», приключенческой и фантастической литературы.

Вопрос о причинах отсутствия общественной и профессиональной дискуссии по поводу детской литературы Сибири в связи с «оттепелью» для меня пока остается открытым. Предполагаю, что могла оказать свое влияние боязнь повторить печальную судьбу участников дискуссий 1930-х гг., уязвимость и зависимость от власти социoproфессиональных сообществ – литераторов, педагогов, библиотекарей, инерционность мышления и неверие в долгосрочность перемен. Кроме того, в востребованных мною источниках, представленных делопроизводственной документацией и материалами периодической печати, отражалась официальная точка зрения, которая могла не совпадать с тем, что думали на самом деле участники дискуссий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Родигина Н.Н. Как писать для детей о «нашем крае»: версия писателей Западной Сибири конца 1920-х – начала 1930-х гг. // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 119–132.
2. Родигина Н.Н. Индустриальная Сибирь как цель и как мечта: образ региона в детских книгах 1920–1980-х гг. // Пути России 1917–2017: Сто лет перемен. СПб.: Изд-во: «Нестор-История». С. 184–193.
3. Антпина В. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е гг. М.: Молодая гвардия, 2005. 408 с.
4. Добренко Е. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен: Otto Sagner, 1993. 405 с.
5. Добренко Е. Поздний сталинизм: эстетика политики. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Т. 1. 712 с.

¹² ГАНО. Ф. Р-1597. Оп. 1. Д. 153. Л. 14–15.

6. Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е – 1960-е годы. М.: Диалог–МГУ, 1999. 396 с.
7. Кларк К. Советский роман: История как ритуал. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 262 с.
8. Эггелинг В. Политика и культура при Хрущеве и Брежнев. 1953–1970 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 310 с.
9. Fürst J. The Arrival of Spring? Changes and Continuities in Soviet Youth Culture and Policy between Stalin and Khrushchev // *The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era*. London; New York: Routledge, 2006. P. 135–153.
10. Petrified Utopia: Happiness Soviet Style. London: Anthem Press, 2009. 307 p.
11. Арзамасцева И.Н. «Век ребенка» в русской литературе 1900–1930 годов. М.: Прометей, 2003. 404 с.
12. Путилова Е.О. Детское чтение – для сердца и разума: очерки по истории детской литературы. СПб.: Изд-во РГПУ, 2005. 402 с.
13. Хеллман Б. Сказка и быль: история русской детской литературы. М.: НЛЮ, 2016. 555 с.
14. Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М.: НЛЮ, 2015. 715 с.
15. Иванова Г.М. Советская школа в 1950–1960-е годы. М.: Московское время, 2018. 430 с.
16. Келли К. «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в постсталинское время // *Антропологический форум*. 2004. № 1. С. 104–155.
17. Майофис М. Предвестия «оттепели» в советской школьной политике позднесталинского времени // *Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е)*. М.: НЛЮ, 2015. С. 35–106.
18. Симонова О. Детская книга в фокусе влияний (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) // *Детские чтения*. 2016. № 2. С. 170–189.
19. Литовская М. А. Школьная повесть как инструмент анализа повседневности советской школы // *Антропология советской школы: культурные универсалии и провинциальные практики*. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2010. С. 278–291.
20. Маслинский К. Советский учитель на фоне школьной повести: корпусная перспектива // *Детские чтения*. 2014. № 2. С. 112–126.
21. Майофис М. Повесть М. Бременера «Пусть не сошлось с ответом!» (1956) и программа обновления педагогики и литературы в советском обществе начала «оттепели» // *Детские чтения*. 2016. № 2. С. 53–69.
22. Фатеев А.В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР. М.: МАКС Пресс, 2007. 352 с.
23. Путилова Е.О. Очерки по истории критики советской детской литературы, 1917–1941. М.: Детская литература, 1982. 175 с.
24. Маслинская С.Г. Михаил Абрамович Гершензон: профиль критика детской литературы в 1920–1930-е гг. // *Детские чтения*. 2015. № 2. С. 65–75.
25. Тубельская Г.Н. Из истории детской литературы Сибири в 20-е годы // *Тр. Восп.-Сиб. гос. ин-та культуры*. Улан-Удэ, 1970. Т. VI. С. 37–87.
26. Немира К., Сотников И. Детская литература Сибири // *Сибирские огни*. 1950. № 2. С. 140–150.
27. Детям – хорошую книгу // *Сибирские огни*. 1953. № 6. С. 186–188.
28. Войтик П. Первый роман о школе и учителях Сибири // *Сибирские огни*. 1953. № 6. С. 183–184.
29. Нечаев К.А. Роман о сельских учителях // *Сибирские огни*. 1953. № 6. С. 184–185.
30. Всесибирское совещание по детской литературе // *Сибирские огни*. 1958. № 7. С. 165–177.
31. Шатунова А.Н. Знай революционное прошлое родного края. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1957. 22 с.
32. Детская литература в 1950 г.: сб. обзорных статей. М.; Л.: Гос. из-во детской литературы, 1951. 259 с.
33. Кукулин И.В. Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // *Новое литературное обозрение*. 2017. № 3 (145). С. 61–85.

REFERENCES

1. Rodigina N.N. How to write about “our land” for children: West-Siberian writers’ version of the late 1920s – early 1930s. *Sibirskiy Filologicheskij Zhurnal*. 2020, no. 4, pp. 119–132. (In Russ.)
2. Rodigina N.N. Industrial Siberia as a goal and as a dream: the image of the region in children’s books of 1920s–1980s. *Puti Rossii. 1917–2017. Sto let peremen*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 184–193. (In Russ.)
3. Antipina V. Daily life of the Soviet writers. 1930s–1950s. Moscow: Molodaya gvardiya, 2005, 408 p. (In Russ.)
4. Dobrenko E. Metaphor of power: Literature of Stalinism from a historical perspective. Munich: Otto Sagner, 1993, 405 p. (In Russ.)
5. Dobrenko E. Late Stalinism: aesthetic of politics. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie (NLO), 2020, vol. 1, 712 p. (In Russ.)
6. Zezina M.R. Soviet art intelligentsia and authorities in the 1950s–1960s. Moscow: Dialog-MGU, 1999, 396 p. (In Russ.)
7. Clark K. Soviet novel: history as a ritual. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2002, 262 p. (In Russ.)
8. Eggeling V. Politics and culture under Khrushchev and Brezhnev. 1953–1970. Moscow: AIRO-XX, 1999, 310 p. (In Russ.)
9. Fürst J. The Arrival of Spring? Changes and Continuities in Soviet Youth Culture and Policy between Stalin and Khrushchev. *The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era*. London; New York: Routledge, 2006, pp. 135–153.
10. Petrified Utopia: Happiness Soviet Style. London: Anthem Press, 2009, 307 p.
11. Arzamastseva I.N. “A century of a child” in the Russian literature of the 1900s–1930s. Moscow: Izdatel'stvo Prometei, 2003, 404 p. (In Russ.)
12. Putilova E.O. Children’s reading for heart and mind: studies of history of children’s literature. SPb.: Izdatel'stvo RGPU, 2005, 402 p. (In Russ.)
13. Hellman B. Fairy Tales and True Stories: The History of Russian Literature for Children and Young People. Moscow: NLO, 2016, 555 p. (In Russ.)
14. Islands of utopia. Pedagogical and social design of Soviet postwar school. (1940–1980-е). М.: NLO, 2015, 715 p. (In Russ.)
15. Ivanova G.M. Soviet school in the 1950s–1960s. Moscow: Moskovskoe vremia. 2018, 430 p. (In Russ.)
16. Kelly K. “A school waltz”: daily life of Soviet school after Stalin. *Antropologicheskij forum*. 2004. no. 1, pp. 104–155. (In Russ.)
17. Maiofis M. Omens of the “Thaw” in Soviet school policy of the late Stalinism. *Ostrova utopii: pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoi shkoly (1940–1980-e)*. Moscow: NLO, 2015, pp. 35–106. (In Russ.)
18. Children books in focus of influences (late 1940s – early 1950s). *Detskie chteniia*. 2016, no. 2, pp. 170–189. (In Russ.)
19. Litovskaia M.A. School novel as a tool for analysis of daily life of the Soviet school. *Antropologiya sovetskoy shkoly: kul'turnyye universalii i provintsial'nye praktiki*. Perm': Permskiy universitet, 2010, pp. 278–291. (In Russ.)
20. Maslinskiy K. Soviet teacher and a school novel: a corpus perspective. *Detskie chteniya*. 2014, no. 2, pp. 112–126. (In Russ.)
21. Maiofis M. Novel of M. Bremener “Pust' ne sosholos' s otvetom” (1956) and a program of renewal of pedagogy and literature in the Soviet society of the early Thaw. *Detskie chteniya*. 2016, no. 2, pp. 53–69. (In Russ.)

22. Fateev A.V. Stalinism and children literature in politics of nomenclature of the USSR. Moscow: MAKS Press, 2007, 352 p. (In Russ.)
23. Putilova E.O. Studies of history of literary criticism of Soviet children literature. 1917–1941. Moscow: Detskaia literatura, 1982, 175 p. (In Russ.)
24. Maslinskaia S.G. Michail Abramovich Gershenzon: a profile of a literary critic of children literature in the 1920s x–1930s. *Detskie chteniia*. 2015, no. 2, pp. 65–75. (In Russ.)
25. Tubel'skaia G.N. From history of children literature of Siberia in the 1920s. *Trudy Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. Ulan-Ude, 1970, vol. VI, pp. 37–87. (In Russ.)
26. Nemira K., Sotnikov I. Children literature of Siberia. *Sibirskie ogni*. 1950, no. 2, pp. 140–150. (In Russ.)
27. Good books for children. *Sibirskie ogni*. 1953, no. 6, pp. 186–188. (In Russ.)
28. Voitik P. A first novel about school and teachers of Siberia. *Sibirskie ogni*. 1953, no. 6, pp. 183–184. (In Russ.)
29. Nechaev K.A. A novel about rural teachers. *Sibirskie ogni*. 1953, no. 6, pp. 184–185. (In Russ.)
30. All-Siberian conference on children's literature. *Sibirskie ogni*. 1958, no. 7, pp. 165–177. (In Russ.)
31. Shatunova A.N. Learn a revolutionary past of your region. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957, 22 p. (In Russ.)
32. Children's literature in the 1950s: ed. volume. M.; L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo detskoy literatury, 1951, 259 p. (In Russ.)
33. Kukulin I.V. Periodical press for engineers (ITR): Soviet public science journals and modeling of interests of late Soviet technological intelligentsia. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2017, no. 3 (145), pp. 61–85. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.05.2021

Дата рецензирования 10.05.2021

Статья принята к публикации 29.06.2021

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20210309

УДК: 94:323.2(47)"193"

Д. ШИРЕР

СКАЗ О КУЛАЦКОЙ КОРОВЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ, ОБВИНЕНИЯ И СКРЫТАЯ ЧИСТКА 1930-х гг.

Университет Делавэр,
США, DE 19716, Ньюарк Джон Монро Халл, 117

В статье описывается курьезный случай, произошедший в 1935 г. в Усинском районе Западно-Сибирского края. Районный комитет ВКП(б) признал дойную корову «кулацкой» и в качестве штрафа обложил ее сбором в размере нескольких литров молока в месяц. Хозяин коровы, фельдшер, пожаловался краевому прокурору, что повлекло за собой серьезное разбирательство. Автор изучает более широкие последствия этого, казалось бы, абсурдного инцидента и приходит к выводу, что данная история показывает в высшей степени размытость категорий социальной идентичности и социальной стигматизации в сталинском государстве. Обвинение коровы как «врага народа» раскрывает нечто большее, чем просто патологическую паранойю власти, а именно режим, не способный справиться с массовыми потрясениями, вызванными его собственной экономической и социальной политикой.

Ключевые слова: СССР, Западная Сибирь, 1930-е гг., сталинизм, раскулачивание, корова, идентичность, вина, голод, скрытая чистка.

DAVID R. SHEARER

THE TALE OF THE KULAK COW: SHIFTING IDENTITIES, BLAME, AND THE HIDDEN PURGE OF THE 1930s

University of Delaware,
117, John Munroe Hall Newark, DE 19716, USA

This article examines a strange case from 1935, in the Usinsk region of Western Siberia. There, a local Communist Party Committee indicted a milk cow as a “kulak” cow, an enemy of the people, and, as a fine, assessed it several liters of milk a month. The owner of the cow, a veterinary assistant who had purchased the animal at an auction, complained to the oblast prosecutor, and the matter created serious tension. This article examines the broader implications of this seemingly absurd incident and argues that, in fact, it is the absurdity of the story that begs explanation and holds a clue to the meaning of the tale. The tale of the kulak cow reveals, in the extreme, the way in which categories of social identity and social stigmatization in Stalin’s socialism became blurred, loosed from their moorings in class and property relations. The indictment of a cow as an enemy of the people reveals more than just a pathological paranoia; it shows a regime unable to cope with the massive dislocation created by its own economic and social policies. The indictment of a cow was a sign, not of arrogance and power, but of weakness and instability, the instability of a state and a regime whose local officials felt simultaneously besieged by an unruly and often hostile population and forgotten by a demanding state.

Key words: USSR, Western Siberia, 1930s, Stalinism, de-kulakization, identity, blame, famine, hidden purge

---

Дэвид Ширер – д-р ист. наук, проф., Университет Делавэр (США), e-mail: dshearer@udel.edu

David R. Shearer – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Delaware (USA).

In August 1935, the Soviet state's chief prosecutor for the Western Siberian district, Ignatii Barkov, received a curious complaint from the local prosecutor in the region of Usinsk, an isolated area in the central part of the huge Western Siberian agricultural plain. The complaint concerned a cow and a veterinary assistant, a certain Kil'diashev, who worked in the region. Kil'diashev, it seems, purchased the cow at a public auction of property confiscated from local families whose households had been seized for violations of Soviet property laws. These "kulak" families had been exiled to special labor colonies. Their property was sold publicly to local inhabitants under the auspices of two local government agencies: the Usinsk Regional Village Council (сельсовет Узинского района) and the Executive Committee of the Usinsk regional governing council (the Usinskii raionnyi ispolnitel'nyi komitet, or raisspolkom).

Kil'diashev thought he had struck a good bargain. His new cow was still young and producing milk, whereas the cow he had exchanged as the price for his new cow was old. Soon after his purchase, however, Kil'diashev received a notice from the Usinsk sel'sovet informing him that he was to be assessed a "kulak household obligation" («задание на кулацкое хозяйство») of five hundred liters of milk, yearly, owed to the sel'sovet¹. Believing he had been wronged, Kil'diashev took the matter to the local prosecutor and the prosecutor protested the obligation to both the sel'sovet and the raisspolkom. The prosecutor argued that, although Kil'diashev was an agricultural specialist, he engaged in no agricultural production and owned no land. Therefore, he should not be assessed a kulak obligation. In addition to his protests to the two local government agencies, the prosecutor asked for a review of the matter by the regional communist party committee, the raikom. The latter was not officially a government agency, but as the local representative of the country's ruling Communist party, the raikom was, in fact, the ultimate authority in the region on sensitive political matters such as assessment of kulak status.

Raikom first secretary Andreev delivered a terse reply to the Usinsk prosecutor. The obligation would not be withdrawn, explained Andreev, since it was not assessed against the veterinary assistant's household, "but against the kulak cow." The raikom would not allow anyone to change its decision. Andreev, not content with such a sharp reprimand, berated the prosecutor for not upholding the "law." He demanded that the prosecutor interfere no further in the matter. The last was a thinly veiled warning to the prosecutor not to refer his protest to higher authorities, which the prosecutor did anyway. Thus, the story of Kil'diashev and his cow ended up on Chief Prosecutor Barkov's desk in Novosibirsk, the administra-

tive and political center of the Western Siberian district. Barkov agreed with the Usinsk prosecutor and referred the matter to Robert Eikhe, First Secretary of the Western Siberian Communist Party. Barkov recommended that the obligation be removed from Kil'diashev's cow and that disciplinary action be taken against Andreev and other members of the local raikom and sel'sovet.

Archive documents do not reveal whether Eikhe upheld the decision of the Usinsk party leaders, or sided with Barkov and the Usinsk prosecutor. No other records of the matter exist, and there, unfortunately, the story ends. Yet, what a curious story--that political and civil authorities should, in all seriousness, dispute the socially dangerous attributes of a milk cow. Why did no one question the essential absurdity of the situation--the indictment of a cow as an enemy of the people? More to the point, what circumstances made it seem both appropriate and compelling to imbue an animal with the supposedly dangerous social traits of its owner-- its previous owner, at that? Something was amiss in a state whose local officials imbued a cow with politically suspect credentials, as if the social "disease" of being a kulak was caused by a strange, species-jumping virus.

In fact, it is the absurdity of the story that begs explanation and holds a clue to the meaning of the tale. The story of Kildiashev's cow highlights one of the central contradictions of the "victory of socialism" in the USSR, proclaimed by Soviet leaders at the end of the first five-year plan in January 1933. The tale of Kil'diashev's cow reveals, in the extreme, the way in which categories of social identity and social stigmatization in Stalin's socialism became blurred, loosed from their moorings in class and property relations. The indictment of a cow as an enemy of the people reveals more than just a pathological paranoia; it shows a regime unable to cope with the massive dislocation created by its own economic and social policies. The indictment of a cow was a sign, not of arrogance and power, but of weakness and instability, the instability of a state and a regime whose local officials felt simultaneously besieged by an unruly and often hostile population and forgotten by a demanding state.

WEAK AND STRONG STATE

To call the Stalinist state weak sounds like an inversion of common sense. By the early 1930s, Stalin and his circle had isolated and defeated any internal opposition. Stalin had firm control over the party and state apparatus. Similarly, by the middle years of the 1930s, the Stalinist version of Soviet power had been established throughout the country. The regime had won the major battles to industrialize the country rapidly, to collectivize agriculture, to eliminate private land stewardship and commercial trade, and to break rural resistance to Stalinist rule through de-kulakization and famine. According to most

¹ GANO. F. 3. Op. 9. L. 25.

accounts, Stalinist leaders felt secure enough in their victories that, beginning in 1933, they retreated from the harsh revolutionary policies of the early 1930s. The supposedly “three good years” between collectivization and the Great terror are seen as a period of respite, an attempt to stabilize the economy and society in a period of relative normalcy. The regime made its peace with the peasantry. If the early 1930s was a world full of kulak peasant saboteurs, then after the “successful” completion of dekulakization in 1933, peasants became, by definition, loyal collective farmers, *kolkhozniki*. The regime allowed an increment of revival of market relations in what some have described as a “mini-NEP”².

This is an accurate picture to some extent, but overdrawn, especially the image of stability in the countryside. After 1933, the regime may have relented in their repression of peasants, but this did not solve shortages and other structural problems in agrarian sectors of the economy. Leaders could not admit the flaws and inefficiencies of collectivization policies, and they could no longer blame loyal *kolkhozniki*, so they had to find some other group to scapegoat. As a result, beginning in 1933, local officials, not peasants, became vilified and purged to account for failures on the agricultural front. Between 1933 and 1937, over a million rural administrators and “activists” were arrested. This local level mass purge has gone almost completely unnoticed, but it disrupted agricultural policies in rural areas throughout the middle years of the decade. It created a sense among local officials of being besieged by a hostile mass of peasants and abandoned by the state. This purge also belies the argument that the mid-1930s was a period of relaxed repression, of a truce between the regime and society. If there was a truce it was for a brief period between the regime and the mass of peasants, but that truce, while providing a brief respite for peasants, came at the expense of local administrative officials. This article examines this little-known purge, the shifting politics of identity, blame, and repression in the countryside in the mid 1930s, and how all this led to the indictment of a cow as a kulak enemy of the people.

SOVIET POWER VS. SOVIET ORDER

Central institutions of power were secure, but the picture that emerges from local archives is of a soviet system in the 1930s that was seriously undergoverned with still only a tenuous measure of legitimacy and a weak network of local administrations struggling to establish Soviet authority and order. Even a cursory look at regional archives--at the actual exercise of Soviet author-

ity at local levels--reveals a picture different from that found in central archives. Our interpretation of the Seventeenth Party Congress, held in 1934, is a case in point. This was called the Victors' Congress, the party gathering at which Stalinist leaders announced the triumph of socialism in the USSR. Yet, in the years following the congress, local party, Soviet, and police officials did not behave as if they had won any victories. Their actions resembled those of an occupying but beleaguered army, victorious in the extension of state socialism, but overextended, its resources stretched thin. Certainly, military units and special OGPU troops had won the major battles of collectivization and de-kulakization. In the aftermath, however, the task of reconstructing Soviet society and protecting state assets proved daunting. In other words, by the mid-1930s, the party, Soviet authorities, and the NKVD, including the *militiia*, had established the institutions of Soviet power, but not the acceptance or legitimacy of Soviet order.

The weakness of the regime lay not in the central organs of power but in the weak infrastructure of local Soviet governance. The regime's sense of being besieged was nowhere more apparent than in the Western Siberian *krai*, or district. In Western Siberia, local officials were as beset as they had been during the early 1930s to make the peasants yield grain, to keep order in cities and industrial areas overrun by socially marginal populations, and to hold their own against the continuing waves of lawlessness and social disobedience. In Western Siberia, one does not find the sense of accommodation with the regime or the institutions of Soviet authority during the mid-1930s that was supposed to have existed. Moreover, the policies initiated by the regime to stabilize political and social relations after 1933 in fact had the opposite effect. The well-known directives of May 1933 to curb political excesses, follow legal process, and reduce repression helped to regularize relations between the state and the peasantry. At the same time, these directives created contradictory pressures and set local prosecutors, party officials, and police against each other.

The Western Siberian chief prosecutor, Barkov, took the May 1933 directives seriously. Throughout the 1930s, he waged an aggressive battle against the police and against government and party officials to ensure their compliance with his understanding of the new socialist legality. Yet, many local NKVD and party officials believed that the new rules laid down by the prosecutor and his staff undermined their efforts to fight crime and attacks against Soviet order. They, in their turn, bullied local prosecutors and accused them of interfering in the execution of revolutionary justice by protecting criminals and class enemies. In December 1935, for example, the Chairman of the Kyshtovsk regional soviet executive committee, a certain comrade Krotov, accused the local prosecutor, Shurybin, of violations of “revolutionary le-

² Naum Jasny originated the phrase “the three good years” in his [1]. On the mid-1930s as a period of relative normalcy, see, for example [2], esp. p. 177 and [3], esp. chapter 5, “Stalin's ‘Soft Course’ and the Soviet 1930s Phenomenon”.

gality” and of “unwarranted harassment” of Party, soviet, and police officials in fulfilling their duties. The charges, compiled in a five-page document sent to Feodor Griadinsky, head of the district soviet executive committee, ranged from the petty to the most serious accusations bordering on counter-revolutionary behavior. Among other things, Shurybin, it seems, had dared to arrest a member of the regional soviet executive committee, the *raispol'kom*, and several chairs of village soviets on charges of corruption and abuse of power. He also had ordered the release of several “kulak saboteurs,” arrested by NKVD officers. The latter he did on the grounds that insufficient evidence existed to hold and interrogate the prisoners. Shurybin ordered the local branch of the state bank to pay a “group of kulaks” 2, 127 rubles they claimed was owed them for an unspecified amount of work they had done, but for which the executive committee refused to pay. Krotov accused the prosecutor of bias in favor of class enemies by ordering the kulaks be paid when local school teachers had also not been paid for several months. Similarly, Shurybin acted in favor of class enemies by ordering horse fodder be transferred from a regional soviet warehouse and given to a certain kulak, Zubrilov. The latter, according to Krotov, had been excluded from the local party organization. Nonetheless, the prosecutor had ordered the allocation of fodder, “under threat of arrest of the head of the warehouse,” and “simply because the kulak Zubrilov had fallen temporarily on hard times and needed the fodder for his animals.” Krotov failed to elaborate on the circumstances of any of these charges, but emphasized the point that Shurybin consistently acted against Soviet authorities in favor of enemies of the state³.

Comrade Krotov was not alone in his complaints. Local officials complained of “intolerable” interference by prosecutors in their affairs, of “hampering” the efforts of police, party, and soviet officials to fulfill their duties in fighting for socialist construction. Yet, it was not just jurisdictional and bureaucratic conflicts that frustrated officials; an overwhelming sense of being besieged by an unruly and often hostile populace drove many officials to distraction, and some to suicide. In his suicide note (последнее слово) from 23 December 1936, the chair of the Belkovsk sel'soviet, party member Petrovskii, wrote in despair that their enforcement of new forms of legality made the district's procuracy officials “blind to the enemies of the people, who everywhere tear down our kolkhoz... They beat up shock workers, steal horses and kolkhoz goods, they rape young girls, and beat up nationals (нацмены), they don't fulfill their duties, and [they] drink constantly. They are bandits!” he concluded, “yet,” he lamented, “we are powerless by the new rules to deal

with them.” Petrovskii declared that the situation had not always been so. As a party member and former red army soldier, Petrovskii was sent to the countryside in 1930 to help dekulakize it. “I persecuted and hunted down kulaks,” he wrote, “but,” he added, “I had the support of the old kind of chekisty. We finished the job, and right to the very end.” In 1934, Petrovskii was transferred “to this backward sel'soviet of Belkovo.” There, he continued, he attempted to build a socialist kolkhoz, but got “no help, only resistance from the procuracy and organs of justice against our class enemies.” In one of his last sentences, Petrovskii claimed he had given up, the difficulties were insurmountable, and he blamed Barkov, by name, for being one of those having a “legalistic and bureaucratic attitude” toward the countryside⁴.

Petrovskii's note articulates the frustration that many local officials felt, being caught between an unruly populace and a regime which they felt had abandoned them. Reports to the Western Siberian Party Biuro by local party and NKVD officials expressed a widespread sense of isolation and embattlement. Local political and NKVD officials worried about the small number of communist actives in their regions, a growing number of peasant households withdrawing from kolkhozes, and hostile moods of kolkhozniki that simmered just below the social boiling point. Pointed disrespect of officials, both symbolic and real, resulted in violence and even murder. Vandalism and theft of state property, including and especially rustling of animals, continued on a widespread scale. Party and state officials were shocked and unprepared to deal with the massive amounts of theft of state property, an epidemic of political murders, train derailments and robberies, widespread black market activities, official corruption on a massive scale, and a dramatic increase in numbers of homeless and hooligan children's gangs. Armed and mounted bandit units roamed the countryside requiring, in some instances, small-scale military campaigns to suppress them. In mixed ethnic areas, non-Russian populations frequently protected bandits and other outlaws from authorities.

In a bizarre twist to the story of the suicide, Barkov noted in his report on Petrovskii's death that the body of a second missing party envoy had been discovered near the village of Belkovsk while prosecutors were investigating the chairman's suicide. The incidents were apparently unrelated, but showed how dangerous the countryside could be for Soviet authorities. The regional party committee had sent comrade Kruglov, the envoy, on business to the sel'soviet, although Barkov did not elaborate on the reasons for the visit. NKVD and police investigators suspected that local kolkhozniki beat Kruglov to death after getting drunk and picking a fight with him in a

³ GANO. F. 47. Op. 5. D. 211. L. 79–81 ob.

⁴ Ibid. D. 227. L. 196–199.

beer club. Kruglov had been missing for over a week before police found his body⁵.

Such a state of affairs was not peculiar to the Belkovsk region. Regular reports by local NKVD officers and party heads on “political-moral conditions” in their regions expressed the same sense of isolation and embattlement as did the Belkovsk party boss. D. Laskin, party chief in the Kur’insk raion, wrote in January 1936 that he could count only one hundred forty-nine communists in his region; of these he could only count on thirty to thirty-five party actives to accomplish all the tasks set before them. The party was stretched thin in his region, Laskin wrote. The local newspaper was “out-and-out bad” (the editor was a “disciplined communist, but a hopeless editor”), and people developed all sorts of wrong political views, despite his staff’s efforts to propagandize the correct line. There was not nearly enough seed grain for the spring or animal fodder for the winter, and this was breeding an “unavoidable and very openly unhealthy attitude” among kolkhozniki. Many kolkhozniki had not been paid their in-kind grain wages (трудодней), which added to the bad feelings and, to top it all, activities of “fanatical” religious sects were on the increase. Laskin penned his complaints in response to a circular letter from Robert Eikhe, the Party head in Novosibirsk, admonishing local leaders for relying too much on the “center,” Novosibirsk. Dutifully, Laskin declared his region would cease the practice of constantly turning to central authorities for help. Yet, throughout the report, he pleaded for grain and equipment loans, the dispatch of special envoys, special considerations for reduction in quotas, and extraordinary financial expenditures⁶.

Like Laskin, other political and NKVD officials worried about the small number of communist actives in their regions, a growing number of peasant households withdrawing from collective farms, and barely contained hostile moods of kolkhozniki⁷. As rumors about a new constitution gathered force in 1936, local leaders also worried about the rise in religious sectarian activity. As one MTS political officer reported, rumors were widespread that the new constitution would not only legalize but sanction the revival of religion. He noted already a rise in the number of proselytizing groups of lay priests in his region (район)⁸. Another regional party head wrote that several lay priests were stirring up converts in kolkhoz villages. They used the argument that, according to the new constitution, if mothers did not have their babies baptized, they would be expelled from the kolkhoz⁹. Still

another rumor had it that the new constitution “allotted three priests to every village”¹⁰.

In Western Siberia, officials took threats against their lives as a serious possibility, and were especially careful when traveling in the district as envoys, investigators, or as plenipotentiaries with special powers. Many officials expressed their open fear of confrontation with the kolkhoznik-peasants in their regions. In January 1937, for example, assistant chief prosecutor for the district, a man named Pozdniakov, visited several collective farms in the Belovo region as a plenipotentiary of the district’s party committee. In his report, Pozdniakov described several incidents that he regarded as blatant counter-revolutionary provocations, including open and hostile heckling at kolkhoz meetings, and he also described the palpable fear expressed by the regional party head, Guseev. Following a general meeting at the Voroshilov farm, Guseev warned Pozdniakov privately “not to press the issue of grain fulfillments. “Otherwise,” he said, “they might kill you (Не нажимать в вопросах о государственной сдаче, иначе еще могут убить).” Pozdniakov concluded in his report that local party officials were cowed by these unspecified “counter-revolutionary elements,” that local authorities had not taken a hard enough line against them, and that they did not have control over their region. But, while he blamed local authorities for allowing such a situation to develop, Pozdniakov nonetheless acknowledged that Soviet authority was weak in the region and to impose its will still needed to rely on outside plenipotentiaries and other forms of assistance from central party and soviet authorities¹¹.

WHO’S WHO: IDENTITY AND ACCOUNTABILITY

What is interesting about Guseev’s wording is that, by not specifying the third-person pronoun, the local party chief left open the question of who “they” were who might kill Pozdniakov...or Guseev. Presumably, “they” were kulak elements, except that all those at the meeting were “kolkhozniki,” and kolkhozniki, by definition after 1933, were not a counter-revolutionary social strata, Guseev’s grammatical ellipse highlighted a central contradiction of the so-called socialist victory of 1933. Clearly, party and state officials faced widespread hostility and social disobedience, even after the supposed victory of socialism. Officials attributed that hostility, of course, to the continuing influence of kulaks and other dangerous elements still abroad in the population. Party authorities such as Pozdniakov exhorted local officials to remain vigilant, to root out enemies wherever they were to be found. Indeed, this was their duty.

⁵ GANO. F. 47. Op. 5. D. 227. L. 195a.

⁶ Ibid. F. 3. Op. 2. D. 726. L. 7–20.

⁷ See, also, Sheila Fitzpatrick on hostile peasant attitudes in [4, p. 287–296].

⁸ GANO. F. 3. Op. 2. D. 726. L. 45.

⁹ Ibid. D. 233. L. 15 об.

¹⁰ Ibid. L. 18.

¹¹ Ibid. D. 810.

Yet, how were officials to identify kulaks and other enemies who supposedly engaged in anti-Soviet activities and spread anti-Soviet attitudes? Organized class war had supposedly ended with the victory of socialist collectivization. Kulaks, as a class, officially ceased to exist after 1933. Before that date, a kulak could be readily identified using tax roles, land holding deeds, hiring practices, animal ownership, and other forms of property ownership. With the socialization of agriculture, however, such differences no longer existed. After 1933, in other words, the practical criteria officials had used to determine social class all but disappeared. This was not just a semantic inconvenience, but created serious practical problems of governance for local officials; without class, they were denied the means to distinguish social enemies from socially loyal groups.

We can see the problem they faced reflected in changing definitions of social categories. In the newly socialized countryside after 1933, officials rarely referred to inhabitants of rural areas even as peasants (крестьяне), let alone as kulaks. In the countryside after 1933, there existed sovkhozniki, kolkhozniki, and single household farmers-edinolichniki. After 1933, all these strata were defined as socially “near” and politically loyal to the regime and to Soviet authority. Kulaks still hid in the guise of kolkhozniki, but officially “most kolkhozniki [had] decisively...undergone a break (перелом)” and now “enthusiastically” accepted the kolkhoz order. Even edinolichniki were identified positively as “trudyashchikhsya edinolichniki,” laboring farmers¹². Of course, edinolichniki were always suspect. Yet, as hostile as the regime was toward edinolichniki, it was not easy for local officials simply to blame all their troubles on them as a hostile class. In the Russian republic, convictions of edinolichniki for any crimes dropped from 1933 to 1935 from 22 to 12 percent of all convictions. More dramatically, the proportion of kolkhozniki convicted of crimes dropped from 35 to 12 percent of all court convictions¹³. Courts were instructed to exercise “maximum caution” when considering to bring indictments against kolkhozniki [5, c. 13]¹⁴. In line with this policy, Barkov instructed his subordinates on numerous occasions to ensure that edinolichniki were not illegally harassed by local police and soviet officials.

Thus, party and state officials not only felt embattled by an ubiquitous enemy, but, after 1933, by a nearly invisible one. And local officials paid the price for this contradiction. With the regime’s major social enemy, the peasantry, redefined into loyal Soviet citizens, high party and police officials placed the blame for continued social and economic problems squarely on the shoulders of lo-

cal Soviet, party, and agrarian officials and activists. In the same survey cited above, criminal convictions of rural administrative officials rose sharply in the mid 1930s (1933–1935) from 9.3 to 35 percent¹⁵. Between 1934 and 1937, about 25,000 rural and other local officials in Western Siberia were arrested and charged under various crimes, ranging from petty forms of mismanagement and abuse to supposedly counter-revolutionary acts of sabotage. In the Mordovsk Republic, 344 local officials were sacked out of 1300 in 1935, and that was in a year that saw a “noticeable” decline in punishment of rural officials [5, c. 11]. In the country as a whole, at least 1,200,000 local officials and rural «activists» were arrested and sentenced between 1933 and 1937¹⁶.

TYPES OF PUNISHMENT

When they ran afoul of higher authorities, most rural officials found themselves under indictment for one of several crimes: either embezzlement, statute 116 of the criminal code; the various statutes having to do with abuse of authority; and especially statute 111 on nonfulfillment of duty. Focus on embezzlement and other crimes of financial corruption increased in general in the mid-1930s, but especially in rural areas, convictions rising 40 percent in urban areas and 60 percent in the countryside from 1933 through 1935¹⁷. Sentences under these convictions ranged from two to three and four “years loss of freedom,” but it is not clear how many of those convicted to confinement spent time in labor camps or in some form of local prison or jail. As well, apparently many rural officials convicted under these statutes were not deprived of freedom. Rates of sentencing to some sort of confinement varied considerably. In the Russian republic rates varied over three years, 1933-1935, from 24.5 to 14 to 26 percent. Presumably, courts gave suspended sentences or some sort of restriction in place to the remainder. In Belorussia, confinement ran at 28 percent, although in the Uzbek republic, rates ran at 60 to 80 percent¹⁸. The Supreme Court study that generated these figures warned against groundless indictments of local officials on vague charges of negligence, but also noted the tendency to do just that. Appeal courts and procuracy reviews vacated more than 70 percent of indictments against local rural officials and activists in the years 1934 and 1935¹⁹.

Interestingly, it was not just Barkov and procuracy authorities who were behind the attack against local officials. Arrest orders came largely through the district’s party committee and from envoys sent from Novosibirsk with special powers. Barkov had no qualms about pun-

¹² GARF. F. 9474. Op.16. D.79. L.11, 56, 62.

¹³ Ibid. L. 56.

¹⁴ Ibid. L. 62.

¹⁵ Ibid. L. 56.

¹⁶ Ibid. F. 5446. Op. 83. D. 2. L. 255.

¹⁷ Ibid. F. 9474. Op.16. D. 79. L.57.

¹⁸ Ibid. L. 63ob. See, also [5, p. 22].

¹⁹ Ibid. L. 63.

ishing abuse of authority and violations of socialist legality, but he adamantly opposed what he described as a campaign of administrative mass repression against local officials. In September 1936, Barkov protested to both Eikhe and Griadinskii, the respective heads of the party and soviet apparatus in Western Siberia. After citing numerous instances of what he regarded as unlawful arrest orders, Barkov wrote to Eikhe, "As you can see, [these actions] against local activists are in no way [judicially] justified and are purely administrative...Taken together, they come close to being a form of mass repression"²⁰.

Local authorities may or may not have appreciated the distinction between administrative and judicial repression. From their point of view, the distinction mattered little. They were censured or even arrested on administrative order from the party and by police if they did not squeeze peasants hard enough to fulfill state quotas. But, if they did resort to the methods of abuse and starvation necessary to fill state quotas, then they could be arrested under judicial and procuracy orders for violating kolkhozniki rights. Local authorities were, literally, damned if they did and damned if they didn't. It is no wonder this kind of contradictory pressure drove some local officials to suicide. The grammatical ellipse used by Pozdniakov's host, Guseev, the party chief of the Belovo raion, expressed the way many local officials faced this dilemma, by trying to avoid it--by literally refusing to put a name to the regime's enemies.

THE COW, AGAIN

The victory of socialism and the regime's consequent re-definition of social categories created an administrative and political crisis of significant proportions and led to all manner of bizarre behavior by local officials, suicide not being the strangest. The story of the kulak cow is an example of the kind of ambiguity that arose over categories of social identity and political culpability. Pressed hard in 1935 to root out kulak enemies, but unable to round on their traditional enemies, the peasants, party officials of the Usinsk raion solved their dilemma by indicting a cow. The cow, after all, had been part of the repossessed property of a formerly convicted and deported kulak. Indicting a cow must have appeared a safe and reasonable solution in every respect. By naming the cow a kulak cow, the Usinsk sel'sovet and party committee could not be accused of mis-identifying a loyal citizen, but they could, in good conscience, discharge their revolutionary duty to the state, and gain some revenue in kind, as well.

Without class categories to guide them, and with the regime's traditional enemy, the peasantry, redefined into loyal citizens, party and police authorities began to trans-

fer political culpability not just to local officials, and not just to cows-- but increasingly to socially deviant and marginal populations-- groups that, while socially disruptive, had not previously been considered a political threat to the regime. Throughout the 1930s, the list of these so-called "socially dangerous elements" grew rapidly. By 1937, they included not just known criminals, former criminal convicts, and former kulaks, but other groups: gypsies, certain non-Russian groups, "professional beggars," homeless people, people found in cities without proper resident papers, petty thieves, religious sectarians, even political refugees and orphan children, and even so-called Dal'novostochniki (far easterners). Beginning as early as 1933, these types of people were subject to summary arrest and deportation by police and, beginning in April 1935, to sentencing by extra-judicial committees of the NKVD for up to five years in labor camps²¹.

Most social marginals fell under harsh administrative sanctions such as restrictions on residence and work, but local officials convicted of violating socialist legality faced demotion, prison terms, or even labor camps. This dynamic changed in late spring and early summer 1937 as the regime began to move toward the deadly campaigns of mass repression characteristic of those years. As is well known, "kulaks" bore the brunt of the police's repressive campaigns in 1937 and 1938 as they had in the early 1930s, while social marginals also became subject not just to sanctions but to outright extermination. And by summer of 1937, kulaks were more "visible" than they had been previously. This was so because kolkhozniki had been demoted, in a sense, for the purpose of repression. The instructions that party plenipotentiaries gave to local officials during the campaigns of repression no longer referred to residents of collective and state farms as kolkhozniki and sovkhozniki, but once again as peasants (крестьяне). This change in language opened the door to de-sovietize farm workers and edinolichniki and reclassify them as kulaks.

The transition in official language was unmistakable. Whereas in January 1937, Pozdniakov, the Novosibirsk plenipotentiary, spoke of kolkhozniki being threatened by vaguely defined anti-Soviet elements, in June, he got right to the point, but a different point. In local meetings, he spoke in specific rather than vague terms about the threat to the socialist countryside. "It is anti-Soviet," he said bluntly to one audience, "to believe that peasants cannot be wreckers." So, now, rural farm workers were no longer kolkhozniki but merely peasants, once again. This was the signal that mass repression against officials had ended, and large-scale repression of peasants could begin again. In reporting the results of his June tour to local Party groups, Eikhe, Pozdniakov recounted the

²⁰ GANO. F. 3. Op. 2. D. 813. L. 24-25.

²¹ On socially dangerous elements, see [6, 7].

large number of “peasant-kulaks” he had encountered who engaged in anti-Soviet agitation or outright sabotage. To Pozdniakov and other high Party leaders in Western Siberia, peasants were no longer protected by their socialist identities as collective or state farm workers. The countryside was suddenly full of peasant kulaks and needed to be cleansed²².

REHABILITATION

In the summer of 1937, the regime’s leaders turned the state’s violence once again against peasants and socially marginal populations. This tragic story is well documented. Less well known is that, at the very height of the mass terror, the autumn of 1937, the country’s leaders began a campaign to rehabilitate the hundreds of thousands of local officials who had been arrested, imprisoned, or otherwise punished during the course of the 1930s. The first archival indication of this process appears in the form of a decree, sent by telegram and dated 26 October 1937. Chief Procuror, Vyshinsky, and the Commissar of Justice, Krylenko, signed the telegram jointly, which was distributed to all oblast and district level judicial and procuracy officials. In it, the two officials referenced a previous decision (постановление) from the “directive authority” (either Sovnarkom or the Party’s Central Committee). It called for a review of all cases of local rural officials (village council and kolkhoz and sovkhoz officials, MTS workers, and agricultural activists) who had been convicted of occupational crimes. The review was to stretch back to the beginning of 1934 and was to be done with a view to quashing the convictions and releasing the individuals “immediately” who had been incorrectly convicted. Review was to begin immediately with the first results due by 15 November and reports every ten days thereafter²³.

Apparently not much was done, since Vyshinsky issued yet another circular on 1 November clarifying procedures for review and of what kind of cases. He sent a second circular from 25 November that supposedly clarified yet again how reviews were to be done, by which authority (procuracy or courts) and for which crimes²⁴. The delay should not be surprising, given that procuracy officials were under severe pressure during the mass operations, or had themselves been arrested, leaving their positions unfilled. As of April 1938, procuracy officials had reviewed nearly 757,000 cases, vacating sentences of nearly 60 percent²⁵.

Vyshinskii reported this as positive news to Stalin and Molotov, but by summer 1938, the Chief Procuror made known his displeasure over what he described as lack of progress in the reviews. In early June, his circular admonished procuracy officials for both their slowness and the still unacceptably high percentage of convictions that had been upheld. In some oblasts, convictions were upheld in 72 percent of cases reviewed. In the Novosibirsk oblast, on the other side, only 2 percent of sentences had been upheld which, according to Vyshinskii, was too low. Novosibirsk courts were being too lenient. The Kursk oblast seem to have hit on the golden number of 14 percent of convictions upheld while the rest were quashed²⁶.

In a September circular, Vyshinskii reiterated his admonitions, but also criticized procuracy and court authorities for continuing mass convictions of local farm chairmen and other rural officials. He singled out Novosibirsk oblast, again, though this time for being too vigilant. Vyshinskii noted that, in 48 regions of the oblast, 265 kolkhoz chairs and 283 brigade leaders had been arrested and convicted of minor charges. Most of the cases were initiated without sufficient grounds. One kolkhoz chair, for example, was convicted to 2 years loss of freedom because he was late in delivering the farm’s grain quota to state storage facilities, even though he had done exemplary work in securing the farm’s harvest and protecting and preparing the grain for transfer²⁷.

Vyshinskii’s memorandums embody the dilemma in which local authorities found themselves. In late 1937 and again in January 1938, the Procuror berated his subordinates, particularly in Western Siberia, for being too harsh in their approach to local officials and for not making sufficient progress in reversing convictions. Then, in June, Vyshinskii reversed himself, criticizing Siberian officials, in particular, for being too lenient. Then, again, his September circular singled out Siberian procurors once again for being too harsh.

In a follow up memorandum to Stalin and Molotov, Vyshinskii reported in early January 1939 that close to 1,200,000 cases had been reviewed, resulting in the quashing of 58 percent of them. He noted that an additional 23,000 cases were being reviewed for a second time. In addition, the review of activists’ convictions had been folded into a more general review that included rank and file kolkhozniki, as well²⁸.

CONCLUSION

It is a grotesque irony to note that, at the height of the bloodshed of mass purging and killing of late 1937 and 1938, Vyshinskii and other Soviet leaders berated lo-

²² GANO. F. 47. Op. 1. D. 233. L. 16–17.

²³ GARF. F. 8131, D. 22. L. 26. So far, the original decision is not found.

²⁴ Ibid. F. 8131. Op. 38. D. 23.

²⁵ Ibid. F. 5446. Op. 26. D. 110. L. 12–13.

²⁶ Ibid. F. 8131. Op. 38. D. 33. L. 14–16.

²⁷ Ibid. L. 25.

²⁸ Ibid. F. 5446. Op. 83. D. 2. L. 255.

cal authorities, procuracy officials in particular, for negligence in restoring citizenship rights to local officials convicted of petty offenses. As a result of the purge there were no procuracy officials to conduct such reviews in many oblasts and regions of the country. Although obvious, nothing was said about this in official communiques. Procuracy officials who still retained their positions understood very well, of course, that the only important priority was to process the mass of convictions that passed across their desks for purging and execution, not for rehabilitation. This contradiction was part and parcel of the Stalinist regime, its absurdity and, more important, the violence that lay at its core. Violence and repression were not just episodic during the Stalinist regime. As this article shows, repression, in one form or another, defined the essence of the regime's relationship to Soviet citizens. Repression came in waves of intensity, against different groups at different times. It was always there, even during periods of supposed social stability, because the regime could not admit the failure of its own policies.

Just as important, this article shows that, already in the 1930s, the demarcation of class had begun to lose force as a criterion for determining loyalty to the regime²⁹. This created all sorts of problems in laying blame for failure, but it also resulted from the regime's own policies, specifically, the declaration that "successful" collectivization had broken organized class opposition. Henceforward, failure could be attributed to any number of reasons—false consciousness, individual masking of anti-Soviet hatred, saboteurs, etc. As in the cases cited above, however, without the traditional crutch of class, local Party officials were hard pressed to find enough individual scapegoats for all the shortcomings on the agrarian front. Suddenly, in 1933, the clear-cut world of local Bolshevik activists became threateningly, incomprehensibly, complicated, even turned on its head. Their impunity to pursue and punish peasants as class enemies now became punishable as arbitrary abuse of power against loyal *kolkhozniki*. Class, as these local officials understood it, suddenly no longer mattered. Class, which for so

long had been a guiding principle, suddenly lost its substance and meaning. It is no wonder that many felt abandoned and, at least some, felt the only recourse left was suicide. The latter is still an untold but no doubt important story to be told.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Jasny N.* Soviet Industrialization, 1928–1952. Chicago: University of Chicago Press, 1961. 467 p.
2. *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 479 с.
3. *Reiman M.* About Russia, its Revolutions, its Development and its Present. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2016. 180 p.
4. *Fitzpatrick Sh.* Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. London: Oxford University Press, 1996. 416 p.
5. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: в 5 т. Т. 4. 1934–1936 / под ред. В.П. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2002. 1056 с.
6. *Hagenloh P.* Stalin's Police: Public Order and Mass Repression in the USSR, 1926–1941. Johns Hopkins Univ. Press, 2009. 480 p.
7. *Shearer D.R.* Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. New Haven: Yale University Press, 2009. 536 p.

REFERENCES

1. *Jasny N.* Soviet Industrialization, 1928–1952. Chicago, University of Chicago Press, 1961, 467 p.
2. *Khlevnyuk O.V.* Master. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship. Moscow, ROSSPEN, 2010, 479 p. (In Russ.)
3. *Reiman M.* About Russia, its Revolutions, its Development and its Present. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2016, 180 p.
4. *Fitzpatrick Sh.* Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. London, Oxford University Press, 1996, 416 p.
5. The Tragedy of the Soviet village. Collectivization and De-kulakization. 1927–1939: Documents and materials: in 5 vols, vol. 4: 1934–1936 / Ed. V.P. Danilova, R. Manning, L. Viola. Moscow: ROSSPEN, 2002, 1056 p. (In Russ.)
6. *Hagenloh P.* Stalin's Police: Public Order and Mass Repression in the USSR, 1926–1941. Baltimore, Johns Hopkins Univ. Press, 2009, 480 p.
7. *Shearer D.R.* Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. New Haven, Yale University Press, 2009, 536 p.

Статья поступила в редакцию 18.06.2021

Дата рецензирования 24.06.2021

Статья принята к публикации 01.07.2021

²⁹ On the decline of class in the 1930s see, Shearer. Policing Stalin's Socialism, 131–136, 420–422, 438–440.

DOI: 10.15372/HSS20210310

УДК 94(571.1)“1930/1940”

В.Б. ЛАПЕРДИН

БЕДНОТА И СЕРЕДНЯКИ В КОЛХОЗНОМ СОЦИУМЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматривается социально-экономическая дифференциация колхозного социума в Западно-Сибирском крае в 1930-е гг. Сделан вывод о социальной мобильности в колхозах с учетом стартовых позиций (состояния хозяйства и положения в крестьянском обществе до коллективизации). Показано, что взаимоотношения в колхозах между социальными группами складывались под влиянием также практик, «перенесенных» из общинной деревни в новые условия. Неоднородность батрацко-бедняцкой среды и различное положение ее представителей в крестьянском обществе стали главными причинами социальной дифференциации в колхозах: бедняки как третировались со стороны односельчан, оставаясь внизу колхозной иерархии, так и успешно пользовались социальными лифтами в продвижении вверх. В наиболее выгодном положении оказались «большевизированные» группы бедноты, поддерживающие политику государства.

Ключевые слова: крестьянство, аграрная политика государства, социальная мобильность, Сибирь, колхозно-совхозная система.

V.B. LAPERDIN

POOR AND MIDDLE-CLASS PEASANTS IN COLLECTIVE FARM SOCIETY OF WEST SIBERIAN REGION IN THE FIRST HALF OF 1930S

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article objective is to investigate socio-economic differentiation of collective farm society in West Siberia in the 1930s. The author concludes on the mobility in the collective farm society from the point of starting positions (individual economic and social status in the peasant society before collectivization). Despite the high social mobility, it was difficult for poorest peasants to move up the ladder of collective farm hierarchy because of negative attitude of middle-class peasants. Meanwhile, many representatives of the poor strata of peasantry managed to take a worthy place in the collective farm society. The existence of two opposite tendencies is explained by heterogeneity of the poorest peasantry, and attitude of other groups to poor peasants formed before collectivization. Peasants had a positive attitude towards the “forced” poors, who became such because of redistribution of land or other force majeure circumstances, but the “voluntary” poverty was condemned in peasant society. Those poorest peasants, who adhered to the Bolshevik ideology, had bad reputations, but were supported by the authorities. Relations in collective farms between social groups developed, among other things, on the basis of practices that existed before collectivization, «transferred» from the traditional peasant community to new conditions of the collective farm society. Those poor peasants, who had the least prestige among their fellow villagers, found themselves at the bottom of the social hierarchy. People belonging to the same status, but with a higher position, were not bullied by the middle-class peasants and were able to take full advantage of the social elevators. Groups of peasants supporting the state were in the most advantageous position. Collective farm leaders were often recruited from those groups.

Key words: peasantry, state agrarian policy, social mobility, Siberia, collective farm – state farm system.

ВВЕДЕНИЕ

В процессе социалистического строительства в советской деревне формировались абсолютно новые социально-экономические отношения, кардинально изменявшие крестьянскую среду. Ранее уже извест-

ные, но остававшиеся чуждыми сельским жителям колхозы стали доминирующей формой организации труда. Внутри колхозного социума складывалась новая система иерархии, приводя тем самым в движение механизмы социальной мобильности.

Вячеслав Борисович Лапердин – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, <https://orcid.org/0000-0003-4827-8741>, e-mail: laperdin2011@mail.ru

Vyacheslav B. Laperdin – Candidate of History Sciences, Researcher, Institute of History SB RAS.

В советской историографии, как и в современной, многие исследователи склонны выделять в колхозном социуме отдельные социально-профессиональные группы. В советский период изменения социальной структуры объяснялись возникновением новых форм производства, что обосновывалось как на общесоюзных [1], так и региональных материалах, в том числе сибирских [2; 3]. В 1990-е гг. Н.А. Ивницкий, В.П. Данилов, И.Е. Зеленин [4; 5; 6] задали новую историографическую традицию, согласно которой социально-профессиональная дифференциация колхозного социума отходила на второй план и сводилась к «дифференциации бедности». Первостепенным стало изучение ее причин, в частности аграрной политики государства. Любое расслоение в колхозной среде при таком подходе исследования стиралось, основной целью стало раскрытие отношений между властями и крестьянством. Впоследствии внимание многих исследователей было приковано к данной проблеме именно в такой ее формулировке.

Однако имеются вполне удачные попытки осуществления ревизии советской концепции. Ш. Фицпатрик [7] выделяла отдельные профессиональные группы, складывавшиеся в колхозах с началом коллективизации. Принципиально новой в ее исследовании стала оценка колхозного руководства как привилегированной группы, борющейся за улучшение своего положения. М.А. Безнин и Т.М. Димони [8] дали совершенно новую интерпретацию дифференциации колхозного социума, представив профессиональные группы в виде отдельных социальных классов, обладавших собственным самосознанием. Эта концепция, несмотря на критику, нашла своих последователей. Так, Л.В. Изюмова [9] исследует колхозное крестьянство Европейского Севера России, используя данную методологию. М.Н. Глумная [10] проанализировала основные тенденции изменения управленческого аппарата колхозов. В ее работе изучается только часть колхозного социума (в первую очередь члены правления), находящаяся на самом вершине иерархии. Управленческий персонал, по ее мнению, является профессиональной группой, а не отдельной социальной категорией, как считают М.А. Безнин и Т.М. Димони. Важным для нашего исследования является вывод о социальном составе управленцев, и почти полном отсутствии в их рядах бедноты. Колхозники желали видеть на руководящих постах «крепких» хозяев. Власть были обеспокоены малым числом бедняков и батраков среди колхозных управленцев, но, в конечном счете, вынуждены были согласиться на присутствие большого числа середняков в составе членов правления, сделав ставку не на социальный состав, а на политическую лояльность руководящих кадров [10, с. 178, 274]. О низком статусе в колхозной среде вы-

ходцев из бедноты говорится в статье И.В. Гончаровой и Г.С. Чувардина [11], где этот вопрос рассматривается на материалах Центрального черноземного округа.

В перечисленных выше работах в той или иной степени затрагивается вопрос социальной мобильности и возможности перехода с одной ступени колхозной иерархии на другую. Если в советских работах основное внимание уделялось позитивным изменениям и представившимся для крестьян возможностям социального роста, то сторонники историографической традиции, основанной на работах Н.А. Ивницкого, В.П. Данилова и И.Е. Зеленина, рассматривают в первую очередь негативные изменения: раскулачивание, чистки, репрессии. Впрочем, в современной историографии сохраняется интерес и к вопросу формирования колхозной иерархии, способам улучшения социального статуса – об этом говорится в работах М.А. Безнина, Т.М. Димони, Л.В. Изюмовой, а также М.Н. Глумной. Намного более сложная картина представлена Ш. Фицпатрик. Она показывает как позитивные, так и негативные возможности передвижения по социальной лестнице в колхозной системе. Социальную мобильность колхозного крестьянства исследовал В.А. Ильиных [12]. Он говорит не только о вертикальной мобильности – изменении места в социальной структуре, движении как вверх по ней, так и вниз, но и о горизонтальной мобильности – переходе из одной позиции в другую при сохранении социального статуса (вступление в колхоз не всегда являлось потерей статуса или его повышением).

В 1930-е гг. для колхозников имелись разнообразные способы изменить свое положение в колхозной иерархии как в сторону социального роста, так и падения. Во многом этому способствовала высокая текучесть кадров, сохранявшаяся даже в конце десятилетия. В 1939 г. в 45 районах Новосибирской области сменилось 42 % председателей колхозов. В это же время половина председателей колхозов Алтайского края работала менее года [3, с. 38]. Высокая текучесть кадров наблюдалась и в составе колхозных правлений. Для рядовых членов колхозов открывались широкие возможности изменить свой статус. При этом остается не раскрытым вопрос о взаимосвязи социальной мобильности в колхозном обществе и взаимоотношений в крестьянской общине до коллективизации, в частности, о статусе крестьянского хозяйства. Большинство исследователей в своих работах говорят о колхозах после «великого перелома» как об абсолютно новой для деревни социальной структуре. Однако люди, вступившие в колхозы, хотя и потеряли прежний статус батраков, бедняков или середняков, но сохраняли крестьянский менталитет и в одночасье не могли забыть годами складывавшуюся систему отношений. На это косвенно указывает

М.Н. Глумная, упоминая о нежелании колхозников видеть среди членов правления представителей бедноты [10, с. 178].

В одной из наших статей поднимался вопрос о социальной дифференциации колхозного социума и положении бедняцко–батрацкой части крестьянства [13]. В ней в общих чертах были охарактеризованы проблемы взаимоотношений внутри колхозной среды на примере докладной записки начальника политотдела Топкинской МТС. Сделан вывод о социальной мобильности в колхозном социуме с точки зрения стартовых позиций (состояние хозяйства до коллективизации). Крестьяне, находившиеся внизу социальной лестницы в сельской общине, оставались аутсайдерами и в колхозном социуме. Данная тенденция не имела абсолютного характера, но могла проявляться в определенных условиях. При этом сохранялась высокая вертикальная мобильность, позволявшая выходцам из наименее обеспеченных слоев сельских жителей продвигаться вверх в колхозной иерархии.

В данной статье с использованием более широкого круга архивных источников предпринята попытка подробно рассмотреть высказанные ранее предположения. В первую очередь необходимо ответить на вопрос, почему одни выходцы из бедняцкой среды быстро поднимались вверх по лестнице колхозной иерархии, а другие оставались внизу. И каким образом на эти перемены повлияли отношения внутри колхозных коллективов. Отдельное внимание уделено критике источников. В делопроизводственной документации партийно–хозяйственных организаций, как и в крестьянских письмах во власть, упоминания о притеснениях бедноты вызывают обоснованные сомнения. Тем не менее осторожный подход при оценке содержащейся в источниках информации позволяет раскрыть тему исследования.

ПОЛОЖЕНИЕ БЕДНЯКОВ В КОЛХОЗНОМ СОЦИУМЕ

Социально–экономическое разделение крестьянского общества существовало продолжительное время задолго до коллективизации. Беднота, середняки и зажиточное крестьянство далеко не всегда мирно уживались друг с другом. Конфликты между ними, хотя и подогревались государством, не были идеологическим вымыслом, а имели под собой реальные основания. С начала проведения коллективизации между различными имущественными группами, оказавшимися в одном колхозе, стали возникать разногласия. Конечно, необходимо критически оценивать многие сообщения об ущемлении прав бедняков и батрачества в колхозах. В 1930-е гг. в советской деревне существовал своеобразный «культ бедноты», возникший еще в предыдущее десятилетие. Являясь, по мнению государства, основной социальной базой

социалистических преобразований, беднота мифологизировалась. С ней связывалось все хорошее, что только есть в крестьянстве. Их противники автоматически становились врагами советской власти. Подобный «черно–белый» взгляд на деревенский социум, подогреваемый тезисом об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму, стал причиной многочисленных упоминаний в отчетах сельских функционеров о бедноте, угнетаемой еще не до конца разбитым кулачеством, проникшим в колхозы. Поэтому следует скептически относиться к подобным заявлениям. К примеру, по данным Западно–Сибирской краевой прокуратуры, в 1931 г. в Точилинском сельсовете Алтайского района «<...> во главе парторганизации коммуны находился кулак Тижин Илларион, который протасил в партию брата–кулака Тижина Захара и еще несколько кулаков в члены коммуны. <...> группа возглавляемая Тижиним допускала явно хулиганские действия, разъезжая по селу с плетками и угрожая крестьянам не идущим в колхоз ссылкой в Нарым. Установлены случаи избияния плетками женщин и детей, аресты за отказ от обобществления имущества, а также насилия над женщинами. <...> село было буквально терроризировано и компания Тижина получила кличку карательного отряда, сам он назывался «исправником», а его помощники «жандармами». <...> Вся коммуна была как бы разделена на тижинцев и бедняков. Первые находились в значительно лучших условиях, чем вторые. <...> установлены случаи избияния бедняков и безобразного к ним отношения»¹. По логике автора сообщения, братья Тжины были кулаками не из–за их социально–экономического положения, а вследствие допущенных ими перегибов при коллективизации. Их жертвами обязательно становилась беднота, столь сильно ненавидимая, по мнению властей, кулаками. Отсюда и разделение коммуны на «тижинцев» и бедноту. По всей видимости, деревня действительно оказалась терроризируема опьяненными властью коллективизаторами. Однако классовая борьба не имела к этим событиям никакого отношения.

О вражде между различными имущественными слоями крестьянства поступали сообщения и из национальных районов. По сведениям крайкома в Узунском колхозе Кош–Агачского аймака Ойротской автономной области баи издевались над пастухами, не давая им коней для работы, но предоставляя их другим баям, камам и лишенцам с целью разездов по гостям². В Гачан–Узунской сельхозартели председатель правления, кандидат в члены ВКП(б) Игушев

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 253. Л. 272.

² Там же. Д. 242. Л. 3.

Яманул «делал нажим на бедноту и батраков, например, батрака Абынтова посылал за 25 верст в сельсовет за справкой, не давая ему в течение 5 суток хлеба и мяса, в результате батрак дошел до того, что не мог работать»³.

Представители советского партийно-хозяйственного аппарата понимали реальность конфликта. Однако идеологическая зашоренность не позволяла им взглянуть на ситуацию иначе, чем сквозь призму теории классовой борьбы. По их мнению, разжигание розни между батрачеством, беднотой и середняками происходило вследствие кулацкой агитации⁴. Впрочем, далеко не всегда их суждения оказывались столь ограничены. В документах проскальзывают и более реалистичное описание внутриколхозных конфликтов, без упоминания вездесущих кулаков. В 1930 г. в Ужанихинском районе при создании коммуны им. Буденного ее членами стали середняки – братья Куляковы. «Означенные лица с момента организации коммуны организовали в последней группировку, так называемую “куляковщину”, производя систематическое пьянство, устройство свадеб, избиений и издевательств над батраками, привлекая к означенным действиям и членов правления, имея на своей стороне явное большинство членов колхоза, являющ[ихся] родственниками Куляковых»⁵. В данном случае в роли угнетателей выступают середняки, связанные родственными отношениями. Подобная оценка уже ближе к реальности, без навешивания «кулацких ярлыков», хотя у автора документа были все основания для интерпретации фактов в духе классовых столкновений.

Притеснение бедняков и батрачества в колхозах со стороны кулачества стало частым сюжетом в крестьянских письмах, адресованных партийным органам. Таким способом авторы пытались приобрести особый статус в глазах властей и манипулировать их мнением. Исключенный в 1934 г. из колхоза «Пролетарский труд» Щербакульского района А. Борисенко утверждал, что одной из основных причин его изгнания стало выступление на колхозном собрании о «не верном прикреплении на работу всех зажиточных и бывших лишенцев, а беднота ходит без работы, только часть на работе, а поэтому на меня, Борисенко, пошел сильный нажим и нападения»⁶. Полностью доверять подобного рода заявлениям не стоит. Однако в данном случае автор указал на один весьма любопытный момент. Как будет показано ниже, одним из способов дискриминации бедняков в колхозном социуме стало

создание условий, при котором они не могут вырабатывать большое количество трудодней. Правление назначало их на низкооплачиваемую работу либо же вовсе не давало возможностей для заработка. На этот случай как раз и указывает А. Борисенко.

Более подробно эту проблему описал в своем письме, адресованном Западно-Сибирскому крайкому в 1932 г., М.И. Сучков, состоявший в колхозе им. Буденного Чебаковского района: «... трудящемуся бедняку или батраку жить очень трудно, потому что он всем обездолен, как в трудоднях, так и продуктами, тем более приезжим, вступившим в колхоз очень часто приходится сидеть голодным и холодным по два, по три и по четыре, и по пять дней, то мелят на мельницах живут, то не хватает хлеба. А друг дружку укоряют, что хорошо тебе жить без хлеба, что вы напасли себе колхозного хлеба. Все управители колхоза кулачки и зажиточные, и все родные и знакомые, все связаны. Малая часть бедноты и батрачества то не смеют ничего сказать, а то причину найдут, обездолят и выжить из колхоза так не так то выморкой выживут из колхоза»⁷. Этот взгляд на проблему «изнутри» принадлежит человеку, ощутившему на себе дискриминацию в колхозном коллективе, здесь присутствует упоминание ставшего уже мифическим в 1932 г. кулачества. Подобный прием часто использовался крестьянами при обращении к властям – они знали, как использовать бытовавшие в то время идеологемы. Но в конкретном случае причиной дискриминации, по всей видимости, стали не происки кулаков, а сохранившиеся еще с общинных времен отношения. Автору письма было проще сослаться при обращении к властям на понятную им теорию классовой борьбы, чем обосновывать происхождение имущественного расслоения иными способами: экономической дифференциацией, неформальными связями и т.д.

Порой выходцы из крестьянской среды весьма точно и незамысловато указывали на причины разногласий между представителями различных социально-экономических категорий сельского населения. Так, аноним из коммуны «Пролетарский труд» Спаского района в 1933 г. очень просто объяснял внутриколхозные конфликты: «<...> посиди в конторе, послушай один разговор, я принес вот какое хозяйство, указывая на свои обширные комнаты, кои заняты коммуной, тот б[ывший] бедняк тоже говорит: и я принес, батраки слушают, они ничего не принесли, чем вызывают недовольство»⁸. Таким образом, имущественные претензии к односельчанам провоцировали конфликты в колхозной среде. Но не только

³ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 253. Л. 11.

⁴ Там же. Д. 252. Л. 26 об.

⁵ Там же. Л. 335.

⁶ Там же. Оп. 7. 449. Л. 5.

⁷ Там же. Оп. 5. Д. 543. Л. 272.

⁸ Там же. Л. 21.

банальная неприязнь стала причиной незavidного плохого положения в колхозах малоимущих категорий крестьянства. Имелись и вполне объективные причины. Средняки оказались более подготовлены для ведения коллективного хозяйства. В 1931 г. в Боготольском районе в коммунах «Путь октября» и «13 лет РККА» зажиточные крестьяне говорили своим односельчанам–беднякам: «... в колхозе хорошо живется тому, у кого и раньше было всего, а если у тебя бедняка не было ничего, не во что обуться и одеться, то как же ты заработаешь трудодни»⁹. О значении работы в колхозе для бедноты писал в 1932 г. селькор деревни Назарово Спасского района: «Перемышкина в конторе по два дня стояла плакала, дай работы заработать для детей кусок хлеба. Леонов [председатель колхоза] посмеивается над женщиной: без хлеба поешь»¹⁰.

В одной из наших статей был опубликован доклад начальника политотдела Топкинской МТС Б. Майберга [13]. Пытаясь объяснить возникновение продовольственных затруднений в 1934 г., он провел социологическое мини–исследование, охватившее 8 колхозов, находящихся в районе деятельности МТС. Основным мотивом для него стало не выявление «кулацкого следа», а установление реальных причин провала кампании по закупу хлеба и отсутствия хлеба у колхозников. При проведении обследования Б. Майберг пришел к весьма любопытным выводам. Большинство семей, страдавших от дефицита продовольствия, занимались в колхозах наименее оплачиваемыми работами и выработали минимальное количество трудодней. Между тем их односельчане заработали достаточное количество трудодней и смогли покрыть потребности своих хозяйств в хлебе за счет полученного при распределении доходов. Разница в доходах оказалась весьма существенной и достигала соотношения одного к трем.

Такая дифференциация не была следствием незаинтересованности крестьян в общественном труде, а скорее отсутствием возможности проявить себя в нем, по причине дискриминации как со стороны колхозного правления, так и основной массы коллектива. Иными словами, им попросту не давали заработать на содержание своих семей. Однако не стоит все списывать на банальные внутриколлективные конфликты и групповые отношения, в результате которых «хлебные» должности распределялись среди членов «своей» группировки. Как установил Б. Майберг, испытывавшие продовольственные затруднения колхозники до коллективизации составляли батрацко–бедняцкую прослойку сельского социума. Выработывавшие же трудодни были середняками. Оказавшись в

одном колхозе, середняки подвергали дискриминации малоимущих односельчан, считая их неспособными заниматься ответственной работой.

Руководство колхозов поддерживало средняцкую часть коллективов, поэтому правления не назначали бедноту на достойные должности. Однако Б. Майберг говорит не просто о банальной дискриминации, он показывает куда как более сложную картину социальной жизни деревни: «... взятый в свое время вполне правильный курс на середняка в колхозном строительстве в настоящее время, как мне кажется, начинает перерастать в свою противоположность. Средняцкие хоз[яйст]ва, захватив в колхозах “командные высоты”, сильно укрепили за собой эти позиции и оттеснили бедноту, не допуская ее к хорошо “оплачиваемым” работам. Я имел беседу на эту тему с некоторыми, наиболее передовыми, председателями. Они признали, что это явление имеет место, что оно “исторически” так сложилось вследствие того, что середняк пришел в колхоз более квалифицированным, грамотным, знающим хоз[яйст]во, умеющим работать и т.д. и т.п. Обратное в своей массе представлял бедняк. Все это непреложно верно «в былом», но за последние 5–6 лет картина сильно изменилась: бедняк культурно–политически и, если так можно выразиться, хозяйственно развился и вырос. Его же экономическое положение и роль в колхозном производстве относительно почти не изменились. Разность в экономическом положении между быв[шим] средняцким и бедняцким хозяйством усугубляется еще рядом обстоятельств. Основным из них – это то, что середняк пришел в колхоз с крепким, неплохим своим индивидуальным хозяйством, которое ему (середняку) удалось еще больше укрепить. Бедняк же не имеет возможности “стать на ноги”. Не имея своего подсобного хозяйства, а зачастую даже коровы, он потребляет значительно больше хлеба на едока, чем средняцкое хозяйство»¹¹. Таким образом, беднота не только не могла выработать большое количество трудодней, но и развивать собственное хозяйство. Этим и объясняются продовольственные затруднения части колхозников, возникшие на фоне относительно благополучного существования односельчан.

О взаимосвязи между имущественным положением крестьян до коллективизации и после, а также выполняемой в колхозе работе и размере получаемой оплаты говорится в докладной записке 1932 г. уполномоченного Западно–Сибирского крайкома по хлебозаготовкам в Баевском районе: «В колхозе им. КАЛИНИНА <...> наряду с бесхозяйственностью и расхищением хлеба и скота пышно процветала экс-

⁹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 305. Л. 81.

¹⁰ Там же. Оп. 5. Д. 543. Л. 253.

¹¹ Там же. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 210. Л. 91-92.

плуатация бывшего батрачества и бедноты. Эксплуатация носила явно издевательский и контрреволюционный характер. Бедноту не только ставили на самую тяжелую, грязную и менее оплачиваемую работу, но воровали трудодни, снижали нормы выработки и не оплачивали; пытавшихся протестовать лишали работы и оставляли совсем без хлеба. <...> Вообще лишение работы бедноты в колхозах носит массовый характер, а отсутствие работы, отсутствие трудодней – отсутствие хлеба, отсюда голод и бегство бедноты из колхозов (один из кулацких методов разрушения колхозов и дискредитации коллективизации)»¹². В своей оценке автор не обошелся без упоминания классовой борьбы. Однако его наблюдения не следует сводить к банальному поиску виноватых (в данном случае – кулаков). Уполномоченный крайкома, хотя и использует распространенные в то время идеологемы, подтверждает представленное выше мнение начальника политотдела Топкинской МТС Б. Майберга.

Рядовые сельские партийцы, непосредственно вовлеченные в колхозное строительство, не только воочию наблюдали столкновение между отдельными группами крестьян, но и принимали в них непосредственное участие. В 1931 г. в Рыбинском и Усть-Ишимском районах некоторые члены партии считали батраков «дезорганизирующим элементом» и с целью воспитания предлагали исключить их из колхоза на несколько месяцев. Вопреки бытовавшим идеологическим догмам социальную опору колхозов они видели в «хозяйственном» мужике, а не якобы в политически лояльной бедноте¹³.

Вместе с тем, обращаясь в партийные инстанции, рядовые члены ВКП(б) использовали положительные стереотипы о бедняках в своих целях. В 1931 г. председатель Омского райполеводсоюза Р.В. Клец организовал коммуну им. Воровского, став ее членом. Через некоторое время, по его словам, коллектив колхоза разделился надвое: с одной стороны члены правления, с другой – беднота. Сам Клец, естественно, примыкал к последним. В результате развернувшейся борьбы он был заключен под стражу по подозрению в поджоге мельницы. Р.В. Клец следующим образом описывает свой арест: «Толпа батрачек и беднячек коммунарок проводит меня с плачем»¹⁴. Классовая принадлежность проливавших слезы женщин, по мнению автора, должна была свидетельствовать о его невиновности. Здесь беднота уже является не «дезорганизирующим элементом», а указывает на совершенную несправедливость и невиновность организатора колхоза.

ПОЛОЖЕНИЕ СЕРЕДНЯКОВ В КОЛХОЗНОМ СОЦИУМЕ

Далеко не всегда в ущемленном положении оказывалась беднота. В зависимости от того, как складывались отношения в том или ином колхозе, аутсайдерами могли стать середняки. По данным Западно-Сибирского крайкома в 1931 г., «нередко отмечаются в колхозах факты полнейшего игнорирования нужд, запросов и интересов середняка-колхозника; зачастую он даже не привлекается к участию в разрешении колхозных вопросов; хозяйственный опыт и знания середняка не всегда и не везде используются в полной мере, стремления и попытки середняка стать активным работником в колхозе иногда упираются в непреодолимую стену бюрократического, явно оппортунистического руководства»¹⁵.

Беднота могла численно превосходить середняков и поддерживаться со стороны сельской партийной ячейки. Так, в 1930 г. в колхозе «Память Ленина» Ижморского района происходило противостояние между весьма многочисленной партийной ячейкой, состоящей из 10 членов ВКП(б) при поддержке 13 комсомольцев, выступавших на стороне бедноты. Им противостояли середняки, сумевшие на время занять главенствующее положение в колхозе. Однако когда правление повело борьбу с прогулами, а самыми злостными прогульщиками оказались члены партии, их обвинили в принадлежности к кулачеству и вычистили из колхоза. В довершении всего над ними нависла угроза ссылки на спецпоселение¹⁶. В данном случае социальная иерархия внутри колхоза выстраивалась при активном участии бедноты и членов партии, а середняки оказались в ущемленном положении.

Уже упоминавшийся начальник политотдела Топкинской МТС Б. Майберг, сформулировавший в своей докладной записке проблему дискриминации малоимущих слоев крестьянства, в ней же приводил абсолютно противоположный пример. Один из обследуемых им колхозов – «Боевой май», возглавлялся бывшим батраком, который совместно с правлением «держит курс на крепкого середняка, что б[ывшие] беднота и батраки в загоне, что последним, как правило, отводятся второстепенные, подсобные работы – пастухов, сторожей и т. п.»¹⁷. Данный случай является наглядным примером разнонаправленных векторов социальной мобильности, при которых выходцы из одной и той же среды занимают различные позиции в колхозной иерархии и выступают в противоположных лагерях.

¹² ГАНО. П-3. Оп. 2. Д. 357. Л. 125.

¹³ Там же. Д. 252. Л. 238.

¹⁴ Там же. Оп. 4. Д. 3. Л. 1092 об.

¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 252. Л. 26-26 об.

¹⁶ Там же. Оп. 3. Д. 304. Л. 57-58 об.

¹⁷ Там же. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 210. Л. 87.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Почему положение бедноты в колхозах было столь неоднозначно и по какой причине кто-то продвигался вверх по социальной лестнице, а за другими надолго закреплялось ярмо бедняка? Причина кроется не только в личных качествах индивидов. Отчасти на этот вопрос можно найти ответ в работе И.С. Кузнецова, изучавшего социальную психологию крестьянства Сибири в 1920-е гг. и пришедшего к выводу о неоднородности батрацко-бедняцких слоев. Существовали «вынужденные» бедняки, ставшие таковыми в результате раздела хозяйства, стихийного бедствия или несчастного случая. К ним отношение со стороны односельчан было нормальным. Но были и бедняки, не способные развивать хозяйство, в силу отсутствия задатков к тяжелому физическому труду. Обладавшее особой трудовой этикой крестьянство, уважавшее предприимчивых и трудолюбивых хозяев, негативно относилось к нерадивым беднякам [13, с. 56]. Обычно их третировали в сельской общине, а затем в колхозах, считая ленивыми и неспособными к ответственной работе. Между тем продвижению «вынужденных» бедняков не препятствовали.

Еще одной особой категорией бедноты стал деревенский люмпен-пролетариат, отвергавший крестьянскую этику и стоявший на крайне уравнилельных позициях [13, с. 63–64]. Социально-психологическая маргинальность, оторванность от традиционных ценностей и групповой общности, готовность добиться «социального реванша» сделали эту среду особенно восприимчивой к большевистской идеологии. Коллективизация открыла для них широкие перспективы для социального роста, в том числе и внутри колхозной иерархии. Районные органы власти, отбирившие управленческие кадры для колхозов по принципу политической лояльности, в первую очередь обращали внимание именно на этот контингент, формируя сельский и колхозный актив, вступавший в партию и комсомол. Поэтому не удивительно, что в одном коллективном хозяйстве выходцы из бедняцко-батрацкой прослойки могли оказаться и в привилегированном положении, и в самом низу.

Таким образом, стартовые позиции хозяйства, их экономическое состояние и неформальное положение в крестьянском обществе оказывали существенное влияние на возможности социальной мобильности. Профессиональная и имущественная дифференциация колхозной среды сохраняла отпечаток доколхозной деревни. Коллективные хозяйства «тащили» на себе проблемы разрушенных государством сельских общин, которые должны были разрешаться в уже новых социально-экономических условиях. Низкий социальный статус преследовал не имевших авторитета в деревенском обществе бедняков даже после вступления их в колхоз. Между тем часть бедноты, зани-

мавшая более выгодные позиции внутри своей социальной среды и уважаемая односельчанами, могла использовать открывшиеся с коллективизацией возможности для социального роста. Но лучшими перспективами обладали большевизированные и ментально обособленные от крестьянской массы группы, являвшиеся опорой советской власти в деревне.

С течением времени расслоение колхозников по имущественному положению на бедноту и середняков должно было исчезнуть вместе с развитием социально-профессиональной иерархии и возникновением новых отношений внутри колхозного социума. Однако формы идентичности, основанные на социально-профессиональных признаках, только начали формироваться и еще полностью не сложились. Иными словами, колхозники считали себя в первую очередь крестьянами, со свойственной им имущественной дифференциацией, а уже потом механизаторами, агрономами или председателями. С мест продолжали поступать донесения о сохранявшемся разделении, характерном для доколхозной деревни. Так, Асиновский райком в 1936 г. сообщал об артели «Свобода» следующие факты: «Колхоз организован из крепкой середняцко-зажиточной части. Между бедняцкой и зажиточной частью колхозников имеются групповая борьба и склоки»¹⁸. Тем не менее экономическое разделение должно было постепенно нивелироваться. Спустя годы после начала сплошной коллективизации положение колхозной семьи определялось уже не имевшимися ранее материальными благами, отчасти растраченными самими колхозниками перед вступлением в коллективное хозяйство, внесенными в общий колхозный фонд и «выжатыми» государством путем увеличения налогового-податного обложения. Ко второй половине 1930-х гг. главную роль стали играть уровень развития ЛПХ и занимаемое в колхозной иерархии положение. Последнее влияло как на количество выработанных трудодней, а значит, и полученную оплату, так и возможность использовать колхозные ресурсы в личных целях, иногда в ущерб колхозному хозяйству и втайне от коллектива. Тем не менее разделение на бедноту и середняков сохранялось. Возможно, на исчезновение прежнего статуса требовалось значительно больше времени. К тому же, как было уже сказано, ЛПХ середняков и бедноты обладало разным потенциалом. Не исключено, что уже сложившиеся при организации колхозов групповые отношения настолько сильно укоренились в социуме, что продолжали существовать по инерции, несмотря на постепенно сглаживающееся экономическое различие крестьянских хозяйств. Впрочем, для обоснования данного предположения требуется дальнейшее исследование с привлечением дополнительных источников.

¹⁸ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 709. Л. 172.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль, 1971. 374 с.
2. Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск: Наука, 1975. 288 с.
3. Крестьянство Сибири в период упрочнения и развития социализма. Новосибирск: Наука, 1985. 398 с.
4. Данилов В.П. История крестьянства в России в XX веке: избранные труды: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 2011. Ч. 1. 863 с.; Ч. 2. 831 с.
5. Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 212 с.
6. Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: [б.и.], 2000. 350 с.
7. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 422 с.
8. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М.: Ленанд, 2014. 608 с.
9. Изюмова Л.В. Стратификация колхозной деревни в 1930–1960-е гг. (по материалам Европейского Севера России). Вологда, 2010. 176 с.
10. Глумная М.Н. Становление и развитие управленческого аппарата колхозов Европейского Севера России (конец 1920-х–1930-е гг.). Вологда: Легия, 2011. 296 с.
11. Гончарова И.В., Чувардин Г.С. Эволюция социального мира черноземной деревни в процессе коллективизации (1930–1932 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020 год: Социальный мир деревни X–XXI вв. Воронеж: Научная книга, 2020. С. 172–178.
12. Ильных В.А. Социальная мобильность колхозного крестьянства в 1930-е гг. // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. № 1 (23). С. 114–128. DOI 10.15826/izv2.2021.23.1.009
- Ланердин В.Б. Имущественное расслоение и социальная дифференциация колхозников Западно-Сибирского края в 1930-е годы // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 198–211. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-19.pdf>. DOI: 10.31518/2618-9100-2020-3-19
- Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психологические очерки). Новосибирск, 2011. 235 с.

REFERENCES

1. Arutyunyan Yu. V. Social structure of the USSR rural population. Moscow, Mysl', 1971, 374 p. (In Russ.)
2. Gushchin N. Ya., Kosheleva E. V. Charushin V. G. Peasantry of West Siberia in the pre-war years (1935–1941). Novosibirsk, Nauka, 1975, 288 p. (In Russ.)
3. Aniskov V. T. (ed.) The peasantry of Siberia in the period of socialism consolidation and development. Novosibirsk, Nauka, 1985, 398 p. (In Russ.)
4. Danilov V. P. The history of peasantry in Russia in the XX century. Selected works: in 2 vols. Moscow, ROSSPEN, 2011, vol. 1, 863 p.; vol. 2, 831 p. (In Russ.)
5. Zelenin I. E. Stalin's "revolution from above" after the "great break", 1930–1939: politics, implementation, results. Moscow, Nauka, 2006, 221 p. (In Russ.)
6. Ivitskiy N. A. Repressive policy of Soviet state in the countryside (1928–1933). Moscow, 2000, 350 p. (In Russ.)
7. Fitzpatrick S. Stalin peasants: the social history of Soviet Russia in the 1930s: the countryside. Moscow, ROSSPEN, 2001, 442 p. (In Russ.)
8. Beznin M. A., Dimoni T. M. Agrarian system of Russia in the 1930s–80s. Moscow, Lenand, 2014, 608 p. (In Russ.)
9. Izumova L. V. Stratification of the collective farm village in the 1930s–60s (based on materials of the European North of Russia). Vologda, 2010, 176 p. (In Russ.)
10. Glumnaya M. N. Formation and development of the administrative apparatus of collective farms in the European North of Russia (late 1920s–30s). Vologda, Legiya, 2010, 176 p. (In Russ.)
11. Goncharova I. V. Chuwardin G. S. Evolution of the social world of the chernozem village in the process of collectivization (1930–1932). *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2020 god: sotsial'nyy mir derevni X–XXI vv.* Voronezh, 2020, pp. 172–178. (In Russ.)
12. Il'nykh V. A. Social mobility of the collective farm peasantry in the 1930s. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki*, 2021, no. 1, pp. 114–128. (In Russ.)
13. Laperdin V. B. Social stratification in collective farms of West Siberian Region in the 1930s. *Istoricheskiy kur'er*, 2020, no. 3, pp. 198–211. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-19.pdf>. (In Russ.)
14. Kuznetsov I. S. On the way to the «the great turn». People and customs of the Siberian village of the 1920s. (Psychological essays). Novosibirsk, 2011, 235 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.04.2021

Дата рецензирования 05.05.2021

Статья принята к публикации 07.06.2021

DOI: 10.15372/HSS20210311

УДК 94:338.2(47)“1933”

М.А. ФЕЛЬДМАН

ОСМЫСЛЕНИЕ ПАРТИЙНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭЛИТОЙ СССР ИТОГОВ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ: ПУТЬ К ПРОЗРЕНИЮ НЕ БЫВАЕТ ЛЕГКИМ.

Уральский институт – филиал Академии народного хозяйства
и государственной службы РФ,
РФ, 620144, г. Екатеринбург ул. 8 марта, д. 66.

Статья посвящена осмыслению итогов первой пятилетки в СССР в январе 1933 г. Замысел первого пятилетнего плана был обширен: впервые в мировой истории в рамках государственного плана намечалось пропорциональное и сбалансированное развитие регионального и отраслевого потенциалов; определялся широкий круг социальных программ. Столкновение рационального и утопических курсов реализации заданий пятилетки – одна из самых драматических страниц советской истории – проходило сквозь судьбы людей. Материалы январского (1933) пленума ЦК ВКП (б) показали, что признание пагубности курса «бешеных темпов» пришло к представителям руководства СССР. Но осмысление событий первой пятилетки затруднялось выстроенным мифологическим пространством, включавшим идеологические конструкции типа «создания фундамента социалистической экономики». Для одних – это был путь к прозрению, для других – путь к слепому выполнению приказов. Январь 1933 г. стал развилкой самых различных векторов развития советской истории.

Ключевые слова: пятилетка, план, СССР, промышленность, партия, экономика, пленум, индустриализация, мифология, идеология.

M.A. FELDMAN

UNDERSTANDING THE RESULTS OF THE FIRST FIVE-YEAR PLAN: THE PATH TO INSIGHT IS NOT EASY

Ural Institute – Branch of the Academy of National Economy
and Public Administration of the Russian Federation,
66, 8th of March Str., Yekaterinburg, 620144, Russian Federation

The article is devoted to understanding the results of the First Five-Year Plan in the USSR in January 1933. The idea of the First Five-Year Plan was extensive: for the first time in world history, a proportional and balanced development of regional and sectoral potentials was planned within the framework of the state plan; as well as a wide range of social programs. The clash of rational and utopian courses during implementation of the five-year plan is the most dramatic page of Soviet history, which had a strong impact on the people fates. The materials of the January (1933) Plenum of CPSU(b) Central Committee show that the perniciousness of the “frenzied pace” course was eventually realized by the USSR leadership representatives. However, the comprehension of the First Five-Year Plan events has been complicated by the constructed mythological space, which included ideological constructions such as “creating the socialist economy foundation”. At the same time, Stalin attributed the explanation of the “frenzied pace” practice, all difficulties and hardships fell to the population share during the First Five-Year Plan, as well as reasons to under-fulfill the planned tasks to an external factor: “the refusal of neighboring countries to sign non-aggression pacts with us and complications in the Far East”. The removal of one’s own responsibility for the monstrous mistakes and crimes of the early 1930s; the imposition of responsibility on local cadres and the capitalist environment – such were distinctive signs of Stalin’s style, which had not changed since the spring of 1930, the time of balancing on the verge of a new civil war in the countryside.

Another fundamentally new point was the repeated emphasis on the lack of alternative to the course of the early 1930s. The General Secretary did not make any analytical comparison with the version of the Five-Year Plan adopted in April-May 1929.

Thereby, the January (1933) Joint Plenum of CPSU(b) Central Committee and the Central Control Commission has a special place in a number of party forums according to the significance of conclusions included in textbooks for decades – for example, the thesis about “building the socialist economic foundation”. By the scale of social deception – millions of people dying of hunger dying collectivization; exile and devastation of the most skilled peasants; impoverishment of tens of million people; catastrophe in husbandry; economic chaos in constructing and developing enterprises – were presented as a revolutionary victory of “socialist” relations.

Key word: Five-Year Plan, plan, USSR, industry, party, economy, plenum, industrialization, mythology, ideology.

Михаил Аркадьевич Фельдман – д-р ист. наук, профессор, Уральский институт – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы, e-mail: feldman-mih@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9825-6650>.

Mikhail. A. Feldman – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Institute – Branch of the Academy of National Economy and Public Administration Russia.

ВВЕДЕНИЕ

В советский период истории характеристики итогов первой пятилетки на долгие десятилетия были определены сталинскими формулировками из доклада генсека на январском (1933) Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) (*далее* – Пленум). Статья И.А. Гладкова [1] открывала историю создания и эволюции первого пятилетнего плана, прослеживая этапы становления советского планирования, связанные со съездами работников этой сферы в СССР. К сожалению, данная публикация была выдержана в духе официальных пропагандистских установок. Варианты пятилетнего плана («отправной» и «оптимальный»), подготовленные в августе 1928 г. работниками Госплана, априори были отнесены к оппортунистическим, поскольку «разрабатывались при участии буржуазных экономистов и техников, которые в своих проектировках и экспертизах пытались приуменьшить ресурсы и темпы индустриализации». В силу этого все варианты, отталкивающиеся от «технических возможностей», «страдали органическим пороком – минимализмом». В вину Госплану была поставлена непростительная ошибка: ни в одном варианте Госплана не предусматривалось сокращение доли частного капитала [1, с. 112, 115, 125].

О всестороннем сталинском анализе итогов первой пятилетки писал в 1975 г. В.С. Лельчук – ведущий советский исследователь индустриализации в СССР [2, с.147]. Правда, в издании 1984 г. он отметил, что создание «основ индустриализации» сочеталось с «сужением сферы действия экономических рычагов управления», «низкой культурой труда, слабой производственной дисциплиной» [3, с.171, 173], т.е. с масштабными явлениями, оставшимися вне доклада Сталина на Пленуме.

Переосмысление сталинских догм началось в конце 1980-х гг., однако на подлинно научный уровень вышло уже в постсоветскую эпоху. В книге «История Советского государства.1900–1991 гг.» Н. Верт обращал внимание на методику манипулирования с количественными показателями: подводя итоги первого пятилетнего плана, Сталин оперировал цифрами *первоначального его варианта*, принятого в апреле–мае 1929 г. (т.е. варианта «правых», осужденного за «сознательно заниженные показатели»), а не принятого под его (генсека) давлением варианта 1930 г. [4, с. 200].

Следует заметить, что Сталин только повторил «маневр» Молотова годом ранее: на XVII Всесоюзной партийной конференции выполнение первого пятилетнего плана Молотов связал с его «оптимальным вариантом», утвержденным Пятым съездом Советов в мае 1929 г., т.е. до запуска процесса безудержного увеличения капиталовложений в промышленность, составившего в 1930 г. дополнительные, сверхплано-

вые 57 %, а в 1931г. – 80 % [5, с. 127]. Тем самым глава правительства в кризисной ситуации зимы 1932 г. де-факто снял обвинение с «правых» в замедлении темпов развития экономики, воспринимавших «оптимальный» вариант пятилетнего плана как последний рубеж политического реализма.

Масштаб недовольства народных масс реалиями советской жизни начала 1930-х гг. не мог не отразиться на настроениях части партийных и хозяйственных кадров, порождая определенную внутреннюю невосприимчивость к мифологизмам. Сталинская политика стала вызывать недовольство, прежде всего, директорского корпуса, зажатого в тиски невыполнимых требований, с одной стороны, и пассивного сопротивления своих подчиненных – с другой [4, с. 204].

Следует отдать должное британскому историку Р.У. Дэвису, сумевшему на основе научного изучения широкого пласта первоисточников обратиться к непредвзятому изучению не только итогов социально-экономического развития СССР, но и степени осмысления результатов первой пятилетки представителями советского руководства. Не без иронии, пишет Дэвис, «первый пункт повестки дня пленума ЦК партии, проходившего с 7 по 12 января 1933 года, был **смело** (*выделено мною. – М.Ф.*) озаглавлен “итоги Первой Пятилетки и народно-хозяйственный план на 1933 год – первый год второй пятилетки”» [6, с. 317]. «Смелость», отмеченная Дэвисом, заключалась, видимо, в том, что итоги 1932 г., а с ним и первой пятилетки, подводились уже через неделю после окончания календарного года, тогда как технические возможности тщательного подсчета требовали иных, существенно бóльших, сроков.

В пользу этого утверждения говорит и тот факт, что все три доклада на пленуме об итогах пятилетки (Сталина, Молотова и Куйбышева, а также речь Орджоникидзе) появились в печати лишь с незначительными изменениями по сравнению с печатным стенографическим отчетом, сохранившимся в архивах [6, с. 317]. Все это позволяет утверждать, что *подготовленные заранее* доклады руководителей СССР только весьма приблизительно были связаны с анализом статистических показателей. Монография Дэвиса позволяет проследить хронологию событий: 3 декабря 1932 г. Политбюро ЦК ВКП (б), подводя итоги года (!), определило размеры капиталовложений на 1933 г., на основе которых 5 января 1933 г. Совнарком принял **секретный декрет** «О государственном бюджете и экономическом плане на 1933 год» [3, с. 317]. Секретность распределения капиталовложений прочно войдет в практику управления в СССР, определяя, например, не только соотношение объявленных (1450 млн руб.) и реальных (4178 млн руб.) расходов на оборону в 1933 г. [6, с. 319], но и общую закрытость данных о подлинной финансовой политике Советского государства.

Сталинский вывод об «успешном и досрочном завершении пятилетки за четыре года и три месяца» порождал столь мощное *мифологическое пространство*, что члены Политбюро, соратники генерального секретаря ЦК ВКП (б), отвечавшие за реальные секторы экономики и в силу этого более глубоко осознававшие положение дел в экономике, оказывались «скованные одной цепью» идеологических выводов и суждений. Повышенная эмоциональность сталинского выступления затрудняла объективный разбор реализации пятилетнего плана, и «восторженная резолюция Пленума ЦК, как отмечает британский историк [6, с.326], одобрила доклад о первом пятилетнем плане и директивы по плану 1933 г.»

Однако, по обоснованному утверждению О.В. Хлевнюка, «первая пятилетка по всем ключевым параметрам не была выполнена вообще. Провозглашенные цифры – стопроцентный рост индустриальной продукции между 1928 и 1932 гг. – были ложью. Реальные показатели были примерно вдвое меньше» [7, с. 178, 179, 206]. Итоги пятилетки были столь далеки от индикаторов, запланированных по инициативе главы партии, что у Сталина были все основания беспокоиться за свою судьбу в преддверии январского (1933 г.) Пленума. Генсек, фактически промолчавший все одиннадцать заседаний XVI Всесоюзной партийной конференции в феврале 1932 г., не желая вступать в дискуссию о причинах очевидных кризисных явлений в экономике [8, с. 83], никакого сопоставления плановых и достигнутых показателей пятилетки стремился не допустить и в январе 1933 г.

Таким образом, к январю 1933 г., оказавшись если не у «последней черты», то в ожидании критических выступлений на Пленуме, Сталин был готов к корректировке экономического курса, но при соблюдении ряда условий: сохранении и усилении негативных оценок недавних соратников – «правых». Январский (1933 г.) пленум, при кажущейся изученности, содержит ряд неизведанных пластов познания. В какой степени прозрение пагубности прежнего экономического курса пришло к активным участникам Пленума, включая Сталина? Насколько глубоки были перемены в сознании представителей правящей элиты в январе 1933 г.? Какие политические и идеологические векторы отбрасывали назад советских управленцев в период стабилизации советской экономики? Поиску ответа на поставленные вопросы посвящена эта статья.

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ ИТОГОВ ПЯТИЛЕТКИ НА ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП (Б) В ЯНВАРЕ 1933 г.

Доклад Сталина, прозвучавший на Пленуме 7 января 1933 г., только 10 января был опубликован в

газете «Правда». Это не было случайностью: для формирования мифологической среды важно было не только ввести в оборот, но и проверить степень воздействия каждого слова. Если в рациональном мире – смысл создает слова, то в мифологическом пространстве слова определяют смысл.

В докладе Сталина можно выделить, по крайней мере, четыре сегмента утверждений.

Первый сегмент касался подведения итогов пятилетки в промышленности. Знаменитый чеканный сталинский рефрен: «у нас не было – теперь есть»¹ оказал завораживающее воздействие на участников Пленума, неоднократно цитировался членами ЦК, стал основой пропагандистских мероприятий. Смысл же реальности был совсем иной: например, авиационная промышленность в дореволюционной России выпустила (данные за 1916 г.) 1287 самолетов и 639 моторов [10, с. 99]. По производству черных металлов и угля Россия немногим уступала Франции. Не выдерживало никакой критики утверждение Сталина о том, что «Россия до 1917 г. по производству нефтяных продуктов и угля стояла на последнем месте» – с учетом того, что на рубеже XIX – XX вв. страна больше всех в мире добывала нефти, уступая только США по производству керосина [11, с. 130].

Уже на XVI съезде ВКП (б) Сталин ввел штамп, ставший нормой – «капитализм нам оставил почти полное отсутствие собственного машиностроения». «Конкретизируя» сталинскую мысль, председатель ВСНХ В.В. Куйбышев заявил: «до войны машиностроительная промышленность, по сравнимым ценам (приведенным к ценам 1926/27 г.) дала приблизительно на 307 млн рублей продукции» [5, с. 859]. Между тем в 1913 г. в машиностроении и металлообработке России стоимость произведенной продукции равнялась 820 млн рублей (в 1928/29 г. – 703 млн)².

Общий вывод этой части сталинского доклада заключался в глобальном утверждении: за годы первой пятилетки удалось «перевести нашу страну с ее отсталой, подчас средневековой техникой – на рельсы новой, современной техники»³. Однако помимо вышеприведенных тезисов генсек не привел каких-либо доказательств. Заявленные словесные конструкции сами должны были сконструировать нужный смысл перемен.

Второй сегмент доклада был посвящен итогам пятилетки в сфере сельского хозяйства. Главный довод Сталина в защиту обоснованности коллективиза-

¹ Сталин И.В. Итоги первой пятилетки: Доклад 7 января 1933 г. на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) 7–12 января 1933 г. [9, с. 64]

² Динамика российской и советской промышленности. М.; Л.: Госиздат, 1930. Ч. 3: Промышленность 1912, 1913, 1915, 1929, 1925/26 гг. С. 10.

³ Сталин И.В. Итоги первой пятилетки... С. 62.

ции заключался в увеличении объемов заготовок товарного зерна с «500–600 миллионов пудов товарного хлеба, заготавливавшегося в период преобладания индивидуального крестьянского хозяйства, до 1.200–1.400 миллионов пудов ежегодно» после коллективизации⁴.

Практически весь состав участников пленума был «повязан» участием в насильственной коллективизации. Но известна была и цифра потерь животноводства за первые месяцы коллективизации, озвученная в июле 1930 г. С.И. Сырцовым на XVI съезде ВКП (б): «перегибы и ошибки» в ходе коллективизации обернулись только в животноводстве потерями на сумму в 3 млрд. руб.» [5, с. 400–403]. Однако самым тяжелым проявлением коллективизации в ее сталинском варианте стали жертвы голода 1932–1933 г.: погибли 5,6 млн крестьян, в том числе 2,5 млн на Украине [12, с. 294–49, 295].

Нигде, как в этом сегменте доклада, не была так масштабно выставлена мифологическая завеса! Не случайно, понимая всю натянутость своих выводов, 11 января 1933 г. Сталин выступил с еще одним (незапланированным и неуказанным в повестке Пленума) докладом – «О работе в деревне», опубликованном в газете «Правде» 17 января 1933 г.⁵

Признав, что в 1932 г. «хлебозаготовки прошли у нас с большими трудностями, чем в предыдущем году», Сталин дал развернутое объяснение происходящему. Виноватыми оказались работники колхозов и совхозов, не увидавшие «отрицательных сторон» разрешения колхозной торговли. Легализация колхозной торговли означала и легализацию рыночной цены на зерно, а значит, появление выбора у крестьян. Задача сельских коммунистов, по мнению Сталина, заключалась в том, что «с первых же дней уборки, еще в июле месяце 1932 года, они должны были всемерно усилить и подгонять хлебозаготовки». Как видно, насилие в качестве основного метода коллективизации не уходило в прошлое.

Сталин указал на «засоренность» колхозов «бывшими» – из кулаков, лиц, служивших в белой армии; чиновников, служащих и т.д. Более того, даже само объединение крестьян в колхозы пугало Сталина *потенциальной возможностью* воздействия на жителей деревни нежелательной информацией и агитацией⁶.

Тем самым робкий шаг назад от потрясений коллективизации сопровождался новыми шагами вперед по дороге насилия уже внутри колхозов. Но в память участников Пленума насаждался мифологический тезис о «превращении СССР в страну самого

крупного (читай – передового) сельского хозяйства в мире»⁷.

Третий сегмент касался объяснения практики «бешеных темпов», всех трудностей и тягот, выпавших на долю населения в годы первой пятилетки, а также причин невыполнения плановых заданий. Основные причины Сталин связал с внешним фактором: «отказом соседних стран подписать с нами пакты о ненападении и осложнениях на Дальнем Востоке». Следствие такого отказа стало «переключение ряда заводов в целях усиления обороны на производство современных орудий обороны»⁸.

Снятие собственной ответственности за чудовищные ошибки и преступления начала 1930-х гг., возложение ответственности на местные кадры и капиталистическое окружение – в этом сталинский почерк не менялся с памятной весны 1930 г. – времени балансирования на грани новой гражданской войны в деревне.

Еще одним принципиально новым моментом стало неоднократное подчеркивание безальтернативности курсу начала 1930-х гг.⁹ Никакого аналитического сравнения с вариантом пятилетнего плана, принятого в апреле–мае 1929 г., генсек не сделал: его усилия были обращены на воссоздание картины ужасов, ожидавшей СССР в случае отказа от курса «бешеных темпов»

Четвертый сегмент был посвящен изменению курса экономической политики. Целый комплекс внутренних и внешнеполитических причин (хаос экономических связей, финансовый кризис и рост внешней задолженности) не позволял далее, как выразился Сталин на Пленуме ЦК партии в январе 1933 г., «подхлестывать и подгонять страну». По существу, это был отказ, тихое и официально не признанное отрицание (в ряде пунктов даже осуждение) курса первой пятилетки [7, с. 177.].

В годы второй пятилетки, по мнению Сталина, на первый план выходило *освоение техники* старых или обновленных заводов и фабрик, что требовало повышения квалификации рабочих и инженерно-технического персонала¹⁰. Но примечательна была и оговорка генсека: «особенно в первые два-три года второй пятилетки». Это означало, что на стабилизацию положения в экономике (в том числе за счет отступления от приоритета насильственных мер) отводились 1933–1935 гг.

Специалисты (работники экономических наркоматов, представители директорского корпуса) не успевали 7 января 1933 г. от руководителя партии ни

⁴ Сталин И.В. Итоги первой пятилетки... С. 69.

⁵ Сталин И.В. О работе в деревне // Правда. 1933. 17 янв.

⁶ Сталин И.В. Итоги первой пятилетки... С. 79.

⁷ Там же. С. 69.

⁸ Там же. С. 65.

⁹ Там же. С. 66.

¹⁰ Там же. С. 67.

одного слова о хозрасчете – важнейшей проблеме экономики. Пропагандистские клише постоянно напоминали: в речи Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. в специальном разделе «О хозрасчете» говорилось о том, что «благодаря бесхозяйственному ведению дела принципы хозрасчета оказались совершенно подорванными в целом ряде наших предприятий и хозяйственных организаций. Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций давно уже перестали считать, калькулировать, составлять обоснованные балансы доходов и расходов»¹¹. Однако свое подлинное отношение к экономическим принципам Сталин выразил в письме Л.М. Кагановичу от 6 августа 1931 г., требуя: «буржуазный подход к вопросу о рентабельности – расклевать». В системе координат «социалистической экономики» хозрасчет имел право на существование в сфере права, но его подлинная жизнь началась за пределами легальной экономики. Не случайно началом 1930-х гг. датируется слияние командной экономики с теневой [13, с. 314].

Не прозвучала и оценка внешних хозяйственных связей СССР, даже с учетом «практически полной зависимости советской индустриализации от зарубежных технологий» [14, 2012, с. 15]: мифологические конструкции складываются не только из слов, но и из фигур умолчания.

Таким образом, анализ доклада Сталина 7 января 1933 г. показывает, что его готовность к переменам носила весьма условный и временный характер. *Прагматизм Сталина в кризисных ситуациях постоянно натывался на им же созданное мифологическое пространство*. Несовпадение двух противоположных курсов (рационально-технократического и волюнтаристского) должно было разрешаться за счет подавления реальных или потенциальных недовольных.

Важным конструктом происходящего было автоматическое превращение сталинских формулировок в положения партийных доктрин. Показательно, что выступающий на следующий день (8 января 1933 г.) глава СНК СССР Молотов свой доклад начал с сакральной фразы: «докладом товарища Сталина исчерпывается(!) вопрос об итогах Первой пятилетки»¹². Для большего подтверждения слов Молотова номер газеты «Правды» за 12 января 1933 г., где была опубликована его речь, сопровождался не обсуждением сталинского доклада, а страницей тщательно подобранных одобрительных выступлений трудящихся под общим заголовком: «Новой волной энтузиазма, инициативы и трудового подъема встретили массы доклад вождя партии тов. Сталина!»

Для изложения короткого выступления 8 января 1933 г. заместителя председателя Госплана Г.И. Ломова, с единственным конкретным фрагментом критики: «ряд шахт, которые мы считаем пущенными, на самом деле дают всего 20–60 % их проектной мощности, и почти ни одна из крупных пущенных шахт в Донбассе и Кузбассе не дает добычи, близкой к проектной мощности» – в газетных номерах «Правды» места не нашлось.

Тем не менее через 12 дней после выступления на Пленуме, своеобразное изложение текста Ломова появилось в газете «Правда», но это уже было преимущественно панегирик развитию топливной промышленности в годы первой пятилетки, с небольшим вкраплением абстрактных замечаний¹³. Однако и согласие на публикацию панегирика не избавило Ломова от сталинского гнева: в 1933 г. Ломов был освобожден от работы в Госплане, в феврале 1934 г. выведен из членов ЦК ВКП (б).

Сам же доклад Молотова «О задачах Первого года второй пятилетки», прозвучавший на Пленуме ЦК 8 января 1933 г., фактически только уточнял отдельные параметры сталинского выступления, воспроизводя даже структуру речи генсека. Относительным отличием выступления Молотова можно считать указание (впрочем, неконкретные) на масштаб брака; на низкую степень загрузки станков; на значительное количество установленного, но не работающего оборудования.

Если общий вывод доклада – узел задач промышленности лежит в плоскости повышения производительности труда, главный упор должен быть сделан не на количественные показатели, а на качество продукции – был в русле поворота экономического курса, согласованного в руководстве ВКП (б) еще в конце 1932 г., то указание на пути достижения поставленных целей копировало язык постановлений ЦК и СНК времен «бешеных темпов». Немного же можно было почерпнуть из молотовского призыва: «надо только развернуть большевистскую борьбу за улучшение организации труда и укрепление дисциплины»!

Фактически доклад Молотова оставил без внимания проблемы материально-бытового положения трудящихся СССР. Между тем реальная заработная плата занятых в промышленности за годы первой пятилетки снизилась от 30 до 50 %. Провал постиг все социальные программы первой пятилетки [6, с. 479].

Немного мог почерпнуть многомиллионный читатель газет «Правда» и «Известия» об итогах первой пятилетки: Пленум, проходивший 7–12 января 1933 г., в указанных главных советских газетах за

¹¹ Сталин И.В. Итоги первой пятилетки... С. 28–29.

¹² Молотов В.М. О задачах Первого года второй пятилетки // Правда. 1933. 12 янв.

¹³ Ломов Г.И. Итоги выполнения топливной пятилетки // Правда. 1933. 21 янв.

8–12 января был представлен только докладами Сталина и Молотова! Фигура недосказанности превратилась в еще одну составляющую конструкции информационной среды советского общества зимой 1933 г.

Ненапечатанным осталось выступление на Пленуме наркома легкой промышленности И.В. Любимова 10 января 1933 г., только за фразу «в Америке, например, при производстве обуви в 4,5 раза больше, чем у нас, натурального кожевенного подошвенного сырья употребляется всего лишь в полтора раза больше, чем у нас»¹⁴.

Уже после закрытия Пленума, 13 января в газете «Правда» появился доклад Куйбышева «Итоги борьбы за техническую реконструкцию народного хозяйства»¹⁵. Оптимистичность выступления включала заявления о создании современного машиностроения; о первом месте в мире по соотношению электростали и стали, о завершении технической реконструкции в нефтяной промышленности. Однако внимательный читатель не мог не обратить внимания на подтекст выступления. *Лишь в одной отрасли* (нефтяной промышленности) за годы первой пятилетки завершилась техническая реконструкция. Сооружение новых заводов-гигантов либо не было завершено, либо только начиналось освоение производственных мощностей. Производство электростали в СССР в несколько раз отставало от США и Германии. Ответ на вопрос: «В какой же степени выполнены задания пятилетнего плана по технической реконструкции в народном хозяйстве?» у руководителя ВСНХ не прозвучал.

Но в принципе в этом уже не было необходимости: 13 января 1933 г. газета «Правда» опубликовала резолюцию Пленума по докладам Сталина, Молотова, Куйбышева, принятую 10 января. В партийную жизнь 1930-х гг. прочно входила традиция партийных форумов без публичного обсуждения и с единогласным одобрением заранее подготовленных резолюций.

Несколько иной была тональность выступления Орджоникидзе на Пленуме, в связи с этим его речь была опубликована в «Правде» только 22 января 1933 г. Фразу Орджоникидзе «Мы немного разучились считать деньги» можно было рассматривать как пример легкой критики экономического курса, если это не было продолжением весьма жестких его замечаний по поводу забвения хозрасчета и хозрасчетных отношений в СССР, прозвучавших на XVII Всесоюзной партийной конференции. Как известно, фраза наркома, произнесенная 30 января 1932 г. – «На протяжении последних лет хозрасчет у нас почти полно-

стью пропал» (!)¹⁶ – означала только одно: представитель высшего советского партийно-государственного руководства, более других внесший вклад в реализацию пятилетнего плана, признал, что многочисленные решения и постановления ЦК и СНК о внедрении хозрасчета не дали никаких результатов. Хозрасчетные отношения, предполагающие определенную самостоятельность производителей, не вписывались в командно-административную систему.

Спустя ровно год после указанного выше выступления, как отмечает Р. Дэвис, получивший доступ к тексту до сих пор не рассекреченной (не опубликованной целиком) стенограммы Пленума, Орджоникидзе говорил о пренебрежении хозяйственников к вопросам стоимости продукции как характерной черте советской индустриализации в годы пятилетки [6, с. 326].

Как видно из публикаций выступлений Ломова и Орджоникидзе, Январский пленум ЦК 1933 г. выводил изощренность сталинской управленческой деятельности на новый уровень: даже уже произнесенное слово подвергалось цензуре, и в печатном виде представало в ином облике. Мифологическое поле «страны социализма» пыталось блокировать реалистическую информацию.

Написанные словно под копирку речи Бухарина, Рыкова, Томского, опубликованные в «Правде» 14–16 января 1933 г., свидетельствовали только об одном: «альтернативного курса не существует». Три недавних члена Политбюро дружно критиковали уже безымянных «правых»; превозносили Сталина. Попытка Бухарина выделить отличия «социалистической» индустриализации от капиталистической могли вызвать улыбку абстрактностью рассуждений о «принципиально иных технологиях», «принципиально иных мощностях» и т.д. Пожалуй, главное в речи Бухарина было совсем другое – допустимость применения «суровой расправы» над оппозицией (группой Смирнова)¹⁷.

Демонстрация Бухариным максимальной преданности «генеральной линии» партии доказывала только одно: путь отступления от собственных принципов не имеет конечных преград на пути превращения политика в марионетку.

Завершило работу пленума выступление Рудзутака. Устами функционера из старой большевистской гвардии, вызвавшего наибольшее неудовольствие Сталина на XVII Всесоюзной партийной конферен-

¹⁴ Выступление И.В. Любимова по докладу И.В. Сталина «Итоги первой пятилетки и народнохозяйственный план 1933 г.» [15, с. 109–114].

¹⁵ Куйбышев В.В. Итоги борьбы за техническую реконструкцию народного хозяйства // Правда. 1933. 13 янв.

¹⁶ Выступление С.Г. Орджоникидзе по докладу И.В. Сталина «Итоги первой пятилетки и народнохозяйственный план 1933 г.» // Правда. 1933. 22 янв.

¹⁷ Выступление Н.И. Бухарина по докладу И.В. Сталина «Итоги первой пятилетки и народнохозяйственный план 1933 г.» // Правда. 1933. 14 янв.

ции, генсек провозгласил начало «общепартийной чистки». Ее предназначение было очевидно: пленум на основе сталинского доклада констатировал триумфальное завершение пятилетки. Чистка предназначалась для усомнившихся в незыблемости сталинских выводов и оценок.

СУЩНОСТЬ СОБЫТИЙ НА ЯНВАРСКОМ (1933) ПЛЕНУМЕ ЦК И ЦКК ВКП (б)

Январский (1933) Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) занимает особое место в ряду партийных форумов. По важности выводов, вошедших на десятилетия в учебники: например, тезиса о «построении экономического фундамента социализма». По масштабу социального обмана – гибель миллионов людей от голода в ходе коллективизации; ссылка и разорение наиболее умелых крестьян; обнищание десятков миллионов людей; катастрофа в животноводстве; экономический хаос в строительстве и освоении предприятий – подавались как революционная победа «социалистических» отношений. По степени скрытности – выступления на пленуме либо не были опубликованы, либо были сознательно искажены.

Существует и иная сторона событий января 1933 г. К этому времени Сталин был вынужден признать ошибочность экономического курса 1929–1931 гг., свалив вину за его трагическое осуществление на местных работников; на сопротивление и саботаж классовых врагов; а также на внешнеполитический фактор. Но это признание, запоздавшее и оплаченное огромными материальными потерями и человеческими жертвами, носило временный и непоследовательный характер.

Тем не менее даже по далеко не полной информации – выступлениям Ломова, Любимова и Орджоникидзе – видно, что руководители, отвечавшие за конкретные отрасли экономики, не желали принимать пропагандистские тезисы за реальность.

Если для части руководства СССР стабилизация в экономике объективно означала ограничение рамок мифологического пространства, то для Сталина и его наиболее догматичных сторонников курс «мини-реформ», воплотивший в себе несколько важных черт, отсутствовавших в командно-административной модели (товаро-денежные отношения, система стимулирования заработной платы, «квазирынок» для труда, легализация рыночной торговли), грозил потерей абсолютного господства в партии, в обществе и в государстве. Это объяснялось тем, что даже при сохранении командно-административной системы (с определенными – рыночными и квазирыночными особенностями) нарушалось мифологическое пространство «чистого» социализма; рушилась вся система догматических аргументов о вреде рынка, товарно-денеж-

ных отношений, экономической самостоятельности производителей.

Вопросы о причинах провала политики «индустриального скачка»; о непомерной цене коллективизации; о вынужденном обращении Сталина к варианту пятилетнего плана, одобренного Пятым съездом Советов СССР в мае 1929 г. (по докладу председателя СНК А.И. Рыкова – варианта «правых») – остались без ответа на Пленуме. Корабль первого пятилетнего плана – детище ведущих советских ученых, получив множество пробов и разрушений, остался на плаву, доказывая: дискриминация людей не отменяет научные законы.

Однако никакая массивная пропаганда «триумфа» первой пятилетки не могла вытравить в сознании хозяйственников и региональных лидеров ощущения несоответствия реальности и мифологии. Для участников Январского пленума ЦК, отвечавших за конкретные региональные или хозяйственные проекты, было очевидно, что переход к умеренному курсу является косвенным признанием провала политики «большого скачка». Но большинство членов ЦК и ЦКК понимали это только как тактическую неудачу правящей партии.

В то же время появление оппозиционных групп среди партийных работников говорило о растущем недовольстве Сталиным на посту генсека в управленческом эшелоне [16, с. 257–261]. Ответом Сталина стал политический маневр – согласившись на временную стабилизацию в экономике, генсек одновременно запустил противовес – общепартийную «чистку». Мифологическое пространство только в сочетании с насильственными административными рычагами могло наполнять политические конструкты формирующегося в начале 1930-х гг. тоталитарного государства.

Масштаб противоречий в управленческом корпусе СССР развивался в начале 1930-х гг. по нарастающей линии: «выбросы» разночтений подходов к индустриальному проекту наглядно проявились и на Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности в 1931 г., и на XVII конференции ВКП (б) в 1932 г. Не стал исключением и Январский (1933) Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б).

Широкомасштабное использование «чисток», направленных на обеспечение поддержки необходимого уровня легитимности власти среди основных групп населения, понижение в должности за малейшую критику; заполнение информационного пространства мифологизмами не остановило роста недовольства Сталиным со стороны тех, кто вынес за пределы перегрузки первой пятилетки. Ответ управленческого корпуса на XVII съезде ВКП (б) в феврале 1934 г.

наглядно проявился в голосовании 9 февраля при выборе кандидатов в состав ЦК. Число делегатов съезда, проголосовавших против Сталина, варьируется историками в диапазоне от 123 до 300. Но достоверный факт – уничтожение 166 бюллетеней [15, с. 320] – позволяет констатировать: определенная часть активных участников индустриального проекта не желала мириться со сталинскими мифологиями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, материалы Январского (1933) пленума ЦК ВКП (б) показывают: признание пагубности курса «бешеных темпов» пришло к представителям руководства СССР. Но осмысление событий первой пятилетки затруднялось выстроенным мифологическим пространством, включавшим идеологические конструкции типа «создания фундамента социалистической экономики» и «выполнения заданий первой пятилетки за 4 года и три месяца»; жестокими наказаниями за высказывание малейших критических замечаний.

Тем не менее представители советского управленческого эшелона, зная подлинную картину на местах, не желали принимать на себя всю полноту ответственности за хаос в экономике и многомиллионные человеческие жертвы в начале 1930-х гг. Экономическую науку оказалось возможным загнать в тиски пропагандистских клише, однако при малейшей возможности, используя даже локальные статистические сведения, ученые объективно разрушали сказочную картину «бескризисного» развития Советского государства.

Жизнь доказала правоту авторов (августовского 1928 г.) варианта пятилетнего плана Госплана. Сарказм истории заключался в том, что фактическое признание этого неоспоримого факта позвучало из уст Сталина и Молотова – главных хулителей вариантов команды Кржижановского и Рыкова. Как известно, в феврале 1932 г., выступая на XVII Всесоюзной партийной конференции, выполнение первого пятилетнего плана Молотов связал с его «оптимальным вариантом», утвержденным Пятым съездом Советов в мае 1929 г., т.е. до запуска безудержного увеличения капиталовложений в промышленность. Спустя почти год, на Январском (1933 г.) пленуме ЦК ВКП (б), Сталин также оперировал цифрами варианта пятилетнего плана, принятого в апреле–мае 1929 г. Январский (1933) пленум ЦК ВКП (б) стал развилкой двух дорог: одна вела к усилению рациональных методов управления в экономике – второй пятилетний план стал наиболее заметным проявлением этой тенденции. Другая дорога была связана с превращением общепартийных чисток в перманентный процесс, и репрессии 1937–1938 гг. стали кульминацией этого пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гладков И. А.* К истории первого пятилетнего народно-хозяйственного плана // *Плановое хозяйство*. 1935. № 4. С. 106–142.
2. *Лельчук В.С.* Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М.: Наука, 1975. 312 с.
3. *Лельчук В.С.* Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М.: Политиздат, 1984. 304 с.
4. *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
5. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 июня – 13 июля 1930. М.: Партиздат, 1935. Т. 1. 719 с.
6. *Davies R. W.* Crisis and Progress in the Soviet Economy. 1931–1933. Basingstoke and London: Macmillan Press, 1996. 612 с.
7. *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 480 с.
8. *Фельдман М. А.* Трудная попытка осмысления (новый взгляд на события XVII конференции Всесоюзной Коммунистической партии (б)) // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2020. Т. 27, № 1. С. 78–84.
9. *Сталин И.В.* Полн. собр. соч. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 13. 423 с.
10. *Мухин М.Ю.* Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М.: Наука, 2006. 320 с.
11. *Дьяконова И.А.* Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М.: РОССПЭН, 1999. 293 с.
12. *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативности сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН, 2010. 246 с.
13. *Мерль Ш.* Советская экономика: современные оценки // *Экономическая история (ежегодник)*. М., 2017. С.303–349.
14. *Шпотов Б.М.* Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы: лабиринты экономического сотрудничества. М.: Либерком, 2013. 320 с.
15. Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. М: Ин-т российской истории РАН, 1999. Ч. II. 302 с.
16. *Такер Р.* Сталин – диктатор. У власти. 1928–1941. М.: Центрполиграф, 2013. 800 с.

REFERENCES

1. *Gladkov I.A.* On the history of the First Five-Year national economic plan. *Planovoe khozyaistvo*, 1935, no. 4, pp. 106–142. (In Russ.)
2. *Lelechuk V.S.* Socialist industrialization of the USSR and its coverage in Soviet historiography. Moscow, Nauka, 1975, 312 p. (In Russ.)
3. *Lelechuk V.S.* Industrialization of the USSR: history, experience, problems. Moscow, Politizdat, 304 p. (In Russ.)
4. *Vert N.* History of the Soviet state. 1900–1991. Moscow, Progress Academy, 1992, 480 p. (In Russ.)
5. XVI Congress of the all-Union Communist Party (b). June 26 – July 13, 1930. Moscow, Partizdat, 1935, vol. 1, 719 p. (In Russ.)
6. *Davies R.W.* Crisis and progress in the Soviet economy, 1931–1933. Basingstoke, London, MacMillan Press, 1996, 612 p.
7. *Khlevnyuk O.V.* Owner. Stalin and the approval of the Stalinist dictatorship. Moscow, ROSSPEN, 2010, 480 p. (In Russ.)
8. *Feldman M.A.* A difficult attempt to comprehend (a new look at the events of the XVII Conference of the all-Union Communist Party (b)). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2020, vol. 27, no. 1, pp 78–84. (In Russ.)
9. *Stalin I.V.* The complete collection of works. Vol. 13. Moscow, Gospolitizdat, 1951, 423 p. (In Russ.)
10. *Mukhin M.Yu.* The aviation industry of the USSR in 1921–1941. Moscow, Nauka, 2006, 320p. (In Russ.)

11. *Diakonova I.A.* Oil and coal in the energy sector of Tsarist Russia in international comparison. Moscow, ROSSPEN, 1999, 293 p. (In Russ.)

12. *Yesikov S.A.* Russian village during the NEP: on the question of alternatives to Stalinist collectivization (based on materials of the Central Chernozem region). Moscow, ROSSPEN, 2010, 246 p. (In Russ.)

13. *Merl' Sh.* Soviet economy: modern estimates. *Ekonomicheskaya istoriya* (ezhegodnik). Moscow, 2017, pp. 303–349. (In Russ.)

14. *Shpotov B.M.* American business and the Soviet Union in the 1920s–1930s: mazes of economic cooperation. Moscow, Liberkom, 2013, 320 p. (In Russ.)

15. *Khramov S.S. (ed.)*. Industrialization of the Soviet Union. New documents. New facts. New approaches. Pt. 2. Moscow, 1999, 302 p. (In Russ.)

16. Tucker R. Stalin is a dictator. In power. 1928–1941. Moscow, Tsentrpoligraf, 2013, 800 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.12.2020

Дата рецензирования 31.01.2021

Статья принята к публикации 07.06.2021

DOI: 10.15372/HSS20210312
УДК: 94:355.48(571.6)"1930/1941"

Б.Б. КОНДРАТЕНКО

УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РУБЕЖЕЙ СССР В 1932–1941 гг.

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,
РФ, 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89

В статье на основе широкого круга источников рассматривается зарождение и развитие агрессивных планов милитаристской Японии против СССР. Анализируется формирование и изменение стратегических планов по оккупации Дальнего Востока. Военно-стратегические действия изменили оперативную обстановку на сопредельной стороне государственной границы СССР. Территория Манчжоу-го была превращена в плацдарм развертывания войсковых соединений. Для выявления стратегических сведений использовались завербованные агенты на советской территории. Показано, что военная доктрина Японии менялась в соответствии с геополитической обстановкой. Планы носили наступательный характер и учитывали характер молниеносной войны. Автор приходит к выводу, что Дальний Восток находился в состоянии внешней угрозы. В сложившейся ситуации советское правительство обратило внимание на повышение обороноспособности региона.

Ключевые слова: Дальний Восток, Япония, Вторая мировая война, военные угрозы, безопасность, граница, военная стратегия, пан-азиатизм.

B.B. KONDRATENKO

THREATS TO THE SECURITY OF FAR-EASTERN BORDERS OF THE USSR IN 1932–1941

Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East FEB RAS,
89, Pushkin str., Vladivostok, 690001, Russian Federation

The threats to the USSR security in the Far East had been formed earlier than in Europe. The collapse of the collective security system established after World War I, China's occupation and Japan's approaching the borders of the Soviet Union increased the vulnerability risks in the Far Eastern region of the USSR. The article examines the process of forming external threats at the Far Eastern borders. It considers Japan's military doctrines, their main ideas and action plans; analyzes the geopolitical situation change along the Far Eastern borderline. Japan's military strategic plans changed regularly depending on the operational situation and variation in the military personnel number at Manzhou-go territory. Military intelligence was carried out in the Far East region, and data were collected in information reports for the Kwantung and Korean Groups of Troops. The military strategic plans changed based on the intelligence information. The author represents the amount of main military units of the Japanese Armed Forces in Manzhou-go; analyzes their strike capability according with the military doctrine; shows the nature of Japan's military activities related to the Far Eastern territory. The paper concludes that the process of deploying Japanese troops near the USSR border led to border conflicts, which checked the defense of border troops. By 1941, Japan had formed a military strategy of an offensive nature, and based on the conduct of lightning warfare. Primorsky Krai and Transbaikalia were in a state of constant expectation of an external threat. Japan intended to attack the USSR after starting the Great Patriotic War. The Far East was a vulnerable territory, it was near the camp of hostile states. The Far East was in the camp of hostile states anticipating an external strike. This factor contributed reassessing the region strategic importance for the country.

Key words: Far East, World War II, military threats, security, border, military strategy, pan-Asiatism.

Борис Борисович Кондратенко – старший лаборант, Институт истории, археологии, этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, e-mail: kpe.kob@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8810-9753>

Boris B. Kondratenko – Senior Laboratory Assistant Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

В конце XIX в. в Японии произошла милитаризация общества на основе идей паразитизма. Японию перестал устраивать статус островной державы. Был принят курс на формирование континентальной империи. В ходе его реализации Япония намеревалась овладеть территорией Дальнего Востока. В годы Гражданской войны Япония ввела свой воинский контингент на его территорию; правящим кругам Японии стали известны стратегические сведения об этом регионе. Собранные данные расширяли представление об экономическом положении отдельных районов Приморья и Хабаровска. В 1920-е гг. военнополитическое руководство Японии приступило к разработке военной кампании, планируя создать плацдарм для развертывания военной группировки на сопредельной стороне границы СССР. В 1930-е гг. началась реализация стратегических планов Японии по захвату Дальнего Востока.

Актуальность темы исследования заключается в введении в научный оборот ранее не доступных материалов из ведомственного архива пограничной службы. Тема безопасности в условиях нарастающей внешней угрозы, приобретала дополнительную актуальность. Перед исследователями стоит задача – обобщить исторический опыт противостояния угрозам безопасности государства. Обеспечение безопасности самого большого региона для государства являлось одной из первоочередных задач. Процессы нарастания угрозы безопасности на дальневосточных рубежах практически не изучены.

В отечественной историографии тема безопасности рассматривалась в рамках фундаментальных исследований. Определено, что геополитическая обстановка в Азии и изменение внешнеполитического курса Японии носили враждебный характер по отношению к СССР [1]. Освещались вопросы формирования японской армии и военных доктрин [2]. В отдельных монографиях А.А. Кошкина С.А. Жданова, публикациях Ю.М. Зайцева, А.В. Полутова, В.А. Жарова рассматривались вопросы строительства военных сооружений на оккупированной территории Маньчжурии, формирование и изменение военных доктрин, действие разведывательных миссий вблизи границы СССР на Дальнем Востоке. Анализировались проблемы планирования полномасштабных военных действий. Тема безопасности представлена в отдельных работах, однако комплексное исследование угроз безопасности на дальневосточном участке границы не предпринималось. Публикации основывались на ранее доступных материалах, которые не позволяли отследить полномасштабный процесс формирования угроз безопасности [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Материалы, выявленные в ведомственном архиве погранвойск,

позволяют в настоящее время комплексно отследить сформированные угрозы безопасности на дальневосточных рубежах.

ПЛАНИРОВАНИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ СССР

В 1931 г. японские войска оккупировали крупные города Мукден, Чанчунь, Цицикар, Маньчжурию, захватили участок Китайской восточной железной дороги (КВЖД) и осуществили выход к границам СССР [3, с. 31, 32, 40, 55; 1, 165, 167]. Стратегические направления Северо-Восточного Китая находились под контролем японской военной администрации. После оккупации отдельных районов Маньчжурии генеральный штаб Японии принял план «Основные положения оперативного плана войны против России». Он предполагал подготовку плацдарма на территории Маньчжурии и нанесение целенаправленных ударов по стратегическим центрам Дальнего Востока. Планировалось уничтожить советские аэродромы, узлы связи, перерезать Транссибирскую магистраль.

В марте 1932 г. на территории Маньчжурии было создано марионеточное государство Манчжоу-го. После захвата Харбина, ст. Маньчжурия японская группировка оказалась вблизи дальневосточных границ СССР. После оккупации Маньчжурии план ведения войны японцы скорректировали. В 1935 г. был принят «План войны против СССР», предполагалось нанести удары по северной части о. Сахалин и Южному Приморью. После захвата этих территорий планировалось начать полномасштабные боевые действия и захватить стратегические центры Дальнего Востока [4, с. 29]. В середине 1930-х гг. проводится дальнейшая разработка стратегии и планируется создание плацдарма для наступательных действий на территорию СССР. Оценивались возможности противостояния советской стороны вооруженным силам Японии и Манчжоу-го, анализировались промежуточные результаты.

В 1936 г. Япония имела на вооружении 17 дивизий, 9 линкоров, 4 авианосца. Этого вооружения было недостаточно для отражения военных угроз со стороны США и ведения полномасштабной войны с Советским Союзом. В 1936 г. были также разработаны две военные доктрины: «Курс на оборону империи» и «Программа использования вооруженных сил». Эти программы предполагали увеличение армии и флота на 50 дивизий, 12 линкоров, 12 авианосцев, 28 крейсеров, 96 эсминцев, 70 подводных лодок, 65 авиаотрядов морской авиации. Летом 1936 г. была принята программа «Основные принципы государственной политики Японии». Программа отражает результаты военного присутствия Японии в Азии и на Тихом

океане, а также содержит алгоритм действий для объявления войны СССР. Для наступления на территорию СССР предполагалось на основных направлениях удара по Дальнему Востоку сконцентрировать в 2 раза больше войск, чем дислоцировалось на территории Дальнего Востока СССР [2, с. 33, 34].

После принятия плана войны против СССР японское руководство решило осуществить захват территории Южного Китая. Перед началом военных действий в Китае Япония заручилась поддержкой западных держав и пошла на сближение с Германией. В результате сближения этих режимов 25 ноября 1936 г. в Берлине был заключен Антикоминтерновский пакт «Соглашение против Коммунистического интернационала», которое обязывало в случае нападения СССР на Германию или Японию не помогать СССР экономически и способствовать ухудшению экономического положения Советского Союза [1, с. 179]. Позиция Германии означала поддержку агрессивных планов милитаристской Японии в отношении советского Дальнего Востока и Сибири. В 1939 г. Германия поддерживала планы по оккупации Монголии. Руководству Германии было выгодно ослабить положение на Дальнем Востоке, чтобы Советский Союз перебросил часть группировки войск с целью удержания своих рубежей и отражения агрессии.

С 1937 г. Япония начинает увеличивать мощь военно-морского флота и сухопутной группировки войск на южном направлении. Руководствуясь доктриной «молниеносной войны», японское руководство рассчитывало на краткосрочные сражения в Китае, планируя в течение трех месяцев захватить основные центры Южного Китая. Агрессивные замыслы провалились из-за советской военной и экономической помощи Китаю [2, с. 36]. В 1937 г. стратегия молниеносной войны показала несовершенство военной доктрины. Для реализации целей на юге Китая требовалось сорвать советскую помощь Китаю, в результате японская сторона начинает проводить провокационные действия на границе с СССР. В течение 1937–1938 гг. было зафиксировано 193 нарушения государственной границы СССР военнослужащими сопредельной стороны с провокационными целями [4, с. 45–47].

В 1938 г. после стабилизации обстановки на юге руководство Японии решает воспользоваться ухудшающейся обстановкой на западных рубежах СССР и нанести удары по дальневосточной границе. В доктрине «Политика обороны государства» отражался план удара по советской территории в двух вариантах, это был «План операции № 8». Вариант «А» включал нанесение ударов по Приморью и отчуждение территории для развертывания войсковых соединений с целью подготовки к наступательным дей-

ствиям на другие регионы Дальнего Востока СССР. Вариант «Б» определял место главных ударов – Забайкалье, захват линии Транссиба и прекращение снабжения Дальнего Востока. Итогом агрессивных планов Японии 1930-х гг. стали два крупных пограничных конфликта. Пограничный конфликт в районе оз. Хасан носил характер проверки боеспособности пограничных войск и Красной Армии. Маньчжурские войска вторглись на спорную приграничную территорию и захватили стратегические высоты, с которых отслеживали советскую приграничную территорию, вели наблюдение за Тихоокеанским флотом. Такая позиция увеличивала риски уязвимости дальневосточных рубежей. Для отражения агрессии был задействован резерв Красной Армии. После поражения японский генеральный штаб приступил к реализации плана «Б». В июне 1939 г. на границе с Монголией дислоцировалось 38 тыс. солдат и офицеров, 310 орудий, 445 танков и бронемашин, 225 самолетов. Объем вооружения Маньчжурской группировки войск представлял серьезную угрозу безопасности Монголии. Оккупация Монголии предполагала превращение территории в плацдарм для наступления на Забайкалье и Сибирь. Линия соприкосновения с противником могла быть увеличена на тысячи километров [10, с. 26]. Отчуждение территории Забайкалья позволило бы отрезать Дальний Восток от централизованного снабжения.

После поражения в Монголии Япония приступила к разработке планов войны против СССР с учетом допущенных просчетов. В октябре 1939 г. военные круги Японии подготовили план войны в двух направлениях: северном – против СССР и южном – против США. На северном направлении выделялись 3 оперативно-стратегических цели – Приморье, Приамурье и Забайкалье. По всем трем направлениям предполагалось нанести молниеносный удар при поддержке авиации. Предполагалось сосредоточить 19 дивизий напротив Приморья, 3 дивизии – на Амурском направлении, 4 дивизии – на Забайкальском направлении (именно – Большой Хинган). В 1940 г. план был скорректирован и учитывал группировку войск, дислоцировавшуюся на Дальнем Востоке. По замыслам японского командования предполагалось, что после начала войны с Германией СССР выведет часть войск с территории Дальнего Востока и это ослабит его позиции [2, с. 38–55].

На протяжении 1930-х гг. планы японского командования неоднократно менялись с учетом экономической и военно-технической подготовки. Сроки нападения на Советский Союз переносились. Цель переноса заключалась в создании промышленной инфраструктуры и корректировке военной доктрины. В результате принятых программ угрозы безопаснос-

ти Дальнего Востока СССР появились раньше, чем на западных рубежах. Сложная геополитическая обстановка стала результатом крушения системы коллективной безопасности¹. В 1941 г. после начала Великой Отечественной войны Япония наблюдала за развитием событий на советско-германском фронте. Советский Союз не вывел войска с Дальнего Востока. Япония не решалась вступить в войну при наличии группировки войск Красной Армии, достаточной для отражения молниеносного удара.

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Одновременно с разработкой военных доктрин и планов войны на сопредельной территории СССР, в Маньчжурии и северной части Корейского полуострова Япония готовит плацдарм для развертывания войск. Возводились военные объекты, оборонительная линия и фортификационные сооружения. В районах Баньцзэхэ, станций Пограничной, и Дунина строились автомобильные и железнодорожные пути сообщения, предназначенные для снабжения и переброски войск на границу с СССР [6, с. 10]. Ранее построенные объекты модернизировались с учетом военных нужд. Мероприятия, развернувшиеся вблизи советской границы, были направлены на расширение сети объектов военного назначения². Фортификационные объекты объединялись в укрепленный район (далее УР), включали группу узлов сопротивления и имели три полосы обороны, первая – главная подготовительная полоса – была оборудована средствами долговременной и полевой фортификации, находилась на расстоянии 3–6 км от линии границы СССР. Вторая полоса сооружалась на расстоянии 10–20 км от главной, имела ширину 2–4 км, а последняя, тыловая полоса находилась на удалении 10–15 км от второй полосы, ее ширина составляла от 2 до 5 км. Строились и промежуточные оборонительные объекты, они предназначались для усиления обороны и прикрытия стратегических объектов – аэродромы, рокадные дорожные сети, транспортные узлы, расположенные в районе УРа [6, с. 9, 10].

РАЗМЕЩЕНИЕ ВОЙСКОВЫХ ГРУППИРОВОК ВБЛИЗИ ГРАНИЦЫ

В 1939–1940 гг. вблизи границы с СССР размещались японские войска. Отмечается активизация провокационных действий, усилилась деятельность японской разведки, проводились крупномасштабные работы по совершенствованию авиапосадочных пло-

щадок, велось строительство железнодорожных магистралей, которые связывали пограничные полицейские посты, прокладывались новые линии телефонной и телеграфной связи, это улучшало систему обмена оперативной информацией в приграничной местности³. Было построено два новых Ура – Сахалинский и Сунграийский⁴. Военные мероприятия были направлены на расширение сети военных объектов и увеличение численности войсковых соединений.

Производилась реорганизация маньчжурской пограничной охраны, увеличивалась численность погранполицейских отрядов. В пограничную полицию прибыло пополнение из регулярных войск Японии. Основные задачи пограничной полиции Манчжоу-го заключались в ведении разведывательной деятельности на сопредельной территории, усилении войскового наблюдения за советской границей и приграничьем, установлении и поддержании пограничного режима, военной подготовке приграничного населения и создание обученного резерва. Установление контроля в приграничной территории позволило японской разведки наладить агентурную работу, основные задачи которой заключались в отслеживании местного населения, особенно лиц, которые проявляли анти-японские настроения и пересекали границу с СССР⁵.

Войсковая охрана границы Манчжурии осуществлялась высылкой пеших и конных нарядов численностью от 3 до 5 чел. Наряды выступали по определенному маршруту. Помимо передвижных нарядов выставлялись стационарные посты, которые вели наблюдение за советской территорией. Периодически на охрану границы Манчжурии заступали усиленные наряды численностью от 20 до 30 чел. В их состав входили военнослужащие регулярных войск. Такие меры значительно увеличивали оборону отдельных участков границы⁶.

В маньчжурском приграничье проводились мероприятия по усилению режима. Населенные пункты, располагавшиеся вдоль линии границы, были превращены в укрепленные районы. Некоторые поселения укрупнены, а мелкие населенные пункты ликвидированы. В укрупненных населенных пунктах был введен пропускной режим, вход и выход осуществлялись только в дневное время. Была введена особая пограничная зона на расстоянии 20 км от границы, находиться в ней разрешалось пограничной полицией либо по специальным паспортам⁷. Эти меры позволили детально контролировать население приграничья.

¹ Отчетный доклад т. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) // [11, с. 12]

² Центральный пограничный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦПА ФСБ РФ). Ф. 220. Оп. 1. Д. 176. Л. 14.

³ Там же. Д. 175. Л. 2,6.

⁴ Там же. Д. 176. Л. 15.

⁵ Там же. Д. 175. Л. 7,8.

⁶ Там же. Л. 9.

⁷ Там же. Л. 10.

В 1930-е гг. в задачи воинских и пограничных группировок, дислоцировавшихся в Маньчжурском приграничье, входили захват и удержание отдельных участков советской территории. Это острова на пограничных реках, участки государственной границы Гродековского, Ханкайского и Хасанского пограничных отрядов Приморского пограничного округа. С 1938 г. после неудачных попыток по отчуждению отдельных участков приграничной местности СССР на сопредельной стороне началось возведение новых укрепрайонов.

На сопредельной стороне участка государственной границы Хабаровского пограничного округа было сосредоточено японских войск: 2 дивизии, 3 бронепоезда, 1 отряд конвойных войск. Маньчжурские войска включали: 6 пехотных бригад, 1 дивизию жандармерии, 10 основных и 32 средних отряда пограничной полиции, 109 пограничных постов⁸. Отряды дислоцировались в крупных приграничных городах Хумосян, Сахалин (ныне Хэйхэ), Фошань, Любэй, Суйбин, Тунцзян, Фуюань, Жаохэ, а также в приграничье Маньчжурии. Имелись и отдельные пограничные отряды, которые подчинялись японской императорской армии. В 1940 г. состав маньчжурской пограничной полиции увеличился на 1535 чел. и составлял 3855 чел., из пограничной полиции образовано 19 средних погранполицейских отрядов, 49 погранполицейских постов. Формирование вновь выставленных подразделений пограничной полиции происходило из тыловых уездов Маньчжурии, а также из выпускников, которые обучались при погранполицейских постах и отрядах⁹.

В 1940 г. была закончена реорганизация маньчжурской пограничной полицейской охраны, усилились активизация и наращивание разведки. За 1940 г. был зафиксирован 131 случай провокационных действий: обстрел советской территории – 19 случаев, угроза оружием пограничным нарядам – 4, нарушение границы военнослужащими Манчжоу-го – 1, переброска контрреволюционной литературы – 26, фотографирование советской территории – 4, обстрел советских пограничных нарядов – 15, выход вооруженных групп на р. Амур с целью совершить провокационные действия – 5, нарушения правил водопользования на пограничных реках иностранными плавсредствами – 8, нарушение воздушного пространства СССР самолетами Японии и США – 30, нарушение границы военными судами – 3, нарушение водного пространства СССР коммерческими и гражданскими судами – 8 случаев¹⁰. На сопредельной стороне происходило создание учебных подразделений на базе

гарнизонов. Службу в них проходили высококвалифицированные военные специалисты, они занимались военнбоевой подготовкой личного состава. Продолжалось переселение резервистов, за 1940 г. в приграничье прибыло 20 тыс. чел., из которых были сформированы вооруженные отряды¹¹.

В 1941 г. пограничные подразделения на маньчжурской стороне были усилены: установлены стационарные наблюдательные посты, предназначенные для фиксирования событий на советской территории. Оперативная обстановка характеризовалась значительным увеличением передвижений крупных воинских формирований вблизи советской границы. За 1941 г. было зафиксировано 755 случаев нарушения государственной границы СССР, 570 нарушений приходилось на первую половину года, что составляло 75 % нарушений¹². Пересечение границы совершалось в основном с целью разведки и браконьерства. С началом Великой Отечественной войны передвижения воинских подразделений на территории Маньчжурии значительно активизировались. На сопредельной стороне участка границы Хабаровского пограничного округа НКВД дислоцировалось 7 пехотных дивизий, 4 именные маньчжурские бригады, 1 дивизия спокойствия, 4 смешанные маньчжурские бригады, всего 16 крупных армейских соединений. По данным разведки Дальневосточного фронта, количество японских пехотных дивизий на территории Маньчжурии увеличилась с 13 до 33. Началось строительство подземных автономных военных городков и огромных артиллерийских складов.

В начале 1941 г. военно-политическое руководство Японии решило нормализовать отношения с СССР с целью активизировать военные действия на южном направлении, и 13 апреля 1941 г. был заключен пакт о нейтралитете между СССР и Японией. Договор предусматривал неприкосновенность границ Монголии и Маньчжоу-го, ликвидацию японских концессионных предприятий на территории СССР [4, с. 124]. При заключении договора о нейтралитете японская сторона придерживалась стратегии «спелой хурмы»: ожидание благоприятных условий для нападения на Дальний Восток СССР. На заседании правительства Японии 4 августа 1941 г. были приняты «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом». Предполагалось выдвинуть следующие ультимативные требования правительству СССР: прекратить помощь Китаю, сдать или продать Северный Сахалин, Камчатку, Приморье, вывести войска с Дальнего Востока [5, с. 250, 252].

⁸ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 176. Л. 10.

⁹ Там же. Л. 11.

¹⁰ Там же. Л. 16, 67.

¹¹ Там же. Л. 3.

¹² Там же. Л. 68.

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

В 1932 г. в Харбине был создан штаб радиоразведки для перехвата военных сообщений Особой краснойзнаменной дальневосточной армии (далее ОКДВА), Забайкальского военного округа и Пограничных войск. В 1932–1933 гг. открылись отделения в приграничных городах Суйфэньхэ, Манчжурии, Фуцзине. Полученные данные собирались в информационные сводки и рассылалась штабным подразделениям Квантунской и Корейской группировкам войск и генеральному штабу Японии. Радиоразведка велась на расстоянии 700 км от места нахождения станции радиоперехвата [7, с. 91–93]. После оккупации Манчжурии была расширена связь с агентами, работавшими во Владивостоке, они передавали стратегическую информацию о Тихоокеанском флоте: сообщения о кадровых перестановках, тактико-технические характеристики плавсостава и инженерной техники, сведения о боевой подготовке личного состава, подготовке военных кадров в регионе. Итоговая информация, представленная в генеральный штаб Японии и главный морской штаб, содержала сведения о состоянии боеготовности Тихоокеанского флота, характеристику кадрового состава, технического состояния объектов береговой обороны флота с указанием их местонахождения. На основе данных, полученных в 1938 г., японская сторона составили оперативную карту расположения войск Красной Армии в Приморье. После Хасанских событий советское военное руководство сделало вывод о том, что радиоэфир прослушивается и расшифровывается. Поэтому с 1939 г. через радиосвязь конкретные приказы и планы не передавалось [7, с. 91–97].

В 1939 г. после раскрытия агентуры на Дальнем Востоке и отселения неблагонадежных лиц из приграничных регионов осталась малочисленная разрозненная группа агентов, которые не могли передавать конкретную информацию для японской разведки [8, с. 26, 38–43]. Чтобы получать достоверную информацию от агентов, работавших при всех дипломатических представительствах Кореи, Манчжоу-го и СССР, открываются разведывательные отделы, что улучшило работу разведки. В конце 1939 г. маньчжурская пограничная охрана организовала разведывательную деятельность, включавшую сбор информации о пограничных подразделениях СССР и соединениях Красной Армии. Разведкой занимались штатные и нештатные агенты. Штатные проходили обучение в специальных пунктах, выполняли задания вблизи границы под прикрытием, маскировались под рыбацкие суда, засылались на советскую территорию под видом рыбаков, рабочих концессионных предприятий. Они регулярно выполняли задания. Нештатным давали разовые задания, в основном это были

заготовители дров, тральщики, фонарщики – они работали на разведку без предварительной подготовки¹³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце 1930-х гг. вблизи государственной границы СССР завершились организационные мероприятия Японии по созданию плацдарма для развертывания войсковых соединений. Происходило строительство укрепленных районов, шоссейных и железных дорог, погранполицейских отрядов (пикеты). В приграничной полосе Маньчжурии фиксировалось увеличение воинских формирований, которые сосредоточивались в гарнизоны, прибывали хорошо подготовленные военные специалисты. Менее квалифицированных специалистов вывели на дальние фланги обороны¹⁴. Завершился выход армейских соединений на линию границы с Советским Союзом. Производились разведка и организация работы с завербованными агентами японской разведки. Концентрация военных группировок и специальных диверсионных отрядов увеличила риски уязвимости советской территории.

Военно-стратегические планы Японии носили агрессивный характер, что проявлялось в создании и постоянной увеличении Квантунской группировки войск, регулярных стычек на границе, пограничных конфликтах, локальных нарушениях границы СССР. Проверялась прочность обороны границы СССР. К 1941 г. Япония и Манчжоу-го уже имели сформированную военную стратегию, основанную на принципах молниеносной войны. Начать полномасштабные военные действия против СССР японское правительство не решалось, отдавая приоритет южному направлению. Квантунская группировка войск с 1929 по 1935 г. увеличилась в 5 раз. К началу 1938 г. насчитывалось 300 тыс. чел. личного состава, 1,2 тыс. орудий, 440 танков и 500 самолетов. С 1936 по 1938 г. на государственной границе СССР было зафиксировано 231 нарушение, 35 боевых столкновений [9, с. 35]. Увеличилось количество задержаний нарушителей и выявленных разведчиков и шпионов. Регулярные нарушения границы СССР заставляли пограничников находиться в боевой готовности, планомерно выстраивать новые линии обороны границы не представлялось возможным, а старые становились известны противнику. Все его действия несли угрозу для пограничных подразделений Дальнего Востока.

Таким образом, на сопредельной территории дальневосточного участка государственной границы СССР в 1930-е гг. милитаристская Япония реализовывала в той или иной форме свои агрессивные пла-

¹³ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 175. Л. 9.

¹⁴ Там же. Д. 176. Л. 2.

ны. На линии границы с СССР было завершено строительство объектов военного назначения, происходила отработка тактических ударов по линии границы, проводились и другие мероприятия, направленные на подготовку к захвату советского Дальнего Востока и Сибири.

На Дальнем Востоке угрозы безопасности сформировались раньше, чем на западных рубежах Советского Союза. В 1930-е гг. Дальний Восток находился в ожидании внешнего удара, события и процессы у государственной границы СССР вызвали постоянное беспокойство у руководства страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М.: Кучково поле, 2012. Т. 2: Происхождение и начало войны. 1008 с.
2. Вооруженные силы Японии. История и современность. М.: Наука, 1985. 326 с.
3. Горбунов Е.А. Восточный рубеж ОКДВА против Японской армии. М.: Вече, 2010. 464 с.
4. Кошкин А.А. «Кантокуэн» – «Барбароса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М.: Вече 2011, 384 с.
5. Кошкин А.А. Россия и Япония: узлы противоречий. М.: Вече, 2010, 475 с.
6. Зайцев Ю.М. Подготовка сопредельной территории Дальнего Востока к войне (1932–1945 гг.) // Россия и АТР. Владивосток 2010. № 3. С. 5–14.
7. Полотов А.В. Радиоразведка Квантунской армии против Дальнего Востока СССР (1932–1945) // Россия и АТР. Владивосток. 2013. № 3. С. 89–103.
8. Полотов А.В. Деятельность японской разведки против Тихоокеанского флота ВМФ СССР (1932–1945 гг.) // Материалы 5-й Всерос. науч. конф.: Владивосток: ТОВМИ им С.О. Макарова ВУНЦ ВМФ «ВМА», 2011. Т. V: Проблемы тактики военно-морского флота, военной истории, геополитики и военно-морской географии. С. 22–43.
9. Жаров В.А. Участие общевойсковых соединений и частей РККА в вооруженных операциях 1929–1939 гг. // Войны и военные

конфликты в судьбах дальневосточников. Дальневосточное общество в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. Хабаровск, 2013. Вып. 2. С. 34–39.

10. Жданов С.А. Пограничники Забайкалья накануне и в годы Великой Отечественной войны. Иркутск: Отгиск, 2015. 192 с.

11. XVIII съезд Советов Всесоюзной Коммунистической партии (б) стеногр. отчет 10–21 марта. М.: Госполиздат, 1939. 744 с.

REFERENCES

1. The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vols. Moscow, Kuchkovo pole, 2012, vol. 2: The war origin and beginning, 1008 p. (In Russ.).
2. Japan Armed forces. History and modernity. Moscow, Nauka, 1985, 326 p. (In Russ.).
3. Gorbunov E.A. SRFEA's east frontier against the Japanese army. Moscow, Veche, 2010, 464 p. (In Russ.).
4. Koshkin A.A. "Kantokuen" - "Barbarossa" in Japanese. Why did not Japan attack the USSR. Moscow, Veche, 2011, 384 p. (In Russ.).
5. Koshkin A.A. Russia and Japan knots of contradictions. Moscow, Veche, 2010, 475 p. (In Russ.).
6. Zaitsev Yu.M. Preparing the Far East adjacent territory to war (1932–1945). *Rossiya i ATR*, 2010, no. 3, pp. 5–14. (In Russ.).
7. Polutov A.V. Radio intelligence of the Kwantung Army against the Far East of the USSR (1932–1945). *Rossiya i ATR*, 2013, no. 3, pp. 89–103. (In Russ.).
8. Polutov A.V. The activities of Japanese intelligence against the Pacific Fleet of the USSR Navy (1932–1945). *Problemy taktiki voennomorskogo flota, voennoy istorii, geopolitiki i voenno-morskoy geografii: materialy 5-y Vseros. nauch. konf.* Vladivostok, 2011, vol. 5, pp. 22–43. (In Russ.).
9. Zharov V.A. The participation of combined arms and units of the Red Army in the armed operations of 1929–1939. *Voyny i voennyye konflikty v sud'bakh Dal'nevostochnikov. Dal'nevostochnoye obshchestvo v gody vtoroy mirovoy voyny 1939–1945 gg.* Khabarovsk, 2013, iss. 2, pp. 34–39. (In Russ.).
10. Zhdanov S.A. Border guards of Transbaikalia on the eve and during the Great Patriotic War. Irkutsk, Ottisk 2015, 192 p. (In Russ.).
11. XVIII Congress of Soviets of the All-Union Communist Party (b) verbatim report, 10–21 March. Moscow, Gospolizdat, 1939, 744 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.12.2020

Дата рецензирования 07.03.2021

Статья принята к публикации 07.06.2021

DOI: 10.15372/HSS20210313
УДК 94:323.2(47)“1964/1982”

¹В. ДЕННИНГХАУС, ²А.И. САВИН

«СЕКРЕТ, ЗАВЕРНУТЫЙ В ТАЙНУ»:

ЗДОРОВЬЕ ЛЕОНИДА БРЕЖНЕВА КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА*

¹Институт истории и культуры немцев в Северо-Восточной Европе при Гамбургском университете (Норд-Ост Институт), ФРГ, 21335, г. Люнебург, Линденштрассе, 31
²Институт истории СО РАН, РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье анализируется роль здоровья генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева как важнейшего элемента функционирования государственного механизма СССР. На основании широкого круга источников, в первую очередь записей секретарей приемной Брежнева, а также рабочих и дневниковых записей самого Брежнева, авторы реконструировали состояние его здоровья в динамике и выявили значительные колебания работоспособности вождя, серьезно воздействовавшие на власть. Несмотря на усилия самого Брежнева, а также на то, что советская бюрократия в целом компенсировала «пробуксовки» и даже временный выход вождя из строя, специфический механизм власти в СССР, начиная со второй половины 1970-х гг., все чаще давал сбои. Необходимость трудиться «на износ» стала личной трагедией больного и стремительно дряхлеющего Брежнева.

Ключевые слова: Л.И. Брежнев, СССР, вождь, здоровье, болезни, работоспособность, государственный механизм, политическая власть.

¹V. DÖNNINGHAUS, ²A.I. SAVIN

“A RIDDLE WRAPPED IN A MYSTERY”:

HEALTH OF LEONID BREZHNEV AS AN ELEMENT OF STATE APPARATUS

¹Nordost-Institut (IKGN e. V.) an der Universität Hamburg, 31, Lindenstraße, Lüneburg, 21335, BRD
²Institute of History, SB RAS
8 Nikolayev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article analyzes the role of health status of Leonid Brezhnev, General Secretary of the Central Committee of Communist Party of the Soviet Union and the Chairmen of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, as the state apparatus major element in the USSR. Using numerous sources, including notes and diaries of Brezhnev himself, notes of Brezhnev’s secretaries, memories of Brezhnev’s political companions, doctors and family members, the authors have reconstructed the dynamic changes in the health status of Brezhnev, and what way these changes impacted his work efficiency. Despite the fact that Brezhnev came to power already burdened by diseases and bad habits, his first decade as the Soviet Union leader was very fruitful. This conclusion contradicts an established historiographical opinion that Brezhnev belonged to a type of a quite healthy, but lazy leader, who could not and did not like to perform the state and party leader duties, trying to evade them at every opportunity. The last seven years of Brezhnev’s rule are characterized by a sharp deterioration in health status that led to the alternating periods of decline and rise of Brezhnev’s work efficiency, which severely affected entire state apparatus. Despite the efforts of Brezhnev himself and the fact that Soviet bureaucracy managed to mostly compensate the periods of “stalling” and even the temporary unavailability of the leader, the USSR’s specific power mechanism started to malfunction during the second half of 1970s. Another consequence of Brezhnev’s decreased performance was the delegation of significant political power to the group of companions led by Yuri Andropov and Konstantin Chernenko. Having occupied the state head post almost for life, being the leader of socio-political system, which actually did not have mechanism for a legal change of power, except for the death of a predecessor, sick and decrepit Brezhnev had to work hard and remain “a leader” until his death, including at the cost of drug addiction.

Key words: L.I. Brezhnev, USSR, leader, health, illnesses, work efficiency, state apparatus, political power.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00218.

Деннингхаус Виктор – д-р ист. наук, заместитель директора Норд-Ост-Института при Гамбургском университете (г. Люнебург, Германия), e-mail: v.doenninghaus@ikgn.de, <https://orcid.org/0000-0003-4900-6123>

Андрей Иванович Савин – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: a_savin_2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0242-5067>

Victor Dönninghaus – Doctor of Historical Sciences, Nord-Ost-Institut (Lueneburg, Germany).

Andrey I. Savin – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

«Говорят, что умер Мао», – записал в своем рабочем дневнике 9 сентября 1976 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев [1, с. 683]. В слове «говорят» просквозила неуверенность Брежнева в факте смерти его многолетнего оппонента. Но в этом «говорят» прозвучало еще одно: осознание и сопричастность тайны, окутывавшей человеческое, интимное бытие вождя в авторитарных системах государственной власти. У Черчилль, любитель образно выражаться, в 1939 г. определил Советский Союз как «секрет, завернутый в тайну, скрывающую в себе загадку»¹. Одним из важнейших государственных секретов в СССР являлось здоровье высшей партийной и государственной элиты. Ведь одна только мысль о болезнях вождей, человеческой стороне их бытия десакрализовала их в глазах народа, сводила с Олимпа и уравнивала с простыми людьми.

Написав о смерти восьмидесятирехлетнего Мао Цзэдуна, семидесятилетний Брежнев наверняка тогда подумал и о себе. Ощущая себя фигурой исторического масштаба, Брежнев, наверняка, понимал, что его физическое здоровье с каждым днем, месяцем и годом будет приобретать все большее значение для судеб СССР и социалистического лагеря в целом. Такой вызов был по плечу только сильному человеку. В какой мере Брежневу удалось с ним справиться, как его здоровье влияло на функционирование государственного механизма – вот главные вопросы, на которые призвано ответить данное исследование.

Основными источниками являются рабочие и дневниковые записи самого Брежнева, записи секретарей его приемной за апрель 1965 г. – ноябрь 1982 г., воспоминания политических соратников, иностранных политических деятелей, врачей, родных и близких.

ПРЕДЫСТОРИЯ:

ЗДОРОВЬЕ И КАРЬЕРА БРЕЖНЕВА ДО 1964 г.

Сталинским кадрам были жизненно необходимы не только знание марксистско-ленинской теории и лояльность вождю, но и хорошее здоровье. Специфический образ жизни, нервные нагрузки и страх вызвать гнев кремлевского начальства не могли не отражаться на физическом состоянии партийно-советской элиты [2, с. 80–81]. Брежнев, который начал свой головокружительный подъем по карьерной лестнице в 1930-е гг., не составлял здесь исключения.

О здоровье молодого Брежнева мы знаем мало: известно, что он переболел тифом зимой 1920/21 г.

[3, с. 3], занимался тяжелой физической работой – трудился кочегаром на заводе в городе Каменское² (Южная Украина), был призван – т.е. оказался физически годным – в армию в 1935 г. [4, с. 51, 58–59], прошел всю Великую Отечественную войну с первого до последнего дня, был ранен и контужен. Будучи еще относительно молодым человеком, Брежнев начал испытывать проблемы с сердцем. Биографы склоняются к тому, что первый инфаркт миокарда у него произошел весной 1952 г. [4, с. 94]. По свидетельству Виктории Петровны, жены Брежнева, инфаркт случился ночью, во время сна. «Вызвали [...] опытного врача, – вспоминала Виктория Петровна – Много уколов сделал. Позднее из Москвы прислали профессора-сердечника. Месяц не разрешали подниматься» [3, с. 66]. В июне 1957 г., уже в качестве хрущевского фаворита – секретаря и члена Президиума ЦК КПСС – Брежнев вновь оказался в больнице с микроинфарктом. По словам кремлевского врача Евгения Чазова, у Брежнева произошли некоторые изменения в сердце, «но они носили лишь очаговый характер» [5, с. 73–74].

Несмотря на проблемы со здоровьем, Брежнев выделялся высокой трудовой активностью. Его карьерные успехи в период правления И.В. Сталина, а позже и Н.С. Хрущева являются свидетельством того, что те ценили Брежнева не только за лояльность, но и за трудоспособность, умение решать в срок сложные задачи. В воспоминаниях Нины Хрущевой, жены Н.С. Хрущева, в которых сквозит открытая антипатия к Брежневу, она тем не менее процитировала мужа, который весьма лестно отзывался о рабочих качествах своего протеже: «Брежнев обладает характером, преданностью партии, [...] его уважают люди, с которыми он работает. [...] Когда восстанавливали “Дзержинку” в Днепродзержинске, то Брежнев даже поставил свою кровать в конторе, чтобы не терять времени на поездки домой» [6, с. 290–291].

Виктория Петровна, вспоминая годы работы мужа в послевоенном Запорожье, отмечала: «Приходил домой к ночи. Усталый, задерганный, нервы перенапряжены до предела. И дома, прежде чем свалиться в постель, бесконечные звонки по телефону: кирпич, цемент, доски» [7, с. 422]. По ее мнению, именно из-за трудолюбия и усердности Сталин выделил Брежнева из общей массы своей гвардии: «Вызвал и сказал: “Хорошо работаете. Партия считает – можете руководить уже не областью, а целой республикой”» [7, с. 424]. Трудно сказать, насколько адекватно Виктория Петровна передала слова Сталина, но на Пленуме ЦК КП(б) Молдавской ССР в июле 1950 г. Леонид

¹ Выступление Уинстона Черчилля на радиостанции «BBC» в Лондоне, 1 октября 1939 г. URL: <http://www.churchill-society-london.org.uk/RusnEnig.html> (дата обращения: 2.09.2019).

² В 1936 г. г. Каменское (Каменский) был переименован в г. Днепродзержинск.

Брежнев был охарактеризован Москвой в качестве кандидата на пост первого секретаря как «человек опытный, энергичный, моторный» [4, с. 84].

В Молдавии Брежнев продолжал работать на износ, подстраиваясь под специфический сталинский распорядок дня. По словам Аллы Моховой, его личного секретаря, он приходил на работу в 10 часов утра «и работал до 3, 4-х, иногда до 5 ночи»³. В июне 1952 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение – предоставить Брежневу внеочередной отпуск по состоянию здоровья. В феврале 1953 г. Президиум ЦК КПСС снова отправил его на два месяца в отпуск для лечения. Учитывая, что в те годы такие решения без острой надобности не принимались, уже на тот момент Брежнев был серьезно болен. Однако необходимость реабилитироваться в глазах кремлевского начальства вынуждает «сосланного» в Казахстан Брежнева работать в привычно высоком нездоровом темпе. Нелли Джадайбаева, личный секретарь Брежнева в Казахстане, утверждала, что будущий генсек нередко засиживался у себя в кабинете «до двух часов ночи»⁴. Работник сельхозотдела ЦК компартии Казахстана М.А. Жихарев, перебирая в памяти эпизоды своей совместной работы с Брежневым на целине, говорил о том, что тот не раз терял сознание от хронического недосыпания и оказывался на больничной койке [4, с. 84].

Эти свидетельства подтверждают и дневниковые записи Брежнева периода 1957–1964 гг. [8, с. 97–451]. Перечень обязанностей секретаря ЦК КПСС, постепенно, шаг за шагом забиравшегося на самую вершину власти, был весьма широк и разнообразен – от контроля запуска ракет и спутников до выбивания недостающих «комплектующих частей» для оборонных предприятий; рабочее время Брежнева при этом было не нормировано: «уехал домой в 9 ч. вечера» (20.01.1959); «работали до 9 ч[асов] 30 мин. вечера» (21.01.1959) и т.д. [8, с. 216]. Заметки в дневнике будущего генсека свидетельствуют о регулярных проблемах Брежнева со здоровьем и позволяют нам выделить целый спектр его заболеваний: «был у Лукомского [в больнице. – В.Д., А.С.] – осмотр [сердца. – В.Д., А.С.]» (27.05.1958); «был в клинике – спазм желудка» (10.02.1959); «был не здоров, очень болела нога» (2.05.1959) и т.д. [8, с. 121, 219, 250–251]. Наряду с обычным недомоганием Брежнев в своих записках выделяет и более серьезные перебои со здоровьем, вызванные стрессом: «был сердечный

приступ, почти на день вышел из строя» (2.04.1959) [8, с. 231]⁵.

В историографии сложилось устойчивое мнение, что Брежнев, придя к власти, являл собой тип достаточно здорового, но ленивого руководителя, старавшегося при любой возможности уклониться от возложенных на него тяжелых обязанностей главы партии и государства. Леонид Млечин, один из биографов Брежнева, характеризуя работоспособность третьего советского генсека, отмечает следующее: «[Он] не был привычен к большому объему работы и большим нагрузкам, да и не любил трудиться. [...] Ему хотелось только получать удовольствие от жизни» [4, с. 550].

В действительности Брежнев пришел к власти, обремененный целым грузом болезней и нездоровых привычек – курение, недосыпание, малоподвижный образ жизни [9, с. 54–58]. Однако, несмотря на это, в первые годы в Кремле он продолжал много и активно работать, что отнюдь не соответствует сложившемуся образу «ленивого вождя» и «работоспособной команды».

У ВЛАСТИ: ЗДОРОВЬЕ И РАБОЧИЙ ГРАФИК БРЕЖНЕВА В 1964 – 1974 гг.

Свою деятельность в качестве хозяина Кремля Брежнев начал в привычно высоком темпе. Как свидетельствуют записи секретарей приемной Брежнева, ежедневно фиксировавших передвижения своего шефа, он одним из первых приезжал на работу в 8.30 утра, и одним из последних – обычно в 23.00 часа ночи – покидал свой кабинет [10, с. 11–166]. Его секретари регулярно отмечали в записях «переработки» Брежнева, задерживающегося нередко и до начала следующего дня: «Уехал, как обычно, очень поздно» (3.05.1965); «Уехал домой в 12 ч[асов] 30 м[инут] ночи» (6.05.1965); «Уехал домой в 1 [час] 30 [мин.] ночи» (25.09.1965); «уехал в 2 [часа] 15 [мин.] ночи» (9.06.1966) и т.д. [10, с. 22–23, 70, 129]. Вслед уехавшему Брежневу посылались шифровки, письма и материалы, с которыми он должен был ознакомиться до начала нового рабочего дня. По всей видимости, уже в это время Брежнев начал страдать бессонницей и принимать снотворные препараты, чтобы отключиться от повседневных проблем, снять психическую нагрузку и забыться на несколько часов до следующего рабочего дня, переполненного событиями и встречами [11, с. 144–145].

Удивляет не только количество его телефонных переговоров и приемов (секретари даже не успевают проконтролировать абсолютно все звонки и всех по-

³ Интервью бывшей секретарши Брежнева в Молдавии Аллы Моховой // Комсомольская правда, 18.12.2006. URL: <https://www.kr.ru/daily/23826/61371/> (дата обращения: 2.09.2019).

⁴ Интервью бывшей секретарши Брежнева в Казахстане Нелли Джадайбаевой // Комсомольская правда, 20.12.2006. URL: <http://kr.ru/daily/23828.3/61468/> (дата обращения: 31.08.2019).

⁵ На заседании Президиума ЦК КПСС 2 апреля 1959 г. секретарь ЦК КПСС А.И. Кириленко публично оскорбил Брежнева, что вызвало у того сердечный приступ.

сетителей нового главы партии, фиксируя в журнале «неизвестных» лиц под грифом «и другие товарищи»), но и обязательность Брежнева, который персонально связывался с теми, кто изъявил желание с ним пообщаться, что документально подтверждают многочисленные записи его приемной. У него практически нет свободного времени: он ведет заседания Президиума ЦК КПСС и бюро ЦК КПСС по РСФСР, работает над своими докладами «один» и с «группой товарищей», руководит заседаниями Совета обороны, участвует в заседаниях Совета Министров СССР, сессий Верховного Совета СССР, Пленумов ЦК КПСС, Секретариата ЦК КПСС. Он лично проводит совещания с заведующими отделами ЦК и другими «ответственными работниками» партии и правительства, присутствует на демонстрациях и военных парадах, выступает с докладами на различных съездах и конференциях.

Без Брежнева не проходит ни один крупный митинг в столице, ни одно торжественное мероприятие государственного уровня. Он практически ежедневно принимает иностранные делегации, участвует в приемах глав государств и правительств, руководителей партий и просто известных персон. Независимо от времени суток генсек лично встречает и провожает своих гостей в аэропорту, сопровождает их в резиденции. Удивляет также динамика его передвижений по стране и за ее пределами. Только в 1966 г. Брежнев побывал в Краснодаре, Иркутске, Киеве, Владивостоке, Узбекистане, Грузии, Казахстане, Монголии, Румынии, Чехословакии, Болгарии, Югославии и Венгрии⁶. «Когда я встретил Леонида Ильича, это был молодой, активный, очень сильный политик, проницательный человек, который немало сделал для страны», – отмечал глава кремлевской медицины Е.И. Чазов, впервые встретившийся с Брежневым в начале января 1967 года⁷. «Я не переставал удивляться его темпераменту, энергии, физическим силам», – констатировал и В.Т. Медведев, личный телохранитель генсека [11, с. 74].

Документальные источники опровергают факт «щадающего режима» у Брежнева вплоть до середины 1970-х годов, который так любят приводить в качестве примера его «лености» некоторые биографы. Дневники приемной Брежнева, как и его личные записи, вплоть до конца 1974 г., свидетельствуют о весьма напряженном и нервном образе жизни генсека, работавшего почти ежедневно по 12 часов в сутки и более. За небольшими исключениями, у него не

было ни выходных, ни праздников, ни времени «для себя» после «пятого вечера». В свободные от работы дни Брежнев был вынужден оставаться на «боевом посту»: он регулярно перезванивался с сотрудниками своих приемных в ЦК КПСС и в Кремле; работал над докладами и письмами; получал «пакеты» с документами и шифровками, принимал гостей и т.п. Интенсивный рабочий график не позволял Брежневу расслабляться «по желанию и потребности», вызывая постоянную бессонницу и тревогу. «Усталый, он примерно за километр выходил из машины и, – вспоминал Медведев, – заложив руки за спину, молча шел до дачи пешком. [...] Это пешее возвращение продолжалось до последних лет, пока он совсем не ослаб» [11, с. 42].

В первые годы работы в Кремле даже в любимое охотничье хозяйство Завидово Брежнев наведывался редко, исключительно по субботам и воскресеньям, задерживаясь «на природе» не более чем на сутки. В Завидово Брежнев не только стрелял «зверя и птицу», но и в соответствии с записями его приемной совмещал приятное с полезным: ему направлялись «пакеты с газетами», документы, шифровки и пр. Несмотря на отдаленность от Москвы, с ним всегда могли связаться представители «ближнего круга» – члены Секретариата и Политбюро ЦК КПСС.

В начале своей карьеры в качестве «первого лица» Брежнев редко обращался к врачам. Первый серьезный «звонок», связанный с его здоровьем, прозвучал в августе 1968 г. Психическая нагрузка периода «Пражской весны», проведение многочасовых бесед и совещаний, постоянные встречи с делегациями и, по всей видимости, частый прием успокаивающих снотворных препаратов серьезно подкосили здоровье Брежнева. 25 августа 1968 г. во время проведения очередного совещания, у Брежнева, по сообщению личного врача Н.Г. Родионова, «нарушилась дикция, появилась ... слабость, [...] он был вынужден прилечь на стол» [5, с. 75]. Собравшийся консилиум врачей поставил диагноз – «гипертонический криз», предписав генсеку постельный режим [10, с. 279]. Всю неделю, предшествовавшую срыву, Брежнев работал в «чрезвычайном режиме» и днем и ночью, решая судьбу Чехословакии. Отголоском данного «криза» явилось двухмесячное пребывание Брежнева в клиническом санатории «Барвиха» с декабря 1968 г. по февраль 1969 года [10, с. 306–315]. Этим дело не ограничилось: генсек все чаще оказывался на больничной койке Центральной клинической больницы, наряду с летним отпуском все больше отдыхал также зимой, а в командировках получал от секретарей «пакеты с лекарствами». Несмотря на всю активность – регулярные звонки и встречи, работу с документами и многочисленные приемы, Брежнев уже не мог обходиться без врачебной помощи и процедур. Особенно

⁶ См. график поездок Леонида Брежнева в 1966 гг.: [10, с. 101–166].

⁷ Интервью бывшего начальника 4-го Главного управления Минздрава СССР Евгения Чазова // Коммерсант (Москва), 11.11.2002. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/350265> (дата обращения: 2.09.2019).

пострадал сон генсека, Брежнев стал приезжать на работу поздно, к обеду, иногда и к вечеру, допоздна задерживаясь в Кремле. Все чаще Брежнев прибегал к приему сильнодействующих успокаивающих и снотворных средств, что вызывало у него, по свидетельству врачей, «депрессию и вялость» [5, с. 113].

В 1972 г. Брежнев вновь надолго оказывается на больничной койке, а именно, после продолжительной поездки по восточным регионам СССР, которая длилась с 25 августа по 5 сентября 1972 г., в результате которой генсек посетил города Кокчетав, Барнаул, Красноярск, Новосибирск, Омск, Алма-Ату и Ташкент. Его состояние на сей раз было настолько плохим, что с 15 по 20 октября он вообще ни с кем не общался ни по телефону, ни лично. Почта, включая срочные шифровки, ему также не поступала. Только 27 октября 1972 г., через две недели после того как он попал на больничную койку, Брежнев первый раз позвонил в свою приемную, а с 10 ноября стал принимать «своих людей». В общей сложности Брежнев пробыл в больнице 46 дней (с 13 октября по 27 ноября 1972 г.) и прямо из больницы, захав лишь на пару часов домой, вылетел с визитом в Венгрию.

Фактически до середины 1970-х гг. Брежнев, даже находясь на больничном, работал в прежнем режиме, т.е. оставался «здоровым» для «товарищей» из ЦК КПСС и партийных руководителей на местах, не говоря уже о простых смертных. Для непосвященных, да и для большинства представителей партийно-советской элиты больной Брежнев официально был «здоров и полон сил». Газеты, радио и телевидение только усиливали эффект вездесущего «великого Гудвина»: его имя не сходило с первых страниц, голос слышался из каждого радиоприемника и радиоточки, улыбающееся лицо ежедневно мелькало на телеэкранах. Мало кто знал, что Брежнев приезжал в Кремль из спецбольницы и, проделав все «ритуальные процедуры», снова отбывал на больничную кровать.

ПЕРЕЛОМНЫЙ 1975 Г.: НАЧАЛО КОНЦА БРЕЖНЕВА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ПОЛИТИКА

«Теряя способность аналитического мышления, быстроту реакции, Брежнев все чаще и чаще не выдерживал рабочих нагрузок, сложных ситуаций», – так Чазов описывал состояние своего «главного пациента» в первой половине 1974 г. «Происходили срывы, которые скрывать было уже невозможно. Их пытались объяснять по-разному: нарушением мозгового кровообращения, сердечными приступами, нередко им придавали политический оттенок» [5, с. 127]. Так, по воспоминаниям бывшего президента Франции Валери Жискар д'Эстена, во время визита Брежнева во Францию в декабре 1974 г. советский лидер дважды пытался перенести время переговоров, ссылаясь на усталость [3, с. 54].

Конец ноября – начало декабря 1974 г. выдались крайне напряженными – встреча с секретарями крайкома и обкомов КПСС Дальнего Востока в Хабаровске, переговоры с президентом США Дж. Фордом, посещение Улан-Батора и поездка во Францию – и нервное перенапряжение Брежнева достигло своего пика. 26 декабря 1974 г. он оказался в больнице, встретив Новый год в лечебной палате [10, с. 691]. Некоторые свидетельства окружавших его людей, в первую очередь Чазова, проливают свет на недуг генсека. По словам кремлевского врача, уже в преддверии переговоров с Фордом, по пути во Владивосток, «Брежнев нервничал, был напряжен, злился на окружающих. [...] Тяжелейший срыв произошел в поезде, когда, проводив американскую делегацию, Брежнев поехал в Монголию с официальным визитом» [5, с. 128]. Подтверждает данную информацию и личный телохранитель генсека В.Т. Медведев: «В поезде [у Брежнева] произошло нарушение мозгового кровообращения, он впал в невменяемое состояние» [9, с. 111]. Врачам, по словам Чазова, «удалось компенсировать нарушенные функции здоровья в связи с астенией и депрессией», что позволило Брежневу продолжить поездку в Монголию, однако не остановило течения болезни [5, с. 128]. Конец 1974 г. стал не просто началом «динамического нарушения мозгового кровообращения» у генсека, а началом «смерти» Брежнева как самостоятельного политика. Именно с этого времени стали появляться различные мифы и рассказы о его клинической смерти, перенесенном сердечном заболевании, параличе и т.п. [11, с. 6]. Девятого февраля 1975 г. сотрудник ЦК КПСС А.С. Черняев отметил у себя в дневнике: «Болезнь Брежнева. Слухи о необратимости [его смерти] и о [его] приемниках, по “голосам”⁸ и в народе» [12, с. 129].

Почти полтора месяца, которые Брежнев провел в кремлевской больнице в конце 1974 – начале 1975 г., не могли не встревожить партийный Олимп. 17 февраля 1975 г. состоялось экстренное заседание Политбюро ЦК КПСС, на котором был заслушан вопрос «О режиме работы т. Брежнева Л.И.». Сухие строчки протокола подтверждают глубокую озабоченность партийной элиты состоянием здоровья генсека: «Все члены Политбюро, кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК КПСС единодушно высказали мнение о необходимости нормализации работы Генерального секретаря ЦК КПСС т. Брежнева Л.И. для устранения систематических перегрузок в работе и сохранения его здоровья в интересах партии и страны»⁹.

Дело даже не в том, что Брежнев с этого времени стал частым пациентом больниц и поликлиник, а в

⁸ Речь идет о западных радиостанциях, вещавших на СССР.

⁹ Выписка из протокола № 167 заседания Политбюро ЦК КПСС от 17 февраля 1975 года. // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1235. Л. 42.

практически полной потере интереса к своей работе. Так, за весь февраль 1975 г. генсек только семь раз посетил ЦК и Кремль [10, с. 696–699]. Резко сократилось число его телефонных переговоров, а главное – личных приемов. Круг общения Брежнева радикально сузился и ограничился преимущественно некоторыми членами Политбюро (А.П. Кириленко, Ю.В. Андропов, М.А. Суслов) и преданными ему помощниками (А.М. Александров-Агентов, Е.М. Самойкин и К.У. Черненко). Теперь из его графика практически исключались встречи и беседы с персонами из «второго эшелона». Именно с этого времени Брежнев отходит от активного участия в серьезных внешнеполитических вопросах, прежде всего в отношениях с США. Фактически все руководство переговорами по ограничению стратегических вооружений с 1975 г. перешло в компетенцию министра иностранных дел А.А. Громыко [13, с. 74, 272–273].

Теперь Брежнев приезжал в Кремль и ЦК только на заседания особой важности либо на приемы особо высокопоставленных гостей. У него, как свидетельствуют дневники приемной, не осталось ни желаний, ни сил встречаться, а тем более вести беседы даже с представителями партийной элиты с мест, которую он лично опекал все предшествующие годы. Впервые был отменен ритуальный прием генсеком первых секретарей ЦК компартий республик, областных и краевых партийных организаций после проведения апрельского Пленума ЦК КПСС 1975 г. [10, с. 706]. Юбилейные празднования Дня Победы, которые Брежнев не мог пропустить из-за их политической важности, снова закончились для него больничной койкой, на которой он пролежал почти целый месяц [10, с. 709–711]. Состояние здоровья Брежнева в первой половине 1975 г. настолько ухудшилось, что он перестал бывать даже в Завидово, оставаясь почти все время на даче в Заречье. Летний отдых в Крыму (6.08.–28.08.1975) Брежнев провел без телефонных звонков и особых указаний. Только члену Политбюро М.А. Суслову удалось однажды переговорить с ним по «вертушке» [10, с. 721–723]. Документы особой важности, в соответствии с записями его секретарей, поступали к Брежневу в весьма ограниченном количестве. 11 сентября 1975 г. Черняев занес в свой дневник: «Все заметнее недееспособность Брежнева. Вернулся из отпуска еще 29 августа, но нигде не появился, и в ЦК его не чувствуется. А поскольку все сколь-нибудь существенн[ые] [дела] замкнут[ы] на него, дела стоят» [12, с. 165].

Основная организационная работа брежневской приемной целиком замкнулась на К.У. Черненко – заведующем общим отделом ЦК КПСС, включая принятие решений о допуске «к телу» генсека или прямом звонке на его личный телефон. «Такое ощущение, что Генеральный [секретарь] почти недееспосо-

бен, – отметил Черняев у себя в дневнике 20 ноября 1975 г. – «Помощники – [...] никакого выхода, даже телефонного на него не имеют. Члены П[олит]б[юро] и секретари – только через Зав[едующего] Общим отделом Черненко. Велено „не тревожить“» [12, с. 185].

ЗДОРОВЬЕ И РАБОТОСПОСОБНОСТЬ БРЕЖНЕВА В 1976–1982 гг.

После перенесенной Брежневым болезни секретари его приемной стали весьма скупко писать о распорядке дня своего шефа, не особо вдаваясь в подробности, чем он конкретно занимается. В целом складывается впечатление, что информация к Брежневу стала поступать дозированно, небольшими, заранее подготовленными порциями, как и число допущенных «со стороны» звонков. Сам Брежнев в это время все реже пользуется «личным телефоном», неотъемлемым инструментом власти, так любимым им в предыдущие годы. Круг его общения ограничивается главным доверенным лицом – Черненко, с которым он общается почти каждый день «в живую» или по телефону, а также личными помощниками [13, с. 270–271; 14, с. 63].

После проведения XXV съезда КПСС (24 февраля – 5 марта 1976 г.) и последовавшего «нервного срыва» Брежнев вновь попадает на «отдых» в кремлевский санаторий «Барвиха», где он пробыл почти два месяца, практически не принимая посетителей и избегая телефонных переговоров¹⁰. Начиная с 1976 г., Брежнев все чаще упоминает в дневниковых записях о состоянии своего здоровья, о посещении врачей и медсестер, пребывании в поликлиниках и больницах. Сведения о состоянии здоровья Брежнева имеют прямую корреляцию с его личными дневниковыми записями, в которых зафиксирован специфический распорядок дня генерального секретаря ЦК КПСС: «Никому не звонил. В 11 часов дня сел за руль и поехал [на дачу] в Завидово. Хорошо поплавал на лодке, убил 3-х уток [...] Не выдержал, съездил в лес» [1, с. 627], (15.05.1976); «Никуда не ездил – никому не звонил. Мне тоже [...] [никто не звонил]. Утром стригся, брился и мыл голову. Днем немного гулял [...]. Смотрел как ЦСК проиграл Спартаку» [1, с. 627] (16.05.1976); «Брился в Кремле – стригся и мыл голову» [1, с. 631] (24.05.1976); «День работы на дому» [1, с. 632] (26.05.1976); «Выходной день – Суббота. Ездил по вопросам дачи [...]» [1, с. 632] (29.05.1976); «Был в Завидово с т[оварищем] К.У. Черненко. Убил 8 штук [кабанчиков. – В.Д., А.С.]» [1, с. 632] (30.05.1976); «Примерка и прием костюмов. Был вечером у [зубных врачей. – В.Д., А.С.]

¹⁰ Так, к примеру, 12, 17, 20, 21–22, 24–25, 27–29 марта, 2, 8, и 17 апреля 1976 г. Брежнев вообще не сделал ни одного (!) звонка по телефону. См.: [10, с. 756 – 761].

Музы Владимировны и Вал. Александровны» [1, с. 639] (26.06.1976); «Отдыхал – плавал – играл в домино. Смотрел кино» (1, с. 645); «Работал с Дорошиной над шифровками, не кончил – уехал смотреть телевизор» [1, с. 765–766] (28.03.1977) и т.д. Начиная с 1976 г., в дневниках Брежнева появляются регулярные записи о массажных процедурах, прогулках на свежем воздухе, заплывах в море и бассейне. С апреля 1977 г. он начинает скрупулезно следить за своим весом, помечая практически ежедневно его малейшие изменения в дневнике: до плавания, после плавания, в одежде и «голым» [1, с. 772–773, 804, 812].

В целом работоспособность Брежнева в последние годы на посту генсека можно оценить как волнообразную – активность сменялась апатией, которую он пытался вытеснить охотой и развлечениями. Тандем Брежнев–Черненко работал все более слаженно: Черненко готовил и «подкладывал» на подпись все нужные документы, а Брежнев их визировал. Без Черненко не обходилось ни одно заседание Политбюро ЦК КПСС, которые тот досконально подготавливал для своего шефа.

Тенденция угасания работоспособности Брежнева, четко проявившаяся после 1975 г., постепенно набирала обороты, лишь изредка сменяясь высокой активностью. Брежнев все чаще стал поздно приезжать на работу и рано уезжать домой, большую часть времени проводил у себя на даче. Круг телефонный переговоров, за исключением традиционных «обзвонов» первых секретарей в период сева и уборки урожая, резко сузился, как и число личных приемов, на которые попадали только близкие ему люди. Основные его обязанности зачастую ограничивались только проведением регулярных заседаний Политбюро, длительность проведения которых постоянно сокращалась – с нескольких часов до 45 минут. «Всем было видно, – вспоминал его помощник Александров-Агентов, – что Брежнев думает только об одном: как бы поскорее закончить и уехать на отдых, в Завидово» [13, с. 273].

Как правило, о звонках недостаточно важных персон Брежневу перестали докладывать или о них сообщалось после третьего, четвертого звонка-напоминания (это зависело от настойчивости просителя), что, однако, не гарантировало обратной связи с генсеком. Не составляли исключения даже телефонные звонки председателя Совета министров А.Н. Косыгина: о некоторых из них Брежневу вообще не докладывали, а иные просто «зависали» на неопределенное время. Так, к примеру, выглядел график общения генсека и «премьер-министра» в январе 1977 г.: 7 января Косыгин позвонил Брежневу в приемную, а 10 января, т.е. только через три дня, генеральный секретарь удосужился ему перезвонить [10, с. 806]. 18 июня 1977 г. Черняев отметил у себя в дневнике: «Содержание бе-

сед Брежнева, а также кого и когда он примет, определялось всесильными членами Политбюро – Сусловым, Устиновым, Андроповым, Громыко и помощниками, главным образом – Александровым» [12, с. 286].

Изменение методов работы главы партии подтверждает и сам Александров-Агентов, курировавший 21 год в качестве помощника генсека область внешней политики: «Когда Брежнев стал уже совсем болен [...] он передоверил формирование внешнеполитической части этих проблем по существу «тройке» в составе Громыко, Андропова и Устинова» [13, с. 269–270]. Внутриполитические вопросы курировали Н.А. Тихонов, М.А. Суслов, Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов и К.У. Черненко. Это четко подтверждают как записи секретарей брежневской приемной, так и многочисленные свидетельства. Единственной сферой, которую генсек продолжал контролировать лично, оставался подбор кадров. Именно в это время в составе руководящих органов партии появилось множество различных «комиссий Политбюро», которые под руководством одного из членов Политбюро детально рассматривали все необходимые вопросы, формулировали проекты решений по ним, а фактически «предрешали эти решения».

Волнообразное состояние здоровья генсека (апатия – активность) отмечали все люди из ближнего окружения Брежнева. Так, 24 мая 1977 г. Черняев записал в дневнике: «Пленум ЦК. Брежнев бодрый и подтянутый. Доклад его о проекте Конституции был деловой и ясный» [12, с. 280]. Однако уже 1 июня 1977 г. он фиксирует совершенно противоположное: «Брежнев опять в такой форме, что может лишь прочитать написанное большими буквами» [12, с. 283]. Подобные пертурбации со здоровьем генсека отмечал и В.Т. Медведев: «Смотришь на него и не узнаешь. Еще час назад еле-еле двигался на даче, а тут – бодрый, даже молодцеватый. У него был огромный запас внутренних сил и энергии, его умению преобразиться на людях удивлялись даже врачи» [11, с. 63].

Из депрессии, как правило, Брежнева выводили награды и присвоение очередных званий. Так, вручение 10 мая 1976 г. маршальской звезды сразу вызвало «второе дыхание» у 70-летнего генсека, что выразилось не только в многочисленных выступлениях в маршальском мундире и даче пространных интервью, но и в работе с рутинными документами, приемах первых секретарей обкомов и крайкомов КПСС, проведении заседаний Политбюро. 20 февраля 1978 г. Брежневу был вручен высший военный орден «Победа», что вновь пробудило у него интерес к политической жизни: он стал активно выступать с многочисленными речами, принимать участие в приемах, праздничных торжественных заседаниях, спортивных праздниках, разъезжать по стране и за ее пределами [15].

Не последнюю роль в смене апатии на активность у генсека играла и его «наркотизация», связанная с приемом лекарственных препаратов, первоначально призванных решить проблему бессонницы, мучавшей генсека¹¹. В дневнике Брежнева имеются закамouflированные свидетельства передачи лекарственных средств генсеку представителями близкого окружения, включая главу КГБ Андропова¹². Брежнев тщательно фиксирует в своем дневнике все, что связано с «наркотическими» медикаментами и прибытием «пакетов» с таблетками вплоть до последних дней своей жизни: «Говорил с Чазовым – о снотворных» [1, с. 900] (13.03.1978); «Разговаривал с Черненко о снотворном» [1, с. 929] (27.12.1978); «Говорил с Андроповым [...] лекарство. Цвигун Семен Кузьмич – принес» [1, с. 953] (15.05.1979); «Получил желтенькие [таблетки] по 28-е включительно» [1, с. 1122] (19.12.1981); «Получил от Ю.В. [Андропова] – желтенькие [таблетки. – В.Д., А.С.]» [1, с. 1136] (25.01.1982) и т.д. Эти записи являются бесспорным свидетельством личной трагедии Брежнева.

Складывается впечатление, что к концу 1970-х гг. он прекрасно понимал, как мало времени ему осталось жить и пытался успеть «оставить свой след»: давал различные интервью для газет и телевидения, принимал иностранных политиков, бесконечно вручал правительственные награды «своим товарищам». Основным интересом генсека оставался космос – запуск ракет, стыковки, технические новшества, за которыми Брежнев внимательно следил, даже будучи совершенно больным.

В это же время у Брежнева проснулась любовь не только к «хлебу» (торжественным обедам и приемам), но и к зрелищам: он стал регулярно выезжать в цирк, на различные концерты во Дворец съездов, посещать футбольные и хоккейные матчи и даже бывать на балете. После ноябрьского пленума ЦК КПСС 1979 г. и сессии Верховного Совета СССР (28–30 ноября 1979 г.) Брежнев вообще не принял ни одного из секретарей обкомов, записавшихся к нему на прием, а уехал на охоту [10, с. 958–959]. Нужно заметить, что и подготовка к вводу советских войск в Афганистан сопровождалась регулярными поездками Брежнева на охоту и посещением многочисленных хоккейных матчей в Лужниках¹³.

¹¹ См. воспоминания личного телохранителя, зам. начальника охраны В.Т. Медведева о «наркотизации» Брежнева медицинским персоналом и о роли ближайшего окружения генерального секретаря в этом процессе: [11, с. 143–154]. Ср.: [14, с. 68–69].

¹² Интервью бывшего начальника 4-го Главного управления Минздрава СССР Евгения Чазова. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/350265> (дата обращения: 2.09.2019).

¹³ См. график поездок Брежнева на охоту в «Завидово» и на стадион «Лужники» с 1 по 19 декабря 1979 г.: [10, с. 959–962].

Благодаря дневниковым записям становится ясно, что Брежнев прекрасно понимал всю трагичность своего положения, но был вынужден продолжать исполнять многочисленные партийно-государственные ритуалы. Вместе с тем престарелый генсек еще пытался бороться. Готовясь к выступлению на XXVI съезде КПСС и прекрасно понимая, что ему будет очень сложно выдержать многочасовую нагрузку, Брежнев «обкатывал» свою речь в пустой аудитории Кремлевского дворца съезда. «Пробовал говорить в зале Кремля», – аккуратно записал он в свой дневник 21 февраля 1981 г. [1, с. 1063].

Брежнев в меру сил продолжал стараться, чтобы ухудшение его здоровья не вызывало сбоев государственной машины по меньшей мере в жизненно важных вопросах, таких как продовольственный. С мая 1981 г. его секретари по личному поручению Брежнева начинают регулярно обзванивать все обкомы и республиканские ЦК на предмет «будущего урожая». Ранее эту функцию Брежнев не доверял никому. Теперь же его секретари «по поручению Л. И.» требуют от мест сведений о состоянии озимых посевов и дождей, прошедших за последние дни в областях и краях. Результаты докладываются Брежневу по телефону на дачу. Например, 3 июня 1981 г. секретарь Суходольский «по поручению Л. И.» позвонил в города Курск, Тулу, Орел, Кострому, Новгород, Белгород, Барнаул, Оренбург, Харьков, Тамбов, Калугу, Липецк, Ульяновск, Горький, Воронеж. Полученные сведения о выпавших осадках, о запасе влаги в почве, о состоянии озимых и яровых культур были доложены Брежневу и по его указанию разосланы членам Политбюро. 6 июня уже секретарь А. Кечин перезвонил в 19 областных городов черноземной и нечерноземной зоны с целью получения сведений о состоянии посевов и прошедших дождях. На следующий день, в воскресенье 7 июня, Брежнев лично перезвонил в приемную Кремля, чтобы получить сведения, собранные Кечиним. Сведения о погодных условиях и состоянии посевов пересылаются секретарями утренней и вечерней почтой не только на дачу в Заречье, но и в Завидово, что в это время было редким явлением.

Предпринятая акция принесла свои плоды: с середины июня 1981 г. первые секретари наперебой старались сами позвонить в приемную Брежнева и доложить о «состоянии на местах» с зерновыми и погодными условиями, не дожидаясь звонков брежневских секретарей. Осенью обзвон областей возобновился: теперь ждали рапортов об урожаях и докладов первых секретарей. Так, к примеру, 22 октября 1981 г. секретарь Краснодарского крайкома КПСС С.Ф. Медунов просил лично доложить генсеку о «выполнении плана по сдаче зерна», что было тут же сделано [10, с. 1063].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

7 ноября 1982 г., выполняя свои обязанности главы партии и государства, Брежнев простоял несколько часов на морозном ветру на Мавзолее, а на следующее утро по традиции уехал на охоту в Завидово. 9 ноября 1982 г., в свой последний рабочий день в Кремле, Брежнев дважды вызывал к себе референта Г.А. Дорошину, «работал с документами», принял Андропова и переговорил по телефону с министром внутренних дел Н.А. Щелоковым. 10 ноября 1982 г. секретарь Алдохин занес в дневник брежневской приемной самую короткую запись за все годы его работы: «10 ноября, среда: Л[еоида] И[льича] – нет» [10, с. 1119]. В медицинском заключении о причине смерти Брежнева констатировалось, что 10 ноября 1982 г. между восемью и девятью часами утра у него произошла «внезапная остановка сердца» [4, с. 612].

В любом государстве здоровье политического лидера является важным фактором функционирования государственной машины. Что же касается авторитарной власти, «замкнутой» на конкретную личность, то физическое здоровье этой личности приобретает огромное значение. Брежнев пришел к власти обремененным целым грузом болезней и нездоровых привычек – курение, недосыпание, малоподвижный образ жизни и т.д. Однако, несмотря на это, в первое десятилетие нахождения во главе Советского Союза он много и активно работал. Последние семь лет правления характеризуются резким ухудшением здоровья генсека и соответственно перемежающимися затуханиями и всплесками работоспособности Брежнева. Несмотря на то, что советская бюрократия в целом компенсировала «пробуксовки» и даже временный выход из строя главного «элемента» партийно-государственной машины – персоны Леонида Брежнева, специфический механизм власти в СССР, начиная со второй половины 1970-х гг., все чаще давал сбои. Заняв практически пожизненно пост главы государства и руководителя общественно-политического строя, фактически не имевшего механизмов легальной смены власти, кроме смерти предшественника, больной и дряхлеющий Брежнев был вынужден трудиться «на износ» и оставаться «вождем» вплоть до своего конца, в том числе и ценой наркотизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи: в 3 т. М.: Историческая литература, 2016. Т. 1: Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1964–1982 гг. / под ред. А.Н. Артизова, В. Деннингхауса, Н. Катцера и др. 1024 с.
2. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011. 231 с.
3. Семанов С.Н. Брежнев: правитель «золотого века». М.: Вече, 2002. 400 с.
4. Млечин Л. Брежнев. М.: Молодая гвардия, 2008. 624 с.
5. Чазов Е. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М.: Новости, 1992. 224 с.

6. Хрущев С. Никита Хрущев: Пенсионер союзного значения. (Трилогия об отце). М.: Время, 2010. 320 с.
7. Карпов В.В. Расстрелянные маршалы. М.: Вече, 1999. 480 с.
8. Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи: в 3 т. М.: Историческая литература, 2016. Т. 3: Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1944–1964 гг. / под ред. А.Н. Артизова, В. Деннингхауса, Н. Катцера и др. 1072 с.
9. Медведев В. Человек за спиной. М.: Русслит, 1994. 316 с.
10. Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи: в 3 т. М.: Историческая литература, 2016. Т. 2: Записи секретарей Приемной Л.И. Брежнева. 1965–1982 гг. 1232 с.
11. Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. М.: Новости, 1991. Кн. 1. 336 с.
12. Чернышев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991. М.: РОССПЭН, 2008. 1048 с.
13. Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева: Воспоминания дипломата, советника А. А. Громыко, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачева. М.: Междунар. отношения, 1994. 304 с.
14. Прибытков В. Аппарат. СПб.: ВиС, 1995. 224 с.
15. Деннингхаус В., Савин А.И. «Смотришь, и Мане, и Тане какой-то “Знак Почёта” попадает». Брежневская «индустрия» награждений и советское общество // Российская история, 2014. №. 2. С. 127–149.

REFERENCES

1. Brezhnev L. I. Work and diary entries: in 3 volumes, Moscow, Historical Literature, 2016, vol. 1: Leonid Brezhnev. Work and diary entries. 1964–1982 / Ed. A. N. Artizov, V. Doenninghaus, N. Ketzner et al., 1024 p. (In Russ.)
2. Khlevnyuk O. V., Gorlitsky J. Cold World: Stalin and the end of the Stalinist dictatorship. Moscow, ROSSPEN, 2011, 231 p. (In Russ.)
3. Semanov S. N. Brezhnev: ruler of the Golden Age. Moscow, Veche, 2002, 400 p. (In Russ.)
4. Mlechin L. Brezhnev. Moscow, Molodaya gvardiya, 2008, 624 p. (In Russ.)
5. Chazov E. Health and power. Memories of the “Kremlin doctor”. Moscow, Novosti, 1992, 224 p. (In Russ.)
6. Khrushchev S. Nikita Khrushchev: pensioner of the Union significance. (Trilogy about the father). Moscow, Vremya, 2010, 320 p. (In Russ.)
7. Karpov V. V. The executed marshals. Moscow, Veche, 1999, 480 p. (In Russ.)
8. Brezhnev L. I. Work and diary entries: In 3 volumes. Moscow. Historical Literature, 2016, vol. 3: Leonid Brezhnev. Work and diary entries. 1944–1964 / Ed. A. N. Artizov, V. Doenninghaus, N. Ketzner et al., 1072 p. (In Russ.)
9. Medvedev V. The man behind his back. Moscow, Russlit, 1994, 316 p. (In Russ.)
10. Brezhnev L. I. Work and diary entries. In 3 volumes. Moscow, Historical Literature, 2016. Vol. 2: Notes of the receptionist of L. I. Brezhnev. 1965–1982, 1232 p. (In Russ.)
11. Medvedev R. A. Personality and era. Political portrait of L. I. Brezhnev. Moscow, News, 1991. Bk. 1, 336 p. (In Russ.)
12. Chernyaev A. S. Common outcome. Diary of two eras, 1972–1991. Moscow, ROSSPEN, 2008, 1048 p. (In Russ.)
13. Alexandrov-Agents A. M. From Kollontai to Gorbachev: memoirs of a diplomat, an adviser of A. A. Gromyko, assistant to L. I. Brezhnev, Y. V. Andropov, K. U. Chernenko and M. S. Gorbachev. Moscow, Intern. relations, 1994, 304 p. (In Russ.)
14. Pribytkov V. Apparatus. Saint Petersburg, ViS, 1995, 224 p. (In Russ.)
15. Doenninghaus V., Savin A. I. “Look, even some Many and Tanya got themselves a “Badge of Honor”. Brezhnev’s industry of decorations and soviet society. Rossiyskaya istoriya, 2014, no. 2, pp. 127–149. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.07.2021

Дата рецензирования 22.07.2021

Статья принята к публикации 30.07.2021

DOI: 10.15372/HSS20210314

УДК 94:331(571.150)“192”

Е.В. МЕТЕЛЬ

**«НЕ ТРУДЯЩИЙСЯ, ДА НЕ ЕСТ!»:
ПРИВЛЕЧЕНИЕ ЖЕНЩИН АЛТАЯ К ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМУ ТРУДУ В 1920-е гг.**

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина
РФ, 659333, г. Бийск, ул. Короленко, 53

Цель исследования – показать степень участия советских женщин в общественно полезном производительном труде, а также охарактеризовать политику государства в этой сфере. Научная новизна заключается в выявлении региональных особенностей – на примере Алтая – благодаря привлечению неопубликованных архивных источников. Отмечено, что политика государства к 1930 г. не дала желаемых результатов, доля трудоустроенных женщин оставалась на уровне, близком к дореволюционному, однако сфера применения их труда стала шире. Изучены региональные особенности: на Алтае сравнительно мало было предприятий, на которых в большей степени применялся женский труд (чаще всего – в текстильной промышленности), поэтому особенно актуальным являлось не только обучение женщин в плане общего образования, но и их профессиональная переподготовка.

Ключевые слова: женский труд, эмансипация, феминизм, женотделы, занятость, обучение, производство, СССР, Алтай, 1920-е гг.

E.V. METEL

**«DON'T WORK, DON'T EAT!»:
ATTRACTING ALTAI WOMEN TO PRODUCTIVE LABOR IN THE 1920s**

V.M. Shukshin Altai State Humanitarian and Pedagogical University
53, Korolenko str., Biysk, 659333, Russian Federation

The study objective is to determine the level of Soviet women's participation in productive work, as well as to reveal the state policy features in this area. The scientific novelty lies in studying regional peculiarities (Altai case) by attracting unpublished archival sources. The historical and comparative technique made it possible to compare data on women participation in productive labor in the Russian Empire and similar indicators in Soviet Russia. The author used the historical-genetic method, which allows identifying the properties of the studied phenomena consistently, and cause-and-effect relationships. So, women's labor was considered as an emancipation element in the state policy, and this led to the legislative consolidation of work obligation. In addition, there was a dynamic in the number of working women, thanks to the chosen course, but a low level of their salaries due to the poor education and qualifications. In turn, this led to a row of measures to educate women and improve their professional skills. As a result, it was determined that the state policy did not give the desired results by 1930, the share of employed women remained at a level close to the pre-revolutionary one, but its application scope became wider. The article reveals regional peculiarities as well: in Altai region, enterprises that used women's labor to greater extent (most often in the textile industry) few in number, so it was especially important to train women both in the field of general education, and in their professional retraining.

Key words: female labor, emancipation, feminism, women departments, employment, training, production, USSR, Altai, 1920s.

ВВЕДЕНИЕ

Участие женщин в общественно полезном производительном труде в ранней Советской России, особенно в ее регионах, в указанный период является недостаточно изученной проблемой. Работ отече-

ственных ученых по женскому вопросу и женскому движению не так много [1, 2, 3, 4, 5]. При этом если занятость женщин на сибирских предприятиях привлекала внимание исследователей [6, 7, 8], то сведения о труженицах Алтая нам пришлось извлекать из архивных источников.

Екатерина Вячеславовна Метель – аспирант кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина, e-mail: metel-ev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3017-1957>.

Ekaterina V. Metel – Post-graduate Student of the Department of Historical, Legal, Social and Humanitarian Disciplines of Altai State Humanitarian and Pedagogical University Named after V.M. Shukshin.

Как известно, политика Российской коммунистической партии (большевиков) была направлена на широкое вовлечение женщин в общественное производство. В.И. Ленин отмечал важность женского производительного труда, полагая, что «угнетение» женщин будет продолжаться до тех пор, пока домашнее хозяйство будет полностью лежать на ее плечах, именно поэтому женщине необходимо участвовать в общем производительном труде. Он считал, что изначально следует привлечь женщин к работе в социальной сфере, но со временем он планировал открывать для женщин все больше и больше направлений общественной деятельности. Он видел женщину борцом, организатором, агитатором и главным строителем коммунизма [9, с. 196–208]. Таким образом, привлечение женщин к общественно полезному труду было одним из элементов их эмансипации.

Конституция РСФСР 1918 г. стала большим шагом вперед во многих областях общественной жизни, трудовые отношения не были исключением. Согласно ст.18, РСФСР провозглашалась государством, которое признает труд обязанностью граждан. Именно в первой конституции был закреплен лозунг «Не трудящийся, да не ест!»¹. Каждый гражданин не просто имел право на труд, он был обязан трудиться, и это нашло отражение в положительной динамике численности работающих граждан. Так, количество женщин, занятых в промышленном производстве России накануне революции и в первые годы после нее, колебалось, причем в ограниченных пределах – от 30 до 43 %. К примеру, в конце 1914 г. насчитывалось 30,5–30,8 % работниц, в 1918 г. – 41–43 %, и в середине 1922 г. – 34,8 % женщин [6, с. 93]. Данные о доле работниц в начале 1920-х гг. демонстрируют уровень, близкий к дореволюционному. Действительно, в начале XX в. женщины начали активно трудоустроиваться, а к 1914 г. это явление стало массовым вследствие отправки трудоспособных мужчин на поля сражений Первой мировой войны. После Октябрьской революции количество работниц увеличилось, труд стал более доступным для женщин, однако новая экономическая политика внесла свои коррективы, и их число вновь сократилось до дореволюционного уровня.

Те немногие женщины, которые были заняты в общественном производстве, чаще всего трудились в качестве чернорабочих или на должности подмастерьев. Это происходило потому, что их квалификация была ниже, чем у мужчины. В профсоюзах также отмечалась невысокая численность женщин: так, в

профсоюзах металлургов их было 20–25 %, только в легкой промышленности работницы составляли 75–90 % [6, с. 93]. Этого не было достаточно для решения задач, поставленных государством, вскоре привлечение женщин к производительному труду стало одной из основных задач женотделов.

ОТ «ТРУДОВОЙ МОБИЛИЗАЦИИ» – К БЕЗРАБОТИЦЕ: КАК ОТРАЗИЛСЯ НЭП НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН?

В годы Гражданской войны (особенно с конца 1919 г. до середины 1921 г.) из-за острого недостатка рабочей силы на производстве для девушек и женщин 10–40 лет была введена трудовая повинность². Благодаря этому только в 1920 г. в общественное производство было вовлечено несколько миллионов женщин. Следует отметить, что трудовая мобилизация женщин рассматривалась властями и как способ воспитания: добиться восприятия женщинами общественного труда как важного и необходимого. Введение новой экономической политики резко изменило положение на рынке труда. Те обстоятельства, которые ему сопутствовали, привели к образованию избытка рабочей силы: к ним следует отнести сокращение числа предприятий государственной промышленности и штатов государственных учреждений, неурожай в нескольких регионах, заставивший сельское население искать средства к существованию в городе, демобилизация армии (откуда возвратилось до 4 млн трудоспособных мужчин), повышение реальной заработной платы [6, с. 93].

Безработица затронула женщин гораздо сильнее, чем мужчин. Было проведено исследование на территории 12 губерний. Согласно его результатам, к концу 1921 г. насчитывалось 37 818 безработных мужчин и 60 975 безработных женщин. Если говорить о Сибири, то во второй половине 1920-х гг. более 50 % безработных региона были женщинами, однако многие из них не могли получить пособие по безработице [8]. Это происходило потому, что данную выплату назначали только тем, кто до увольнения работал не менее трех лет.

Весной 1922 г. была разработана система мер по борьбе с безработицей среди женщин на областном (краевом) уровне [6, с. 95]. Проблема потребовала к себе пристального внимания со стороны государства. Был задействован ряд доступных администрации рычагов, что сказалось на повышении численности работниц на средних и крупных промышленных пред-

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) (прекратила действие). URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (дата обращения: 12.10.2020).

² Постановление Главного комитета по всеобщей трудовой повинности и Народного Комиссариата Труда и Социального Обеспечения // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М. 1943. С. 171–175. URL: <https://istmat.info/node/41443> (дата обращения: 01.10.2020).

приятнях – до 2,5 млн чел. в 1926 г. Для сравнения: если проанализировать штаты предприятий крупной промышленности, то согласно имеющимся данным, с 1923 по 1927 г. количество женщин увеличилось с 414 800 до 710 200 чел., или на 395 тыс. (из них 192 тыс. – в текстильной промышленности) [4, с. 204]. Очевиден абсолютный рост числа работниц – в 1,7 раза. Однако если взять их долю среди всех промышленных рабочих, то с 1923 г. по 1929 г. она была на уровне 28–29 %, и государственные органы считали такой результат неудовлетворительным [7, с. 38].

**«НЕ ЖЕНСКОЕ ДЕЛО»:
СКОЛЬКО ЖЕНЩИН БЫЛО ПРИВЛЕЧЕНО К ТРУДУ
И КАКОВЫ ОБЛАСТИ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
РЕАЛИЗАЦИИ?**

Рассмотрим, как были распределены работницы по сферам занятости (согласно информации, предоставленной профсоюзами). Большинство из них было зарегистрировано в государственных, общественных учреждениях и предприятиях торговли. К началу 1927 г. женщины составляли 38,9 % всех работавших граждан. Число работниц промышленности установилось на уровне 27 %, сельского хозяйства – 15,5 %, а в сфере транспорта и связи – 10 %. Для сравнения приведем следующие данные: в 1913 г. женщины составляли 31,5 % всех работающих, в то время как в 1927 г. их было немногим больше четверти от всей рабочей силы. Это при том, что согласно переписи населения, в 1926 г. доля мужчин составляла 47,8 %, их было на 4,5 млн меньше, чем женщин. Особенно пострадали от военных потерь молодые люди в возрасте 25–29 лет, среди них женщины составляли 55,1 % [10, с. 154]. Полагаем, что подобное снижение доли трудоустроенных женщин произошло из-за увеличения общего количества рабочих мест.

За первый год реализации новой экономической политики (середина 1921 – первая половина 1922 г.) доля женщин на производстве возросла на 1,3 % (с 33,5 до 34,8 %). Заметное расширение производства тканей, а также благоприятные условия для реализации текстиля на рынке принято считать причинами роста указанных показателей. Кроме того, в тот же период количество женщин увеличилось в таких отраслях промышленности, как горнодобывающая, пищевая, а также на транспорте. Однако в остальных сферах происходило неуклонное снижение женской занятости. Снизилось и число женщин – членов профсоюзов, что указывало на сокращение доли их труда в производстве, также уменьшался их удельный вес в текстильной и швейной промышленности (с 57,7 % в 1922 г. до 53 % до 1924 г. и с 69,9 до 60,2 % соответственно). К середине 1924 г. на 100 чел. в производстве было занято 77,2 % мужчин и 27,8 % женщин. Абсолютное число работниц в металлургии

увеличилось на 14 310 чел., но доля работавших женщин снизилась: в 1923 г. было 13,7 % работниц, а в 1927 г. – 9,4 %. При переходе на хозрасчет чаще всего в первую очередь увольнялись женщины как менее квалифицированные работники [6, с. 94].

В Сибири доля работниц была значительно меньше в силу аграрного характера региона (в 1924 г. здесь проживали 7 700 тыс. чел., из которых 6 800 тыс. было занято в сельском хозяйстве) [7, с. 38]. Отрасли, где обычно использовался женский труд, либо были слабо развиты в регионе, либо не представлены вовсе. Большинство сибирских работниц были заняты на мелких предприятиях, в мастерских, кустарных производствах.

В 1923 г. в Алтайской губернии было 3 613 работниц. В других регионах Западной Сибири картина была следующей: в Омской губернии – 5 783, в Томской – 5 523, а в Новониколаевской – 2 637. По всей Сибири насчитывалось 27 289 работниц [7, с. 38]. К 1 октября 1925 г. в промышленности работали уже 46 016 женщин, а к 1 апреля 1926 г. – 58 039. Таким образом, здесь очевиден значительный рост участия женского труда в производстве (на 12 023 чел., или в 1,3 раза). Наиболее значительная доля женщин среди рабочих Сибири в 1928–1929 гг. имела место в швейно-трикотажном производстве (66 %), льноткацком (61,4 %), спичечном (55 %), махорочном (47 %), кирпичном и огнеупорном (45 %), суконном (40,3 %). Меньше всего женщин работало в металлообрабатывающей промышленности (3 %), черной металлургии (3,9 %), пимокатном производстве (5 %), горной промышленности (5,5 %) [7, с. 38].

На Алтае предприятия в редких случаях вели подсчет количества женщин на производстве. Такие сведения возможно получить только из общих списков сотрудников. Анализ архивных источников показал, что в общих отчетах организаций внимание к количеству женщин возникло только в 1929 г.: появилась графа «в т.ч. женщин»³. Анализ списков сотрудников некоторых предприятий показал следующие результаты.

К примеру, в 1924 – 1925 гг. в штате «Алтмолсоюза» состояло 64 сотрудника, и 8 из них (12,5 %) были женщины. С 1925 по 1926 г. на предприятии произошло сокращение, общее число сотрудников снизилось до 40, а количество женщин – до 2 (5 %)⁴. На этом примере очевидно, что под сокращение чаще

³ Статистический отчет о количестве и качестве состава аппарата Сибмаслосоюза по главной конторе и Алейскому пункту на 01.01.1929 г. // Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-19. Оп. 2. Д. 8. Л. 4.

⁴ Список служащих Алтмолсоюза, работавших в период с 01.10.1925 г. по 01.10.1926 г. // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 17. Л. 27–27 об.

всего попадали женщины. Мужчины обладали более высоким уровнем образования, а также более высокой квалификацией. К тому же их рассматривали как «кормильцев» семей, что было еще одной причиной сохранения за ними рабочих мест. Позже положение дел на предприятии стабилизировалось, штат расширялся. По сведениям 1926 – 1928 гг., в «Алтмолсоюзе» числилось 54 сотрудника, и 10 из них были женщинами, т.е. 18,5 %⁵. Таким образом, увеличилось не только общее количество работников на предприятии, но и доля женщин.

Среди сотрудников Алтайского сельскохозяйственного союза в 1925 – 1926 гг. (33 чел.) была одна женщина (3 %) ⁶. К последней трети 1920-х гг. число женщин на алтайских предприятиях заметно выросло. В Бийском отделе акционерного общества «Мясопродукт» в 1928 г. из 169 чел. 25 были женщинами (14,8 %) ⁷, штат «Алтселькредитмашсоюза» состоял из 36 чел., 9 из них (25 %) были женщины ⁸, в 1929 г. коллектив «Алтполеводсоюза» состоял из 31 сотрудника, 5 из них были женщины (16,1 %) ⁹.

СПОСОБЫ БОРЬБЫ С «ТЕМНОТОЙ» И СВЯЗЬ «СВЕТА» УЧЕНИЯ С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ УСПЕХОМ ЖЕНЩИН

Занятость и безработица в сфере женского труда зависят в первую очередь от образования и уровня квалификации. Согласно статистике, в 1923 г. четверть работниц являлись «квалифицированными» и составляли 16,6 % от всех работников), «полуквалифицированными» – соответственно 21,7 и 36,9 %, а неквалифицированные – 53,3 и 42,6 % [6, с. 94]. Таким образом, с учетом этих показателей в первой трети XX столетия женщина обладала низкой конкурентоспособностью на рынке труда.

Трудовая деятельность женщин ограничивалась лишь узким кругом профессий. Основная их часть (51,7 %, или 468 тыс. чел. из 909 тыс. женщин – членов индустриальных союзов) работала в текстильной промышленности (информация указана по состоянию на 01.01.1928 г.). Со временем общее количество работниц увеличивалось за счет их участия в легкой промышленности, но доля относительно всех работников снижалась.

Исследование предприятий в марте 1926 г. показало, что на работах, требующих квалификации, было занято 16,6 % женщин; требующих «полуквалификации», – 35,9 %. Не удивительно, что это отражалось на средней заработной плате работниц, которая была значительно ниже, чем у мужчин.

Кроме того что женщины составляли меньшую часть трудоустроенных на предприятиях, они занимали самые низкооплачиваемые должности. Согласно спискам сотрудников организаций на Алтае, о которых мы уже писали выше, всего 3 женщины (6 %) имели достаточную квалификацию и занимали должности агронома и инструкторов. Остальные выполняли механическую работу, не требующую высокой квалификации. Такие сотрудницы занимали должности кишенников (29 %), счетоводов (13 %), машинисток (11 %), курьеров (7 %), колбасниц (5 %), уборщиц (5 %), чернорабочих (5 %), делопроизводителей (4 %), сторожей (4 %), заведующих книжным киоском (2 %), кассиров (2 %), стеклографистов (2 %), чайниц (2 %), прачек (2%), кроме того, женщин брали на производство учениками (2 %) ¹⁰.

Подобная ситуация на производстве сложилась в силу того, что женщины не имели необходимого уровня образования, и поэтому политика женотделов была направлена на то, чтобы работницы смогли повысить квалификацию. Существовало несколько способов решения этой задачи: обучение в фабрично-заводских училищах, на курсах, путем создания специальных женских бригад. Например, в фабрично-заводских училищах металлообработки в 1921/22 учеб. году насчитывалось 0,5 % женщин, а в 1924 г. – уже 3,8 %. В конце 1925 г. на территории пяти губерний в результате повышения квалификации более высокие разряды получили 2 тыс. женщин. Меры по повышению квалификации повлекли рост

⁵ Список сотрудников «Алтмолсоюза» за 1926–1928 гг. // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 32. Л. 2 об. – 17.

⁶ Список сотрудников Алтайского сельскохозяйственного союза // ГААК. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

⁷ Список сотрудников Бийского отдела акционерного общества «Мясопродукт» на 01.04.1928 г. // ГААК. Ф. Р-766. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–3.

⁸ Список сотрудников «Алтселькредитмашсоюза» с отзывами об их работе // ГААК. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 1. Л. 46–52.

⁹ Список сотрудников «Алтполеводсоюза» по состоянию на 05.05.1929 г. // ГААК. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 1. Л. 9–13.

¹⁰ Списки сотрудников «Алтмолсоюза» за 1924–1925 гг. Алейская контора // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 16. Л. 13 об. – 14 об.; Списки сотрудников «Алтмолсоюза» за 1924–1925 гг. Общая канцелярия // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 16. Л. 7 об.; Списки сотрудников «Алтмолсоюза» за 1924–1925 гг. Финансово-счетный отдел // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 16. Л. 9 об.; Списки сотрудников «Алтмолсоюза» за 1924–1925 гг. Хозяйственная часть // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 16. Л. 11 об.; Список служащих «Алтмолсоюза», работавших в период с 01.10.1925 г. по 01.10.1926 г. // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 17. Л. 27–27 об.; Список сотрудников «Алтмолсоюза» за 1926–1928 гг. Общий отдел // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 32. Л. 10 об. – 11; Список сотрудников «Алтмолсоюза» за 1926–1928 гг. Оргинструкторский отдел // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 32. Л. 4 об. – 7; Список сотрудников «Алтмолсоюза» за 1926–1928 гг. Финансово-счетный отдел // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 32. Л. 13 об. – 14; Список сотрудников «Алтмолсоюза» за 1926–1928 гг. Хозяйственная часть // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 32. Л. 16 об. – 17; Список сотрудников «Алтполеводсоюза» по состоянию на 05.05.1929 г. // ГААК. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 1. Л. 9–13; Список сотрудников Бийского отдела акционерного общества «Мясопродукт» на 01.04.1928 г. // ГААК. Ф. Р-766. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–3.

среднего заработка женщин (в сравнении с средним заработком мужчин) от 60,5 % в 1923 г. до 68,4 % в 1926 г. В 1927 г. 36,7 % женщин повышали квалификацию в форме индивидуального и бригадного ученичества на территории всей страны [6, с. 97]. Такие формы профессиональной подготовки практикуются и в настоящее время. При индивидуальной форме ученики самостоятельно изучают теоретический курс (с правом консультации у специалистов организации), а при бригадной производственное обучение осуществляется в составе бригады под руководством квалифицированного работника на рабочем месте.

К задачам женотделов относилось осуществление контроля за деятельностью органов профтехобразования. Было важно, чтобы получение квалификации способствовало закреплению работниц в индустрии. Поэтому женщин необходимо было обучать тем специальностям, в которых нуждалось предприятие. В средствах массовой информации отмечалось: «у нас есть не только женщины-токаря, слесаря, инструментальщики, фрезеровщики, но даже женщины-молотобойцы, вальцовщицы, кузнецы. Правда, к сожалению, их – единицы и десятки» [6, с. 97].

Значительное внимание отделы по работе среди женщин уделяли подготовке девушек к работе в промышленности. Предусматривалось установление квот для работниц, которые не подлежали сокращению или увольнению. Кроме того, была организована сеть подготовительных курсов для девушек, которые поступали в ФЗУ. Со временем все большее количество молодых женщин получали профессиональное образование. Так, в 1923/24 учеб. году в ФЗУ обучалось 16,5 % девушек, в 1924/25 г. – 22, в 1925/26 г. – 37 %; в индустриально-технические вузы в 1927 г. поступило 12,6 % женщин [3, с. 106].

На Алтае всего лишь одна работница (среди 300 сотрудников исследуемых предприятий) имела высшее образование (2 %), среднее образование было у 6 женщин (11 %), у остальных работниц – общее образование разных уровней (25 %), которое по-разному обозначалось в списках сотрудников («самоучка», «малограмотная», «курсы коммунистических знаний», «низшая сельская школа»)¹¹.

¹¹ Списки сотрудников «Алтмолсоюза» за 1924–1925 гг. Алейская контора // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 16. Л. 13 об. – 14 об. Списки сотрудников «Алтмолсоюза» за 1924–1925 гг. Общая канцелярия // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 16. Л. 7 об.; Списки сотрудников «Алтмолсоюза» за 1924–1925 гг. Финансово-счетный отдел // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 16. Л. 9 об.; Списки сотрудников «Алтмолсоюза» за 1924–1925 гг. Хозяйственная часть // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 16. Л. 11 об.; Список служащих «Алтмолсоюза», работавших в период с 01.10.1925 г. по 01.10.1926 г. // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 17. Л. 27–27 об.; Список сотрудников «Алтмолсоюза» за 1926–1928 гг. Общий отдел // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 32. Л. 10 об.–11; Список сотрудников «Алтмолсоюза» за 1926–1928 гг. Организаторский отдел // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 32. Л. 4 об.–7;

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Немаловажным для привлечения женщин в производство было такое направление, как разработка нового трудового законодательства. В феврале 1924 г. Наркоматом труда было разработано положение, согласно которому местные отделы труда по согласованию с профсоюзами могли допускать ночной труд женщин. А с 1925 г. его применение стало возможным во всех производствах (за исключением вредных). Женотделы, в свою очередь, кроме прочих функций осуществляли охрану труда женщин и обращали пристальное внимание на соблюдение положения о семичасовом рабочем дне и недопущении к ночным работам беременных (с 5 мес.) и матерей, кормящих грудью детей, – до 7 мес. [6, с. 97].

В соответствии с курсом на форсированную индустриализацию ВКП (б) приняла решение о еще более масштабном вовлечении женщин в общественно полезный труд. В постановлении «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» от 1 марта 1926 г. провозглашалось, что при развертывании промышленности необходимо обратить внимание на вовлечение женского труда в производство, в частности в те отрасли, где он может быть применен, но до сих пор мало или вовсе не применялся, и на подготовку женской квалифицированной силы как на самом производстве, так и из числа безработных, через курсы при ЦИТе¹². В указанном документе была высоко оценена работа комиссий по изучению женского труда. Кроме того, постановление указывало на необходимость наладить их работу там, где широко применялся женский труд, особенно в восточных регионах страны, в которых вовлеченность женщин в промышленность оставалась низкой.

Таким образом, индустриализации страны, форсированное наращивание промышленного потенциала способствовали тому, что женский труд стал значительным резервом для успешного выполнения этих задач. Принятие первого пятилетнего плана повлекло за собой еще большее вовлечение женщин в промышленное производство. «Принятый пятилетний план... дает возможность без ущерба для функции материн-

Список сотрудников «Алтмолсоюза» за 1926–1928 гг. Финансово-счетный отдел // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 32. Л. 13 об.–14; Список сотрудников «Алтмолсоюза» за 1926–1928 гг. Хозяйственная часть // ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 32. Л. 16 об.–17; Список сотрудников «Алтмолсоюза» по состоянию на 05.05.1929 г. // ГААК. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 1. Л. 9–13; Список сотрудников Бийского отдела акционерного общества «Мясопродукт» на 01.04.1928 г. // ГААК. Ф. Р-766. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–3.

¹² Постановление об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок: (утв. Оргбюро ЦК ВКП(б) 1 марта 1926 г.) / Отд. работниц и крестьянок ЦК ВКП(б). М.: Тип. ЦК ВКП(б), 1926. 15 с.

ства расширить применение женского труда в производстве, в том числе и в тяжелой индустрии...», – так отмечало новый этап в хозяйстве страны постановление ЦК ВКП (б) о задачах по работе среди работниц и крестьянок от 15 июня 1929 г.¹³

Женотделы уделяли большое внимание вовлечению работниц в рационализаторское движение, которое стало популярным на производстве второй половины 1920-х гг. В письме Центрального женотдела «Об участии отделов работниц в работе по рационализации производства» от 14 июня 1927 г. подчеркивалось, что вовлечение работниц в рационализацию производства является недостаточным. В текстильной промышленности, где было занято большинство работниц (58,6 %), их участие в производственных комиссиях было ниже 20 % [6, с. 98]. Планировалось проведение разъяснительной работы: важно было убедить женщин, что движение не направлено на сокращение рабочих мест. Значительное внимание уделялось выдвижению работниц на руководящие должности.

В своей работе женотделы руководствовались марксистскими принципами, один из которых провозглашал, что основной предпосылкой освобождения женщины является ее возвращение к общественному производству [11, с. 115]. В основе деятельности женщин лежало также положение о том, что коммунизм сберегает женские силы от непроизводительного труда в доме и обогащает народное хозяйство свежим притоком рабочих рук. Это стало возможным благодаря распространению учреждений общественного быта. Было запланировано постепенное вытеснение единоличного домашнего хозяйства, его замена домами-коммунами, общественным питанием [12], прачечными и другими учреждениями. Согласно исследованиям, домашние хозяйки были заняты около 10 ч (полноценный рабочий день). В свою очередь работающие женщины также тратили значительное количество времени на домашний труд. Так, статистика утверждает, что на каждые 100 ч их работы на производстве приходилось 126 ч домашнего труда. Согласно результатам проведенного В.И. Исавым исследования, во второй половине 1920-х гг. работница была занята в домашнем хозяйстве ежедневно в течение 4–6 ч. [8]. Это указывает на так называемую вторую рабочую смену в домашнем хозяйстве. Чрезмерная загруженность женщин, а также недостаток у них свободного времени служили основными

причинами политического и культурного «отставания» женщин от мужчин [8]. Поэтому одним из условий вовлечения женщин в общественный труд было освобождение их от домашнего рабства, ускоренное развитие учреждений общественного быта.

Таким образом, женский труд стал элементом эмансипации. Получив образование и оплачиваемую работу, женщина, имея собственный заработок, могла не зависеть от мужчин. Изначально замысел был реализован в виде законодательного закрепления обязанности трудиться. К концу первого десятилетия советской власти, в начале 1930 г., женотдел ЦК ВКП (б) пришел к выводу, что результаты работы по вовлечению женщин в промышленное производство являются неудовлетворительными.

Доля женщин, участвовавших в общественно полезном труде составляла 29 %, что, по данным статистики, было на 3 % меньше, чем в Российской империи (31,5 % на конец 1913 г.). Нельзя дать однозначную оценку работе женотделов в сфере женского труда. В годы нэпа заметно повысился уровень безработицы среди женщин. Тем не менее женотделы внесли большой вклад в сохранение их рабочих мест за счет повышения квалификации женщин, а также за счет расширения сферы применения женского труда.

В 1930 г. женотделы прекратили свое существование, после этого женский вопрос не поднимался отдельно от прочих партийных вопросов, а женская политика стала неотъемлемой частью общей политики. На наш взгляд, результаты деятельности государства в данной сфере можно признать удовлетворительными, хотя ряд перспективных, по нашему мнению, начинаний того времени не получил достойного продолжения в Советском государстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахметова М.Х., Магсумов Т.А. «Женский вопрос» в идеях теоретиков большевизма: трансформация социальных отношений и ролевых позиций в контексте построения нового социального пространства // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2019. № 3. С. 17–23.
2. Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма. Брянск: «Курсив», 2011. 352 с.
3. Женщины Страны Советов: краткий исторический очерк / [И.С. Куликова, Е.И. Бочарева, Э.И. Лесохина, С.Т. Любимова и др.]. М.: Политиздат, 1977. 240 с.
4. Миловидова Э. Женский вопрос и женское движение: хрестоматия. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 507, с.
5. Каплун С.И. Современные проблемы женского труда и быта. 2-е изд., пересм. и доп. М.: Вопросы труда, 1925. 117, с.
6. Окорочкова Т.С. Женский труд в промышленности СССР в годы НЭПа // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 93–100.
7. Балахнина М.В. Женский труд в промышленности Сибири в 1920-е гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2014. № 3 (29). С. 37–40.

¹³ Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок (Из постановления ЦК ВКП(б) от 15 июня 1929 г.) // Известия ЦК ВКП(б) 1929. 13 июля. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136545> (дата обращения: 27.09.2020).

8. *Исаев В.И.* Условия и тенденции вовлечения женщин в промышленность Сибири в годы первых пятилеток (1928–1937 гг.) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2016. № 1. С. 49–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-i-tendentsii-vovlecheniya-zhenshin-v-promyshlennost-sibiri-v-gody-pervykh-pyatiletok-1928-1937-gg/viewer>.

9. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1973. Т. 30. 561 с.

10. Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1: 1900–1939. 459 с.

11. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства: [перевод с немецкого] / Фридрих Энгельс. М.: Издательство АСТ, 2019. 244 с.

12. *Коллонтай А.* Трудовая повинность и охрана женского труда // *Коммунистка.* 1920. № 1/2. С. 25–27.

REFERENCES

1. *Ahmetova M.Kh., Magsumov T.A.* «Women's issue» in ideas of the bolshevism ideological leaders: the transformation of social relations as well as role positions in the context of building a new social space. *Kazanskiy sotsial'no-gumanitarnyy vestnik*, 2019, no. 3, pp. 17–23. (In Russ.)

2. *Alferova I.V.* «Women's issue» in the bolshevism theory and practice. *Bryansk, Kursiv*, 2011, 352 p. (In Russ.)

3. *Kulikova I.S., Bochkareva E.I., Lesokhina E.I., Lyubimova S.T. et al.* Women of the Soviet country: brief historical essay. Moscow, Politizdat, 1977, 240 p. (In Russ.)

4. *Milovidova E.* The women's issue and the women's movement: chrestomathy. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1929, 507 p. (In Russ.)

5. *Kaplun S.I.* Modern problems of women's work and life. 2nd ed. Moscow, Voprosy truda, 1925, 117 p. (In Russ.)

6. *Okorochkova T.S.* Women's labor in the industry of the USSR during the NEP. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1999, no. 9, pp. 93–100. (In Russ.)

7. *Balakhnina M.V.* Women's labor in the industry of Siberia in the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2014, no. 3, pp. 37–40. (In Russ.)

8. *Isaev V.I.* Conditions and trends of women's involvement in industry of Siberia during the 1930s. *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*, 2016, no. 1, pp. 49–55. (In Russ.)

9. *Lenin V.I.* The complete collection of works. 5th ed. Moscow, Gospolitizdat, 1973, vol. 30, 561 p. (In Russ.)

10. *Polyakov Yu.A. (ed.)* Population of Russia in the XX century: historical essays. Moscow, ROSSPEN, 2000, vol. 1: 1900–1939, 459 p. (In Russ.)

11. *Engel's F.* The origin of the family, private property and the state. Moscow, AST, 2019, 244 p. (In Russ.)

12. *Kollontai A.* Labor service and protection of women's labor. *Communistka*, 1920, no. 1/2, pp. 25–27. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.04.2021

Дата рецензирования 05.05.2021

Статья принята к публикации 07.06.2021

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. СООБЩЕНИЯ

80 ЛЕТ ПРОФЕССОРУ Н.А. ТОМИЛОВУ

Николай Аркадьевич Томилов родился 14 сентября 1941 г. в г. Енисейске Красноярского края. Его научная, преподавательская, организационная и общественная деятельность отличается многогранностью. В настоящее время он – ведущий научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, профессор кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Н.А. Томилов – автор научных трудов по этнографии, антропологии, истории, культурологии, музееведению и социологии, в том числе 15 авторских и 40 коллективных монографий и учебных пособий,

всего – 1250 научных работ. Им разработаны методологические основы этнической истории, этноархеологии, общей музеологии, теории природно-средовой культуры.

Созданная и возглавляемая Н.А. Томиловым омская этнографическая школа получила заслуженно высокую оценку научной общественности как один из наиболее эффективно действующих научных коллективов в российской этнографической науке. Под его руководством защищено 37 кандидатских диссертаций, а также 4 докторские.

Организационная деятельность Н.А. Томилова связана со становлением этнографической и культурологической науки в Сибири. Это создание Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН в 1991 г. (с 2018 г. – Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН), Сибирского филиала Российского института культурологии в 1993 г. (с 2014 г. – Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева), Музея археологии и этнографии Омского государственного университета (1974 г.), третьей в России вузовской кафедры этнографии, и, как следствие, – создание научных коллективов культурологов, этнографов и этноархеологов. Заслуги Н.А. Томилова в области образования и науки отмечены государством и обществом: Заслуженный работник высшей школы РФ, кавалер ордена Дружбы и ордена Почета, Заслуженный профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Заслуженный деятель науки Омской области, кавалер медали «За заслуги перед Томским государственным университетом».

Мы сердечно поздравляем Вас, Николай Аркадьевич, с юбилеем и желаем бодрости духа, неослабевающего интереса к жизни и науке, крепости тела и ясности мысли!

Коллеги и ученики юбиляра

75 ЛЕТ ПРОФЕССОРУ Н.П. МАТХАНОВОЙ

Доктор исторических наук, профессор Н.П. Матханова после окончания педагогического вуза и аспирантуры Института истории, филологии и философии СО АН СССР (1974–1978) с 1990 г. работает в Институте истории СО РАН, пройдя путь от старшего до главного научного сотрудника сектора археографии и источниковедения. Она является признанным в российском и мировом научном сообществе специалистом в области отечественной истории и источниковедения XIX в., автором 13 монографий и публикаций источников, около 250 научных статей. Научные достижения Н.П. Матхановой стали значимой частью интеллектуального капитала Института истории СО РАН. В ее работах воссозданы биографии ряда си-

бирских генерал-губернаторов и губернаторов, проанализированы их взгляды, основные направления экономической, социальной и кадровой политики, прослежено влияние их личных качеств на особенности управленческой деятельности. В настоящее время, продолжая изучение сибирского чиновничества, исследователь сосредоточила главное внимание на вопросах взаимоотношений власти и общества, местной администрации и центральной власти, характеристике чиновников-интеллектуалов.

Н.П. Матханова ведет большую научно-организационную работу: член редколлегии научных журналов «Гуманитарные науки в Сибири» и «Известия Иркутского государственного университета. Серия: История», книжных серий «Археография и источниковедение Сибири» и «Полярная звезда»; член оргкомитетов многих конференций, проводимых Институтом истории СО РАН; член Ученого совета этого института; заместитель председателя Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при институте; эксперт РФФИ, РНФ, РАН.

Наталья Петровна – Заслуженный ветеран СО РАН: она стала авторитетным, неутомимым наставником для молодежи, посвятив долгие годы преподавательской деятельности в двух новосибирских вузах – Новосибирском государственном техническом университете и Новосибирском государственном педагогическом университете. Под ее научным руководством выросли талантливые ученики – доктора и кандидаты наук. Н.П. Матханова награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации, Почетной грамотой СО РАН,

Желаем Вам, глубокоуважаемая Наталья Петровна, здоровья, новых творческих успехов и воплощения самых смелых научных проектов! Примите наши самые сердечные поздравления с Юбилеем!

*Дирекция и коллектив Института истории СО РАН,
Редсовет и редколлегия журнала
«Гуманитарные науки в Сибири»*

DOI: 10.15372/HSS20210315

УДК 001.8: 281.93 (470.5)+316.356.2"185/190"

Н.А. СТАРУХИН

СТАРОВЕРЫ ЕКАТЕРИНБУРГА В ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА**(Рец. на кн.: Боровик Ю.В. «Старообрядцы уральского города во второй половине XIX – начале XX веков: конфессиональное сообщество и семья Екатеринбург». Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 448 с.)**Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Монография Ю.В. Боровик «Старообрядцы уральского города во второй половине XIX – начала XX веков: конфессиональное сообщество и семья Екатеринбург» представляет собой итоговое исследование, в котором автор основное внимание уделил отдельным аспектам, связанным с непростыми судьбами старообрядческих сообществ Екатеринбурга. Автору удалось основательно разработать ряд ранее не рассматривавшихся в отечественной и зарубежной историографии вопросов, а именно, связанных с социальным составом, сравнительной динамикой численности городских староверческих общин уральского региона, институтом семьи.

Ключевые слова: Урал, старообрядчество, часовенные, белокриницкое согласие, семья, брак, социальный состав, численность.

N. A. STARUKHIN

THE OLD BELIEVERS OF YEKATERINBURG IN THE HISTORY AND SOCIAL LIFE OF THE CITY (Review on the book: Borovik Yu.V. «Old Believers of the Ural city in the second half of the XIX – early XX centuries: the confessional community and the family of Yekaterinburg.» Yekaterinburg: Publishing house of the Ural. University, 2019. 448 p.) Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Monograph by Yu.V. Borovik is a final study, which focuses on certain aspects associated with the difficult fates of the Old Believer communities of Yekaterinburg. The author was able to thoroughly develop a number of issues related to the social composition, comparative dynamics of the number of urban stationary communities of the Ural region, the institution of the family, not previously discussed in domestic and foreign historiography.

Key words: The Urals, Old Believers, chasovnyye, Belokrinitisa consent, family, marriage, social composition, number

Монография Ю.В. Боровик представляет собой одно из итоговых исследований, посвященных проблемам уральского старообрядчества. Основное внимание в работе уделено отдельным аспектам, связанными с непростыми судьбами двух исторически родственных старообрядческих сообществ Екатеринбурга – «часовенного» и белокриницкого («австрийского»).

Процесс дробления староверия, далеко не единого по своему социальному составу, догматико-идеологическим построениям наблюдался на протяжении не одного столетия. Но, как совершенно справедливо отмечает Ю.В. Боровик, не закончился этот период «споров и разделений» и в XX в. Разделившись на ряд направлений, нередко страстно полемизировавших друг с другом, сторонники «древлего

Николай Алексеевич Старухин – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: prognostika@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0000-2135-0424>

Nikolay A. Starukhin – Candidate of Historical Sciences, Institute of History SB RAS.

благочестия» были вынуждены создавать свои духовно-административные центры на обширных просторах страны и за ее пределами, интенсивно заниматься нормативно-правовым и литературным творчеством. Вполне закономерно, что территориальные и тематические границы научных штудий, представленные ведущими археографическими центрами страны, продолжают расширяться в последние десятилетия. Бóльшее внимание по-прежнему уделялось столичным староверческим центрам [1; 2; 3]. Серьезных же изысканий, посвященных истории центров местных, к тому же по своему уровню нередко выходящих за региональные рамки и реально расширяющих наше знание о старообрядчестве, а таковым и является труд Ю.В. Боровик, явно недостаточно. Автору удалось основательно рассмотреть ряд вопросов, связанных с социальным составом, сравнительной динамикой численности городских староверческих общин уральского региона, институтом семьи, которые не рассматривались в отечественной и зарубежной историографии (главы 3, 4).

Актуальность названного исследования обусловлена и комплексом затронутых проблем, важных для понимания природы старообрядческого движения. Укажем хотя бы на изначально дискуссионную как в старообрядческой, так, позднее и в научной среде тему соотношения традиций и новаций, особенно остро осознаваемую старообрядческими сообществами в условиях города; а также важную во все времена в обществе проблему сохранения традиций народного самоуправления и стремление общественных (общинных) организаций добиться максимальной независимости от произвола всяческих властей. В нашем случае речь идет о конфессиональных (по терминологии автора «религиозных») общинах, во многом оппозиционно настроенных по отношению к церковным и гражданским властям. Вместе с тем Ю.В. Боровик, исследуя все более усложняющуюся социальную динамику старообрядческих общин периода Великих реформ, делает убедительный вывод о том, что лидеры старообрядческих обществ Екатеринбурга и ранее стремились легализовать свое положение, повысить правовой и социальный статус. Названная тенденция начинает проследиваться уже с конца XVIII в., но, даже видоизменяясь во времена давления на староверческие организации, например в период правления Николая I, она не исчезает полностью. Безусловно, это связано и с той ролью, которую изначально играли старообрядцы в экономике Урала. Не случайно еще в свое время на уральских «старообрядцев-технократов» обратил внимание в своих исследованиях выдающийся американский славист С.А. Зеньковский [4, с. 606–627].

Историографический обзор по объему обобщенного материала вполне закономерно вынесен в основ-

ной текст (с. 19–48). Хотя не во всем с Ю.В. Боровик можно согласиться. На наш взгляд, не получило должной оценки демократическое направление раскола. Причем анализ творчества родоначальника названного направления А.П. Щапова парадоксальным образом попадает в конец «миссионерского», по терминологии автора, этапа историографии. Вместе с тем именно яркие работы А.П. Щапова имели во многом определяющее значение для всей историографии этого и последующего периодов. Были вынуждены учитывать их и представители миссионерской школы, также далеко не единодушные в оценке никоновских реформ и старообрядческого движения. К сожалению, внимание автора не привлекло и тщательное исследование по исторической урбанистике сибирских городов А.Р. Ивонина [5].

Ю.В. Боровик удалось исследовать и основные этапы развития крупнейшего и значимого для всего урало-сибирского региона старообрядческого сообщества Екатеринбурга, начиная с момента его становления до периода окончательного установления власти Советов в городе, изучить динамику его численности и социальный состав, разработать оригинальную авторскую методику, направленную на изучение особенностей существования старообрядческих организаций в городской среде, рассмотреть функционирование таких важнейших во все времена социальных институтов, игравших ключевую роль в сохранении староверческой традиции, как семья и община. Оригинальной и значимой для дальнейших научных исследований, включая отечественную урбанистику, является изучение Ю.В. Боровик типологии старообрядческих семей, создание на основе посемейных списков и метрик базы данных, получившей государственную регистрацию (с. 204–229). Исследование носит многоуровневый характер. Следует особо подчеркнуть, что на материале учета населения изучены историко-демографические характеристики не только старообрядческих семей, но и всего населения Екатеринбурга.

В монографии используется широкий круг документальных и повествовательных источников, разбросанный по архивохранилищам страны, собраниям книг и рукописей Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Екатеринбурга и Новосибирска. Типологический и содержательный анализ их приводится во втором параграфе первой главы (с. 48–73). Несомненной удачей автора является кропотливая и весьма трудоемкая работа с массовыми источниками: ревизскими сказками, городскими переписями населения, метрическими книгами. Все данные сведены в многочисленные таблицы, расположенные как в тексте работы, так и приложениях. Ю.В. Боровик приводит убедительные доводы в пользу того, что и во второй половине XIX – начале XX в. Екатеринбург был одним из

крупнейших городских старообрядческих центров всего Урала.

Старообрядческое население города росло как за счет внутрорегиональной, так и межрегиональной миграции. При этом поток переселенцев из Подмоскovie вливался в общину «австрийцев», в то время как выходцы с уральских заводов и крестьян Вятской губернии пополняли преимущественно ряды часовенных (с. 148). Другой важный вывод исследователя – в составе старообрядческих общин к началу XX в. уменьшается доля купечества. По мнению Ю.В. Боровик, это было связано с законодательными изменениями первой половины 1860-х гг., разрешившими заниматься торгово-промышленной деятельностью без записи в купеческие гильдии. Данная тенденция была частью общего процесса, которому способствовали частичная утрата купеческим сословием имевшихся ранее привилегий, а также упадок городских корпораций после реформы самоуправления 1870 г. К началу XX в. в старообрядческих обществах Урала начинают ведущую роль играть мещане и представители крестьянских старообрядческих фамилий (характерно, что аналогичные процессы можно наблюдать и на примере городских общин Алтая [6].) Заслуживает внимания и обращение Ю.В. Боровик к некоторым перспективным в исследовательском плане положениям, высказанным в одной из работ Д.Е. Расковым (с. 43). В частности, изучая опыт хозяйственной и предпринимательской деятельности столичных старообрядческих общин, ученый пришел к выводу о наличии среди староверов весьма разных позиций относительно этики и практики решения хозяйственно-финансовых вопросов. Вывод же Раскова о замедлении «экспансии старообрядческого капитализма» во второй половине XIX в., когда эффективность ресурсов традиционных общинных староверческих институтов начинает уступать инструментам «обезличенной кредитно-финансовой сферы» [7, с. 135], очень хорошо прослеживается по старообрядческим источникам и требует отдельного рассмотрения.

Интересны наблюдения Ю.В. Боровик, связанные с усиливающейся интеграцией староверов в городскую среду, включенностью лидеров общин часовенных и белокриницких в работу органов самоуправления Екатеринбургa. Хотя, по мнению автора, во второй половине XIX в. их роль уже и не была ве-

дущей, как ранее, тем не менее отдельные представители старообрядческой среды вполне успешно вписались в рамки городской элиты. Бесспорен вывод исследователя и об усилении роли общественных организаций, в частности института начетчиков, как у часовенных, так и в большей степени у белокриницких староверов к началу XX в. Логическим продолжением указанных выше процессов стали противоречивые попытки староверов включиться в общественно-политическую жизнь страны в период дарования религиозных свобод и революционного кризиса 1917 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Покровский Н.Н. Москва – духовный и исторический центр русского старообрядчества // Мир старообрядчества. Вып. II: Москва старообрядческая. М., 1995. С. 3–5.
2. Юхименко Е.М. Старообрядческий центр за Рогожскою заставою. М.: Языки славянской культуры, 2005. 240 с.
3. Перишина М.В. Братский двор в первой половине XIX в. // Рукописи XVI–XXI вв.: исследования и публикации. Новосибирск, 2013. С. 218–236.
4. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: в 2 т. М., 2006. 688 с.
5. Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. Барнаул, 2000. 336 с.
6. Старухин Н.А. Материалы по истории Крестовоздвиженской старообрядческой церкви г. Барнаула (обзор фонда 135 ЦХАФ АК) // Гуляевские чтения. Барнаул, 1998. Вып. 1: Материалы первой, второй и третьей историко-архивных конференций. С. 292–298.
7. Расков Д.Е. Экономические институты старообрядчества. СПб., 2012. 344 с.

REFERENCES

1. Pokrovsky N.N. Moscow – the spiritual and historical center of Russian Old Believers. Mir staroobryadchestva, vyp. II, Moskva staroobryadcheskaya, Moscow, 1995, pp. 3–5 (In Russ.).
2. Yukhimenko E.M. Old Believer Center for the Horogo Casting. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 2005, 240 p. (In Russ.).
3. Pershina M.V. Bratsky yard in the first half of the XIX, Rukopisi XVI–XXI vv.: issledovaniya i publikatsii. Novosibirsk, 2013, pp. 218–236 (In Russ.).
4. Zenkovsky S.A. Russian Old Believers. In two volumes. Moscow, 2006, 688 p. (In Russ.).
5. Ivonin A.R. The West Siberian City of the last quarter of the XVIII – 60s. XIX century, Barnaul, 2000, 336 p. (In Russ.).
6. Starukhin N.A. Materials on the history of the crosses of the Old Believer Church of Barnaul (Review of the Fund 135 Ts Khaf AK). Gulyaevskiy chteniye, vyp. 1, Materialy pervoy, vtoroy i tret'ey istoriko-arhivnykh konferentsiy, Barnaul, 1998, pp. 292–298 (In Russ.).
7. Raskov D.E. Economic institutions of Old-believe. Saint Petersburg, 2012, 344 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 24.05.2021

Дата рецензирования 27.05.2021

Статья принята к публикации 03.06.2021

DOI: 10.15372/HSS20210316

УДК 94:323.2(47)“1936”

И.Н. СТРЕКАЛОВ

**К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЭПОХИ СТАЛИНИЗМА
НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ КОНСТИТУЦИИ СССР**

(Рец. на кн.: Ольга Великанова.

Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. М., 2021. 360 с.)Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
РФ, 119192, Москва, пр. Ломоносовский, 27, корп. 4

Рецензия посвящена монографии Ольги Великановой, рассмотревшей историю создания Конституции СССР 1936 г. Проанализировано, какие источники введены автором в научный оборот, какие новые результаты в плане историографии избранной темы получены и, наконец, каково научное значение итогов данного исследования. Подробно анализируется мнение автора о политической культуре эпохи И.В. Сталина, о наличии характерных ее черт в последующие периоды истории конституционного развития СССР. Автор рецензии показывает спорность подобного вывода, сделанного О. Великановой. Политическая культура послевоенного СССР с ее решительным отказом от сталинского наследия едва ли может рассматриваться как сосуществование мнения какого-то единого большинства с «островками», как выражается О. Великанова, либеральной культуры; внутреннее советское общество стало намного сложнее, многообразнее, появились разные мнения по тем или иным вопросам развития государства и общества.

Ключевые слова: Конституция, социализм, коммунизм, Сталин, Хрущев, Брежнев, общество.

I.N. STREKALOV

**ON THE QUESTION OF THE POLITICAL CULTURE OF THE STALINIST ERA
IN THE HISTORY OF THE CONSTITUTION OF THE USSR**

(Book review: Velikanova O.

“The Constitution of 1936 and the mass political culture of Stalinism”. Moscow, 2021. 360 p.) The Lomonosov Moscow State University,
27-4, Lomonosovsky prospect, Moscow, 119192, Russian Federation

The review's author considers the monograph on the history of the creation of the Constitution of the USSR of 1936 written by Olga Velikanova. The review's author analyzes which sources are introduced by the Velikanova into academic circulation, points out which conclusions are new in the context of the historiography of the question and, finally, recognizes what is the scientific significance of the results of the study conducted by the historian. The conclusion of O. Velikanova relating the political culture of the era of Joseph Stalin, in the context of other periods of history of the constitutional development of the USSR, is analyzed in detail. The author of the review believes that such a conclusion is controversial. The political culture of the post-war USSR with its decisive rejection of the Stalinist heritage can hardly be considered as the coexistence of the opinion of some single majority with the “islets,” as the researcher expresses, of liberal culture; the whole Soviet society had become much more complex, more diverse, and a number of opinions had appeared on various issues of the development of the state and society.

Key words: constitution, socialism, communism, Stalin, Khrushchev, Brezhnev, society.

* Статья подготовлена в рамках грантового проекта РФФИ №20-09-00218 «Практики взаимодействия власти и общества в позднесоветский период (1956–1985 гг.)».

Илья Николаевич Стрекалов – канд. ист. наук, научный сотрудник, факультет политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, e-mail: strekalov4@gmail.com

Ilya N. Strekalov – Candidate of Historical Sciences, Research Associate, Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University.

Политическая история СССР является предметом исследования и обсуждения многих авторов (историков, политологов, социологов, публицистов) на протяжении нескольких десятилетий. Свой вклад в ее освещение вносит Ольга Великанова – профессор русской истории в Университете Северного Техаса (США), автор доступной теперь российскому читателю в переводе книги «Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма».

О. Великанова, в отличие от многих своих предшественников, акцентирует внимание именно на «реакции общества» на конституционный проект, представленный к всенародному обсуждению в СССР в 1935 г., на «культурном подходе» (с. 23), стремясь рассмотреть «советское общество 1930-х гг. и его отношение к индивидуализму, плюрализму, гражданским правам, насилию и компромиссу, а также уровень терпимости, что характеризует «переход от традиционного общества к современности» (с. 41).

Для достижения поставленных целей используется весьма разнообразный материал общенародной дискуссии о проекте Конституции СССР 1936 г.: как отечественные (делопроизводственные и персональный), так и зарубежные источники – разведывательные отчеты МИД Великобритании и спецслужб США, а также опросники советских беженцев после Второй мировой войны («Гарвардский проект»).

Каким образом можно оценить выводы, к которым Ольга Великанова пришла в своей работе? Прежде всего, исследователь, проводя мысленную параллель с рационалистами, деятелями эпохи Просвещения XVIII в., отмечает «убежденность партийных лидеров в том, что новая социалистическая среда играет первостепенную роль в политическом развитии человека» (с. 59). И.В. Сталин называется «наследником эпохи Просвещения» (с. 77). В связи с этим Великанова справедливо отмечает, что большинство современных историков приходят к убеждению, «что между словами Сталина и его делами был удивительно малый разрыв» (с. 78), что инициаторы и активные участники процесса создания проекта Конституции в «верхах» верили в реальность того победившего социализма, который провозглашали.

Затрагивает автор книги и вопрос о политическом участии населения в принятии Конституции. Не отрицая традиционного представления о чрезвычайном режиме мобилизации, использованном в процессе обсуждения проекта, Великанова, однако, подчеркивает, что «партийное государство не могло контролировать убеждения граждан так же эффективно, как их присутствие на собраниях» (с. 109). Исследователь полагает, что среди населения были распространены два дискурса – либеральный и нелиберальный. Это позволяет существенно скорректировать господствующее в историографии убеждение о невозмож-

ности либеральных настроений в СССР той эпохи. Конечно, представителей так называемой либеральной точки зрения было не так много, но эти «островки либеральной политической культуры» (с. 221), возникшие во время всенародной дискуссии по конституционному проекту в связи с призывами советского руководства к открытой критике негативных явлений в жизни общества и государства, остались после принятия Конституции уже вне публичной сферы, вылившись в позднесоветскую эпоху в диссидентское движение. Политическая культура населения сталинского СССР 1930-х гг., таким образом, содержала в себе «элементы гражданской культуры» (с. 335).

Однако позитивные сдвиги в диалоге власти и общества, как полагает автор книги, в силу ряда обстоятельств середины 1930-х гг. в СССР быстро сошли на нет. Политический портрет простого человека при этом в большинстве своем содержал такие элементы, как «приоритет государства, несклонность к компромиссу, недоверчивость, нетерпимость, патернализм и отсутствие социальной солидарности» (с. 329), которые, как утверждает Великанова, сохранились в российском массовом политическом сознании на протяжении всего XX в.

Собственно, именно последний тезис автора о распространении черт массовой политической культуры эпохи сталинизма на всю последующую историю советского общества – в том числе и позднесоветского – и заслуживает пристального внимания. Необходимо понимать, что послевоенный СССР в значительной степени отличался от эпохи сталинизма. Наиболее кардинальным образом расстановку сил в советском обществе изменил XX съезд КПСС 1956 г., на котором Н.С. Хрущев выступил с разоблачением культа личности И.В. Сталина, что было вершиной эпохи «оттепели», послужило толчком к определенной демократизации жизни населения, по сути, к так называемому разномыслию советских граждан – о последнем написаны фундаментальные работы Б.М. Фирсова [1], А.В. Юрчака [2]; подобного подхода придерживается и А.А. Фокин [3]. Ярко проявилось многообразие взглядов на сущность социализма, а также (что особенно важно) разное отношение членов общества к власти.

Во-первых, постсталинское руководство страны решилось на кардинальный пересмотр политической системы СССР и для этого инициировало конституционную реформу, многие положения которой значительно контрастировали с элементами механизма сталинского политического режима (см., напр.: [4, с. 36–39, 46–47]). Во-вторых, гражданская политическая культура позднесоветской эпохи просматривается отнюдь не только в акциях диссидентов, но и в действиях простых, политически не ангажированных

граждан, принимавших активное участие в обсуждении идей и проектов Конституции СССР 1977 г. на протяжении фактически двух десятилетий, 1960–1970-х гг.

Изучение конституционной почты эпохи создания и принятия «брежневской» Конституции, разработка которой началась в годы правления Н.С. Хрущева, демонстрирует небывалую вовлеченность советских граждан в ход конституционной реформы: они предлагали не только варианты формулировок отдельных статей, но и – неоднократно (а не только два–три случая, как было в 1936 г., с. 220) – присылали проекты разделов, полного текста Основного Закона СССР целыми тетрадами, пачками листов; кроме того, присылались формулировки стихов для Государственного гимна СССР, элементы гербовой символики, прилагались нарисованные, изготовленные собственными руками государственные символы СССР [4, с. 309–311, 353–356]. Эти источники свидетельствуют о росте гражданской сознательности, политической культуры советских граждан. Политическая активность членов позднесоветского общества не позволяет нам вслед за О. Великановой экстраполировать вывод о недавно овладевшем грамотой и относительно неискушенным в политике поколении 1930-х гг., которым (как считает автор) в большинстве своем манипулировала пропаганда, на более поздние эпохи истории СССР и говорить о «фальшивой природе конституционализма в России XX века» (с. 335).

Само по себе активное участие граждан в кампании по обсуждению проекта Конституции СССР 1977 г., их стремление к корректировке отдельных его положений, дополнению и обогащению вряд ли могут позволить нам согласиться и с другим выводом Великановой. Ссылаясь на концепцию «Номо soveticus» философа А. Зиновьева, она пишет, что неоправданные ожидания граждан в 1936 г. привели к разочарованию общества в более поздний период: «Здесь мы видим корни цинизма, который характеризовал поколение 1970-х годов..., окончательно размывшее советскую систему изнутри» (с. 294). Но правомерно ли делать столь широкие обобщения, не привлекая документальные источники? Ссылками лишь на ли-

тературу по теме или на результаты отдельных социологических опросов автор ограничивается и в других своих обобщениях (напр., см. с. 176, 318, 321).

Таким образом, если в отношении советского общества 1930-х гг. выводы автора книги вполне обоснованы, то ее рассуждения о перспективах развития этого общества, включая позднесоветское и постсоветское, представляются по крайней мере весьма дискуссионными и заслуживающими специального обсуждения, особенно главный ее вывод о недемократической доминанте с небольшими «островками» либеральной политической культуры.

В целом книга О. Великановой, посвященная истории создания Конституции СССР 1936 г. и изучению массовой политической культуры, формировавшейся также в ходе конституционной реформы, справедливо подвергает существенной ревизии традиционное представление о советском политическом режиме указанного периода как тоталитарном, о «монолитности» политического сознания советских граждан. Все это, в свою очередь, дает исследователям возможность еще раз задуматься о природе взаимоотношений власти и общества в истории СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы. СПб., 2008. 543 с.
2. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. 664 с.
3. *Фокин А.А.* «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М., 2017. 223 с.
4. *Стрекалов И.Н.* Последняя Конституция Советского Союза. М., 2018. 432 с.

REFERENCES

1. *Firsov B.M.* Difference of thinking in the USSR. 1940–1960s. Saint Petersburg, 2008, 543 p.
2. *Yurchak A.* It was forever until it was over. The last Soviet generation. Moscow, 2014, 664 p.
3. *Fokin A.A.* “Communism is not so far.” Images of the future in power and the population of the USSR at the turn of the 1950–1960s. Moscow, 2017, 223 p.
4. *Strekalov I.N.* The last Constitution of the Soviet Union. Moscow, 2018, 432 p.
4. *Strekalov I.N.* The last Constitution of the Soviet Union. M., 2018. 432 p. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 2021 г., vol. 28, no. 3, p. 110–112.

Статья поступила в редакцию 30.04.2021

Дата рецензирования 05.05.2021

Статья принята к публикации 07.06.2021

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 40 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php/trebovaniya-k-materialam.html>

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php> (сайт издания); http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm (сайт Института истории СО РАН); <https://www.sibran.ru/journals/GNvSib/> (сайт Издательства СО РАН)

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.